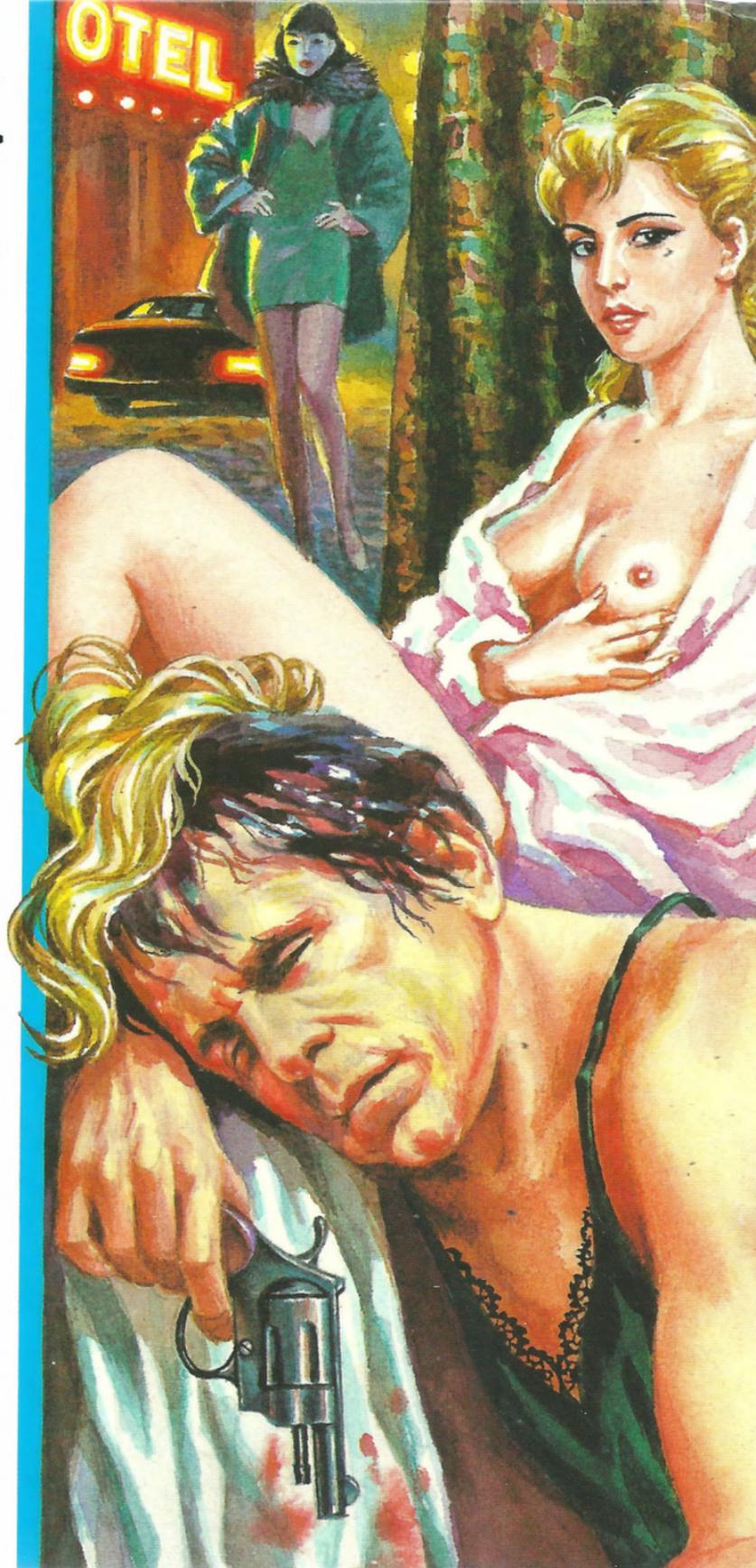

СЛУЧАЙ

ДЛЯ ПСИХИАТРА

ТЕРРА-ДЕТЕКТИВ

СТЕНЛИ ЭЛЛИН

**СЛУЧАЙ
ДЛЯ ПСИХИАТРА**

ДЖОЗЕФИНА БЕЛЛ

**ЛЕГКАЯ
ДОБЫЧА**

РАМОНА СТЮАРТ

**ОДЕРЖИМОСТЬ
КРОВЬЮ**

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

ББК 84(0)
Э47

Перевод И. ТОПОЛЬ

*Оформление художника
Н. БАЙРАКОВА*

Эллин Стенли. Случай для психиатра / Пер. Э47 с англ.; Белл Джозефина. Легкая добыча / Пер. с англ.; Стюарт Рамона. Одержимость кровью / Пер. с англ.— М.: ТЕРРА, 1996.— 463 с.— («ТЕРРА-Детектив»).
ISBN 5-300-00419-7

Глубина психологических наблюдений, напряженность и сверхдинамизм сюжета, повышенный интерес авторов к мистике и эротике — вот что объединяет детективы, включенные в предлагаемый читателю сборник.

Э 4703000000-192 Без объявл.
А30(03)-96

ББК 84(0)

ISBN 5-300-00419-7

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

ЛЕГКАЯ
ДОБЫЧА

ДЖОЗЕФИНА БЕЛЛ

Перевод *И. ТОПОЛЬ*

Глава 1

Дом двадцать шесть по Сэндфилдс-авеню в юго-западном Лондоне был угловым. Редлэнд Клоуз, маленький тупичок всего из восьми домов, отделял двадцать шестой дом от соседнего — двадцать восьмого. Такое расположение позволяло Холмсам, жившим в двадцать шестом, иметь бóльший и иначе спланированный садик, чем у жильцов прижавшегося по другую сторону дома-близнеца номер двадцать четыре. А поскольку по Редлэнд Клоуз не было сквозного проезда и не все его обитатели имели автомобили, движения там почти не было.

Рэй Холмс был горд расположением своего дома, за который все еще выплачивал ипотечный кредит, взятый при покупке. У жены Рэя — Мевис — на этот счет было несколько иное мнение. Большой сад — это больше работы для Рэя, особенно по уик-эндам. А то, что сад двумя сторонами прилегал к улице, могло когда-нибудь оказаться небезопасным.

Но пока Джой еще мала, поводов для беспокойства не было. Во всяком случае, Мевис восхищалась Рэем за то, что он всегда имел собственное мнение, и за энергию, с которой его отстаивал: решил купить дом, как только появится такая возможность, — и купил, вместо того чтобы торчать в городе. Они часто повторяли себе, это решение уже окупилось, поскольку в перенаселенном городском доме они не стали бы сдавать комнату, и не найти бы им тогда мисс Траб. Всегда готовую прийти на помощь, дружелюбную, поматерински заботливую мисс Траб.

Однажды осенним вечером, когда Джой едва исполнилось шесть месяцев, Рэй и Мевис собирались на вечеринку к приятелям, жившим между Розхемто-

ном и Хаммерсмитом. Рэй, который работал чертежником в проектном бюро, после трудного дня очень устал.

— Обязательно переодеваться? — спросил он, входя к жене в спальню.

Мевис с трудом выкроила после обеда немного времени, чтобы отгладить свое платье из тафты, уложить волосы и привести в порядок ногти, а потому не собиралась уступить.

— Поступай как знаешь, — обиженно бросила она, — но это третья годовщина их свадьбы, а Кэрол была моей ближайшей подругой в конторе. Она по-прежнему там работает, и ее шеф сказал, что тоже может зайти. И вообще, — добавила она, кокетливо прищурясь, — я обожаю наряжаться. Ты же хочешь, чтобы я хорошо выглядела?

Он ее обнял и поцеловал — они все еще были безумно влюблены друг в друга.

— Ну ладно, ладно, — деланно вздохнул он, — переоденусь. Хотя какая разница — что тот костюм, что этот. Оба мы купили к свадьбе.

— Не говори глупостей. Ведь один ты специально оставил для таких случаев.

Они молча переодевались, пока наконец Мевис не вздохнула удовлетворенно и благодарно.

— Не будь мисс Траб, мы вообще бы не смогли пойти.

— Нашли бы кого-нибудь посидеть с Джой.

— За плату? Кого бы мы нашли? Ведь здесь мы почти никого не знаем, так, перебросимся парой слов в магазине, но кто-нибудь нас приглашал к себе?

— А тебе этого хотелось бы?

— Не то, чтобы очень... Но ты же понимаешь, о чем я?

— О том, что делать с ребенком?

— О мисс Траб. Она все делает бесплатно и говорит, что обожает это, бедняжка.

— Но она не так стара, иначе не работала бы.

— Видимо, не может себе позволить не работать. Кажется, у нее нет никаких родственников.

— Ты ее спрашивала?

— О семье? Нет. Она не слишком разговорчива,

поэтому я не хотела расспрашивать ее о личной жизни.

— Если уж об этом зашла речь, тебе известно, где она работает?

— Точно — нет. Говорит, в Сити. Ездит автобусом до Уимблдона, оттуда дальше. Но разве это важно? Она спокойна, аккуратна, платит за квартиру и остается с Джой, когда нам нужно выйти вечером. Чего еще нам от нее желать?

— Абсолютно ничего. Нам чертовски повезло с ней, а в городе бы так не получилось.

— Не нужно каждый раз подчеркивать, какой ты умный, — я давно это знаю.

Теперь уже Мевис обняла мужа и крепко его поцеловала. Переодевание шло довольно медленно.

Комната мисс Траб находилась в задней части дома, окнами в сад. Это была вторая по величине из трех спален наверху. Малая располагалась над холлом, прилегая к большой, выходящей на фасад. Дверь комнаты мисс Траб приходилась напротив ванной.

В комнате было совсем немного мебели — на большее Холмсов просто не хватило, — но зато современной, веселой и разноцветной, как и обои на стенах. Эта обстановка представляла удивительный фон для мисс Траб — ее седых волос, однотонных платьев и массивной фигуры женщины средних лет, но она казалась довольной. Когда вскоре после ее переезда Мевис спросила, не хотела бы она привезти что-нибудь из личных вещей, та легонько усмехнулась и ответила, что никакой мебели у нее нет. Да и платьев у нее было немного, хотя со временем гардероб ее постепенно разрастался.

Когда мисс Траб появилась у них, прочитав объявление в местной газете, Джой исполнился только месяц. Других желающих оказалось немного. И хотя несколько человек зашли лично, еще несколько написали, но все отказались при известии, что в доме есть младенец.

Все, за исключением мисс Траб. Когда та увидела

в холле коляску и когда Мевис рассказала ей о Джой, ее суровое, лишенное выражения лицо осветил вдруг какой-то отблеск, какая-то внутренняя радость, засиявшая в поблекших глазах и заставившая дрогнуть голос. Мевис была поражена — ведь она ожидала отказа, и еще более категоричного, чем прежде, но мисс Траб немедленно сняла комнату и на следующий день переехала.

В тот вечер, когда Мевис с Рэем собирались в гости, мисс Траб сидела у себя в комнате у открытого окна, глядя на синие сумерки и на огни в не зашторенных еще окнах. Света она не зажигала, газета, которую читала, прежде чем стемнело, лежала на коленях. Женщина сидела неподвижно. Привычку эту она приобрела за много лет вынужденного спокойствия и внутренней пустоты.

Через некоторое время мисс Траб встала, задернула шторы и занялась ужином. Хотя Мевис не раз предлагала ей пользоваться кухней, она предпочитала помещенную над камином газовую плитку у себя в комнате, на которой готовила чай, или варила яйцо, или разогревала рыбу, запеченную в тесте, или мясной паштет с фасолью. С удовольствием готовила эти скромные яства и с таким же удовольствием съедала их за низким столиком у камина, при свете настольной лампы. Ела в тишине, не нарушаемой ни радио, ни телевизором, которых — как она говорила Мевис — она не переносила. За едой не читала ни книг, ни журналов, наслаждаясь покоем, столь долгожданным и с трудом добытым одиночеством. Постепенно, но все глубже погружалась она в самоизоляцию, и теперь часами сидела, объятая его теплом, не выходя из дома — ведь ей некуда было идти, — но в безопасности, ощущение которой давали стены собственной комнаты. По крайней мере, так она надеялась, стараясь в тревожные минуты сама себя в этом убедить.

Перед уходом из дому Рэй с Мевис на минутку задержались у ее двери, чтобы сказать, что они уходят, что Джой спит и что вернутся они не позднее одиннадцати.

Мисс Траб торопливо проглотила кусочек кекса, встала и подошла к дверям, радушно улыбаясь.

— Я буду дома,— сказала она, сама рассмеявшись этому ненужному заверению.

Молодые родители тоже рассмеялись и сбежали по ступеням, держась за руки.

После их ухода мисс Траб, склонив голову набок и прислушиваясь, некоторое время постояла у лестницы. Дом был погружен в тишину. Звуки, долетавшие снаружи сквозь открытое окно на лестничной клетке, казались далекими и неважными — шум машин, крики детей, которым, по ее мнению, давно пора было спать, какой-то стук. Занятые своими делами люди где-то там, далеко, уже не могли ее беспокоить — и даже просто найти. В этом молчаливом доме она была совершенно одна, не считая, разумеется, ребенка.

Заглянула в маленькую спальню над холлом. Там была детская Джой, которая по новомодным обычаям спала одна. Мисс Траб считала это недопустимым, но никогда не говорила такого вслух. Ни за что на свете она не вмешалась бы в чужие дела и привычки.

Тихонько проскользнув в комнату, женщина постояла у кровати. Из-под высоко натянутого одеяльца видны были только короткие пушистые детские волосенки. Мисс Траб вытянула палец, чтобы их погладить. Ребенок заворочался. Показалась розовая щечка, влажная от пота, крошечный носик поморщился, губки дрогнули. Потом, легонько вздохнув, Джой снова спокойно уснула.

Мисс Траб осторожно чуть приоткрыла одеяльце — Джой, видимо, было жарко. Еще несколько минут постояла со смягчившимся лицом, хотя непроницаемым еще больше, чем когда-либо прежде. Потом отвернулась и зашагала в сторону своей комнаты. Но внезапно задребезжал звонок у входных дверей, разрывая тишину сонного дома.

Мисс Траб вздрогнула, поднеся ладонь к горлу. Звонки всегда пугали ее, даже обычные электрические звонки в дверь. Дважды проглотила она слюну, борясь с беспричинным страхом. Когда звонок задребезжал вновь, она уже успокоилась.

«Просто скажи, что их нет,— шептала она себе.—

Ничего с тобой не случится. Их нет. Только скажи это, и они уйдут. Уйдут»,— повторила она вслух и стала спускаться по лестнице.

У приятелей Рэй и Мевис застали суший ад. Дерек Фрей неожиданно и неизвестно отчего заболел, Кэрол заливалась слезами, а шестеро гостей суетились с бесполезными советами, пытаясь перекричать друг друга.

— Он как раз наливал напитки,— всхлипывала Кэрол, встречая их в холле,— и вдруг потерял сознание. Это продлилось целую вечность, по крайней мере, мне так показалось. А сейчас он весь дрожит и говорит, что не чувствует ног.

Рэй с Мевис изумленно переглянулись. Кэрол это заметила и вновь залилась слезами.

— Полиомиелит! — рыдала она.— Все так думают! Я этого не переживу!

— Как давно это произошло? — спросил Рэй решительным тоном, который успокаивающе действовал на Кэрол.

— Полчаса назад. Как раз начали собираться гости. Все приходили и приходили...

— Послушай,— вмешалась Мевис,— отмени все и немедленно отправь всех по домам. Ты звонила врачу?

— Роб сказал, что звонил.

— Я проверю,— коротко бросил Рэй, уходя.

Мевис тоже хотела пройти в комнату, но Кэрол ее задержала.

— Не уходи,— умоляла она.— Вы с Рэем оставайтесь еще хоть немного. Подождите, пока придет доктор. Дереку будет лучше, если тут будет Рэй. Остальные пусть себе уходят. Они все время говорят о таких ужасных вещах...

Мевис успокоила приятельницу, пообещав остаться. Когда прибыл врач, в доме царил относительный порядок — с паникой удалось справиться. Дерек перенесли наверх в спальню, детей успокоили и уложили спать.

Диагноз, поставленный доктором, был воспринят с удивлением, но одновременно и облегчением: у Дерекы нашли острый приступ малярии. Во время ар-

мейской службы на Востоке у него, правда, был один легкий приступ, но с тем сразу справились и он давно о нем забыл. Врач оставил лекарства, всех успокоил, обещал зайти утром и удалился. Температура у больного все поднималась.

— Ну и что теперь? — спросил Рэй, когда Кэрол с Мевис наконец рухнули на кресла в гостиной.

— Господи Боже, — воскликнула Мевис, вскакивая с кресла. — Уже почти полночь! Мисс Траб наверняка ломает голову, что с нами случилось.

Кэрол сидела бледная, с искаженным тревогой лицом, не говоря ни слова. Но Рэй ее понял.

— Ты, наверное, хочешь, чтобы мы остались? — ласково спросил он. — Нам бы нужно ехать к Джой. Но если хочешь...

— Ну разумеется, — тут же подхватила Мевис, горя желанием помочь приятельнице. — Если только это не доставит тебе новых хлопот...

Кэрол облегченно вздохнула.

— Ты просто ангел! — повторяла она, не в силах найти иных слов, чтобы выразить свою благодарность.

По дороге домой в маленьком старом «остине» Рэй и Мевис не обменялись ни словом. Это был грустный и тревожный вечер, далекий по настроению от того, на что они рассчитывали. Но, по крайней мере, состояние Дерекса перестало вызывать опасения, а минутная паника, охватившая их при мысли об опасности заразиться самим вместе с Джой полиомиелитом, оказалась необоснованной.

Дом был погружен во тьму. Они въехали в тупик, остановившись у калитки со стороны Редлэнд Клауз, поскольку ворота у них ужасно скрипели. Дом был виден весь — и сзади и спереди — всюду было темно.

— Легла спать, — сказала Мевис с ноткой легкого недовольства в голосе.

— А чего ты хотела? Ей рано вставать, чтобы выйти из дому до восьми, бедняжке.

— А если бы Джой проснулась?

— А ты что, всю ночь ее сторожишь? Я, по крайней мере, так не делаю.

— Нет, конечно, нет. Но...

— Давай лучше открывай. Или ты собираешься всю ночь просидеть в машине?

Рэй достал ключ, некоторое время на ощупь ковырялся в замке и вошел в дом. Мевис, войдя следом, потянула носом.

— Газ! — крикнула она.

— Глупости!

— Говорю тебе, газ! Я чувствую запах!

Включив свет, они помчались в кухню. Тут запах был гораздо сильнее, но все краны оказались закрыты, и хотя окно заперто, но вентиляционная отдушина на стене — открыта. Распахнув окно, они заглянули в соседние комнаты, но там запах газа почти не ощущался. Растерянные и немного испуганные, они поднялись наверх.

— Может быть, она что-то готовила, залило плитку и газ еще не выветрился, — пыталась найти объяснение Мевис, — потом пахнуть может часами.

Рэй, не слишком обращавший на это внимание, думал о другом.

— Нужно сообщить ей, что мы снова уходим, — заметил он. — Жаль будить, но нет другого выхода.

— Наверняка она проснется сама. Нужно разбудить Джой и перенести ее в коляску.

— Даже если услышит, то решит, что это обычная вечерняя процедура. Нужно ей сказать.

Собрав в сумку все нужное на ночь для себя и Джой, они переоделись в повседневную одежду. Когда Рэй понес вещи в машину, Мевис осторожно постучала в дверь мисс Траб, спрашивая себя, насколько крепко та спит, сколько раз понадобится стучать и не придется ли входить, чтобы разбудить постоялицу.

Но этого не потребовалось. Двери распахнулись так сразу, что Мевис позднее подумала, что мисс Траб стояла за ними.

В комнате было темно, и из тьмы мисс Траб медленно выступила вперед, так что свет с лестницы упал на ее седые волосы, плотную фигуру и бледное, напряженное лицо.

Она была полностью одета, а в правой руке держала карандаш.

Глава 2

Мевис вздрогнула и подалась назад, скорее смущенная, чем обеспокоенная. Мисс Траб остановилась на пороге. Рэй, поднимавшийся по лестнице, тоже остановился.

— Мы не хотели вам мешать,— начала Мевис, все еще не придя в себя.— Думали, вы спите...

Мисс Траб потянулась к выключателю у двери, и комната тут же обрела свой привычный домашний уют. Настроение неопределенной угрозы улетучилось. Рэй с облегчением рассмеялся.

— Вы удивлены, наверное, зачем мы стучали? — начал он.— Дело в том, что...

Мисс Траб спокойно выслушала историю о внезапно заболевшем Дереке. Не казалась ни удивленной, ни даже сколько-нибудь заинтересованной, пока Мевис не сказала:

— Мы пообещали Кэрол остаться с ней до очередного визита врача. Я, во всяком случае, должна остаться, ведь Рэю утром на работу. Так что мы приехали переодеться и забрать Джой.

— Забрать Джой,— как эхо повторила мисс Траб. Первый раз что-то ожило в ее лице. Проблеск облегчения, а может быть разочарования, осветил ее глаза и дрогнул в уголках губ. Но она только кивнула и спокойно сказала:

— Разумеется. Я все закрою, если буду выходить.

— Вы так добры!

Порыв Мевис был сердечен и горяч, глаза мисс Траб застила мгла, может быть от слез. Рэй, который внимательно приглядывался к ней, не был в этом уверен. Позднее Мевис задумывалась, не обидел ли ее этот комплимент.

Когда они с ребенком вернулись в дом приятелей, комната для них уже была готова. Кэрол сказала, что Дерек был без сознания и бредил, но теперь пропотел и, видимо, уснет.

— Зови нас в любое время, если что-то случится,— посоветовала Мевис, отправляясь спать.

Погасив свет, они уже ложились, когда Рэй заметил:

— Мы ей не сказали о газе.

— О чем? — сонным голосом переспросила Мевис.

— О газе на кухне. Мисс Траб.

Мевис пришла в себя.

— Разумеется. И она даже не вспомнила об этом. А ведь должна была сказать — видимо, она и закрутила кран.

— Может быть, потому и была еще одета.

— Это нелогично.

— Что?

Но Мевис уже потеряла нить разговора. Снова вспомнила массивную фигуру мисс Траб, выплывающую из темноты.

— Странно, что у нее в комнате было темно.

— Чертовски странно. Я даже испугался.

— И я тоже. Будь она в ночной сорочке, все казалось бы естественным. Но так, полностью одетая, и вообще... и стоящая, не говоря ни слова...

Они несколько минут помолчали, пока Рэй не сказал равнодушным тоном, под которым обычно скрывал беспокойство:

— Надеюсь, с головой у нее все в порядке.

— Полагаешь, такое возможно?

— Ну а что мы, собственно, о ней знаем? Нет, в самом деле?

— Только то, что она работает в Сити. Кроме этого никуда не выходит. Даже вечерами, правда?

— Не припомню, чтобы она куда-то выходила. Видимо, знакомых у нее нет совсем.

— Это немного странно, тебе не кажется? Почему мы этого не замечали раньше?

Рэй возмущенно хохотнул.

— Потому, что были счастливы, что получили квартирантку, которая аккуратно платит, не устраивает скандалов, не роется в наших вещах и присматривает за ребенком.

— Да, пожалуй, так и есть, — подтвердила Мевис совершенно сонным голосом.

Рэй услышал, как она зевнула, и погладил по плечу.

— Ничего страшного. Спросим ее про газ завтра утром, как-нибудь при случае.

— При каком случае?

— Да найдется... Не забивай себе голову.

— Тебе придется раньше встать, чтобы успеть на работу.

— Встану, не волнуйся.

Рэй проснулся в шесть, в семь был уже одет, побрит, позавтракал и готов к выходу. Ночь он провел лучше, чем Мевис, которая во втором часу вставала, чтобы помочь Кэрол. У Дерска горячка спала, и, когда его уложили в свежеперестеленную постель в чистой пижаме, он наконец уснул, слабый и обессиленный, но спокойный. Мевис просидела с Кэрол до пяти, а потом уснула так крепко, что не слышала, как Рэй вставал.

Когда он уходил, в доме было тихо. Дети Фреев еще спали. Джой тоже не было слышно. Рэй уехал довольный, будучи уверен, что кризис миновал и что, вернувшись с работы, найдет жену с дочкой дома и все в полном порядке.

Он ошибался. И понял это в тот момент, когда отворил входную дверь своего дома. Он снова ощутил запах газа, но гораздо сильнее, чем накануне вечером. На этот раз газ ударил удушающей волной, выталкивая его обратно в сад. Отшвырнув и затоптав окурок и набрав побольше воздуха, он помчался в кухню.

Все краны у плиты были отвернуты. Газ бил в глаза, легкие разрывались от задержанного дыхания. Ему удалось кое-как закрутить краны и вновь выскочить в сад, где он стоял, качаясь как пьяный, не соображая, что ему теперь делать.

Вышедший сосед задержался, чтобы спросить, что случилось. Рэй, с трудом справляясь с голосом, ответил. Удивленный и заинтересованный сосед зашел в сад Холмсов. Рэй заметил, что тот смотрит на окна второго этажа, и пояснил:

— Нас не было дома...

И тут же, пораженный, умолк. Мисс Траб! Он схватил соседа за плечо.

— Наша квартирантка! Наверное, она там!

Хотел снова кинуться в дом, но сосед удержал его.

— Можно задохнуться, не успев подняться наверх, а вы даже не знаете, там ли она. Нет ли у вас лестницы? Где ее окно?

Собрались еще соседи, привлеченные возбужденными голосами и суетой в саду дома номер двадцать шесть. Не прошло и десяти минут с того момента, как Рэй распахнул входную дверь, как уже принесли лестницу и выставили стекло запертого окна комнаты мисс Траб.

Та лежала на постели без сознания, хотя еще живая. Поспешно вынеся ее в сад, позвонили в скорую помощь и полицию. Все окна и двери распахнули, и запах газа постепенно стал выветриваться.

Когда машина скорой помощи забрала мисс Траб, люди стали расходиться, возбужденные утренней сенсацией. Все сделали как надо — мужчины были полны удовлетворения от своей удачи и инициативы, женщины горды за своих мужчин. Жертва несчастного случая выглядела не слишком ужасно, а ее судьба еще оставалась неизвестной, и потому интригующей. Было о чем говорить и думать весь остаток дня.

Рэй, как только смог войти в дом, тут же позвонил в контору, чтобы объяснить свое отсутствие, а потом Мевис, чтобы рассказать, что случилось. Ей следовало оставаться с Кэрл, а он вечером заберет их домой. Состояние мисс Траб тяжелое, но ей должны сделать переливание крови сразу, как только привезут в больницу.

Мевис была настолько потрясена, что смогла выдать только несколько слов. «Все дойдет до нее потом, постепенно», — подумал Рэй, кладя трубку. До его сознания то, что случилось, дошло только сейчас. Когда пришел инспектор Браун из районного отдела криминальной полиции, Рэй задумчиво стоял в саду, глядя на открытые настежь двери дома. Полицейский, пришедший с Брауном, остался у ворот, разгоняя вновь собравшихся зевак.

— Хотите войти? — с унылой улыбкой спросил Рэй. — В прихожей уже безопасно — я заходил звонить.

— Пока еще нет. Прежде всего я хотел бы услышать от вас, что здесь произошло.

Рэй рассказал ему все, пояснив при этом, почему они с семьей провели ночь вне дома.

— Меня больше всего беспокоит то,— продолжал он,— что запах газа мы почувствовали еще в первый раз.

Браун вздрогнул.

— Что вы имеете в виду?

— Когда мы приехали за ребенком и вещами, моя жена почувствовала легкий запах газа. Я проверил краны — все были закрыты. Но запах отчетливо ощущался в кухне и слабо — в холле. Я открыл в кухне окно, и, разумеется, все время действовала вытяжка. Наверху ничего не было слышно. Мы решили, что у мисс Траб на плитке что-то выкипело и что она плохо закрыла кран.

— Вы спрашивали ее об этом?

— Нет.

— Вы заметили, что что-то выкипело? Какой-то беспорядок на кухне?

— Нет. Я об этом даже не подумал, когда был в кухне. Это была мысль Мевис, но она не зашла проверить.

— Вы говорите, что открыли окно в кухне?

— Да.

— Сегодня утром оно еще было открыто?

Рэй задумался и удивился.

— Нет. Разумеется, нет. Ведь там было полно газа.

— Вы хорошо видели, что окно было закрыто?

— Не тогда, когда я кинулся закрывать краны. Я уж думал, что не успею. По крайней мере, не на одном дыхании. Думал я только о кранах и о том, как оттуда выбраться.

Браун кивнул, довольно улыбаясь. Молодой человек был отважен и рассудителен. Эти черты не всегда идут вместе.

— Можно осмотреть кухню изнутри?

— Разумеется.

Они обошли дом вокруг. Окно в кухне было взломано. Битое стекло валялось на дорожке и маленькой клумбе под окном. Клумба и газон истоптаны десятками ног. К стене прислонены пустые оконные рамы.

— Надеюсь, вы застрахованы,— сухо заметил инспектор.

— Да, мы застрахованы.

— Вот нечто странное,— заметил Браун, указывая на большой кусок мха, прильнувший к стене дома.

Рэй вытаращил глаза.

— Это на вытяжке! Странно, откуда тут взялся мох?

Инспектор только покачал головой и пошел дальше.

Рэй показал окно мисс Траб, тоже выбитое. Принесенная соседями лестница все еще стояла у стены.

Инспектор Браун взобрался по лестнице. Пнул разбитое окно и, заслоня нижнюю часть лица извлеченным из кармана платком, перегнулся внутрь.

Постель была в беспорядке, стоявшие рядом с ней столик и кресло опрокинули, когда в спешке выносили мисс Траб из комнаты, полной газа. Не считая этого, в комнате все было в порядке: одежда жертвы аккуратно сложена на комод, туалетный столик убран. Инспектор не заметил ни письма, ни хотя бы записки. Убрав голову из окна, он сунул платок в карман и спустился вниз.

— Осмотрюсь, когда воздух очистится,— заявил он.— На вашем месте я пока не оставался бы дома. Газ тяжелее воздуха, он собирается внизу, так что опаснее всего в подвале. Вернитесь через несколько часов. Я тут оставлю кого-нибудь для охраны, так что причин волноваться не будет.

— Я не волнуюсь,— возразил Рэй, задетый покровительственным тоном инспектора.— Жене я уже сказал, что заберу ее вечером. Но на работу мне нужны кое-какие бумаги. Могу я пойти за портфелем?

— Он внизу?

— В холле на столе.

— Пожалуйста. Но не задерживайтесь.

Рэй задерживаться и не собирался. В холле все еще стоял запах газа, но слабее, чем тогда, когда он звонил. Схватив портфель, через минуту он уже опять был в саду, торопясь на работу.

— Вы не возражаете, если я позвоню в больницу? — спросил он Брауна, когда они вместе шли к воротам.

— Ради Бога, если хотите.

— Конечно, хочу. Мы ее любили. Никогда бы не подумал... Я хочу сказать... Самоубийство! С чего, Господи Боже? Всегда держалась так спокойно...

Инспектор не ответил.

— Могу я заняться окнами? — спросил Рэй.

— Я это сделаю за вас, — неожиданно возразил Браун. — Хочу как следует осмотреться, пока все стоит как было. Но до вечера все восстановим. Будьте спокойны.

Молодой человек хотел было признать эту вежливость проявлением профессиональной, а потому обидной опеки, но поведение инспектора было столь обезоруживающим, что ему ничего не оставалось, как сердечно поблагодарить.

Письмо от мисс Траб Рэй обнаружил в своем портфеле, когда пришел в бюро. Лежало оно в конверте, скрепленном с другим конвертом. Написано на нем было следующее: «Прошу доставить прилагаемый конверт, и пусть вас всех троих Господь благословит». Другой конверт был адресован «Миссис Френсис Мидоус. Даунсайд, Лондон Роад, Уэйфорд, Суррей». Конверт не был запечатан, и марки не было.

Рэй несколько минут разглядывал письмо, не зная, что делать. Тут явно было нечто странное. Письмо ничего не объясняло, но, судя по всему, нечто большее содержалось в письме неизвестной миссис Мидоус. И письмо не запечатано. Случайно или умышленно? А если намеренно, то для чего такие сложности?..

Рэй решил, что обычные нормы хорошего тона в этом случае не годятся. Он хотел знать, почему мисс Траб решила на самоубийство. В конце концов, она сделала это в его доме, что повлекло за собой немалые осложнения для него и его семьи. И он имел право знать. И Мевис тоже. Возможно, все это нужно передать инспектору. Однако он припомнил, что хотя Браун и задавал массу вопросов и, казалось, относился к делу очень серьезно, но даже видя, как заинтересовался Рэй судьбой мисс Траб, не дал никаких пояснений. Разве обычное самоубийство всегда влечет за собой такое дотошное следствие? Рэй не знал, но полагал, что письмо миссис Мидоус может что-то объяснить. Так что он извлек его из конверта и прочитал.

Когда в конце дня он заехал к Фреям за Мевис и Джой, Дерек был уже в хорошей форме и сокрушался из-за хлопот, причиной которых он оказался. Рэй показал письмо жене и другу.

— Честно говоря, тут ничего нет,— заметила Кэрол, возвращая письмо Рэю.

— Она только пишет, что ее уже никогда не побеспокоят,— задумчиво протянула Мевис.— Видимо, она имела в виду самоубийство. Интересно, кто эта Френсис.

— Какая-то родственница или приятельница, о которой мы никогда не слышали,— попытался угадать Рэй.

— Возможно. Во всяком случае, тут есть адрес. Можем отправить ей это письмо и еще написать от себя.

— Позволь взглянуть еще раз,— вмешался Дерек, потянувшись за письмом. Держал он его осторожно, за краешек, двумя пальцами, внимательно разглядывая со всех сторон.

— Я бы сказал, что писала его особа с неустойчивым характером. Прежде всего, оно написано карандашом. Казалось бы, что женщина в ее возрасте и с такой канцелярской практикой должна бы взять перо или хотя бы авторучку. И для чего обрезать край такой волнистой линией?

Рэй перехватил письмо.

— Я тоже заметил, но подумал, что это такой фантазийный сорт бумаги.

— Обрезанный так только с одной стороны?

— Он прав, дорогой,— рассмеялась Мевис, вырывая лист у Рэя.— Она явно сделала это сама. Ну ясно, она была в состоянии психического расстройства. Только вчера вечером мы заметили...

— Карандаш был у нее в руке! — перебил ее Рэй.— Боже мой, она писала это именно тогда, когда мы вернулись!

Мевис побледнела.

— Значит, начала она еще до нашего приезда! Тот запах газа... Ей пришлось его закрыть, когда она услышала нашу машину. И Джой была дома!

Повисло тревожное молчание, нарушенное в конце концов Рэем.

— Я в это не верю. И не верю, что она не в себе. Ведь она прожила у нас шесть месяцев. Никогда не встречал более уравновешенной особы. Признаюсь, замкнутой. Но не безумной. Это исключено.

— Такое очень трудно распознать,— начала Кэрол, а Дерек добавил:

— Разве попытка самоубийства — не достаточное доказательство?

Но Рэй был упрям. Семью он забрал домой, где все еще стоял на страже констебль. Окна были наживую забиты досками и в комнатах, после досмотра их полицией, царил беспорядок, но запаха газа уже не было и дом стал безопасен.

Мевис собралась было поплакаться над состоянием их жилища, но Рэй был мыслями уже далеко.

— Я на минутку загляну в больницу,— решил он.— Предпочитаю отдать это письмо врачу, чем полиции. Если он передаст — его дело. Если мисс Траб умрет, то, полагаю, письмо попадет к следователю.

Однако ему сообщили, что состояние мисс Траб несколько улучшилось, хотя и оставалось тяжелым. Ему не позволили ее увидеть, лечащий врач был в другом корпусе, но старшая сестра проводила Рэя в свою комнату. Взглянула на конверт, не заглядывая внутрь, и пообещала позднее передать его врачу.

— Отправлять его не стоит,— сказала она,— поскольку миссис Мидоус будет тут сегодня вечером. Это сестра мисс Траб.

Рэй был поражен.

— Как вы об этом узнали? Мисс Траб приходила в себя?

— Не совсем. Она еще ничего не смогла нам сказать.

— Тогда откуда?

— Полиция,— сообщила медсестра,— полиция дала мне имя и адрес и велела уведомить миссис Мидоус.

— Полиция?

Медсестра поджала губы.

— При попытках самоубийства полиция приходит сюда, чтобы пациент, придя в сознание, дал показания. Самоубийство все еще считается преступлением, вы, наверно, знаете...

— Да, но...— Рэй разволновался.— В нынешние времена это всегда следствие утраты психического равновесия, правда? Я полагал, что в большинстве случаев правосудие не вмешивается.

— В большинстве случаев не вызывают полицию,— ядовито заметила сестра, которая не переносила присутствия полиции в отделении.— Мне казалось, что это вы их вызвали.

— Наши соседи. Такие бесцеремонные типы...

Сестра вновь была спокойна и уравновешенна.

— Может быть, вы хотели бы перекинуться парой слов с дежурным полицейским?

Рэй заколебался.

— Письмо...— начал он и запнулся.

— Письмо я отдам миссис Мидоус,— решительно повторила сестра.— Никому нет до него дела, кроме мисс Траб и ее сестры.

Дежурный констебль вышел из палаты и подозрительно приглядывался к Рэю, ожидая объяснений. Но когда узнал, кто он, подозрительность сменилась словоохотливостью.

— Тебе чертовски повезло, сынок,— заявил он,— что ты вовремя вернулся. По крайней мере, никто из твоих в это не замешан.

— Не понимаю,— воскликнул Рэй,— всех этих намеков и тайн. Так самоубийство это было или нет? И каким образом вы так скоро узнали, что миссис Мидоус ее сестра?

Он пожалел о собственных словах, когда заметил, как сузились глаза полицейского.

— А откуда ты узнал про миссис Мидоус?

На помощь поспешила сестра.

— Это я ему сказала,— спокойно вмешалась она,— что сестра мисс Траб уже едет сюда. Нужно признать, что я сама удивлялась, откуда вы про нее знаете. Но, наверно, ваши перетряхнули все ее вещи.

В этот миг полицейский совершил большую оплошность. Искушение было велико, и он ему поддался.

— Нам не пришлось ничего искать,— снисходительно заявил он.— Мы знаем мисс Траб. И очень хорошо. Уже пятнадцать лет.

Глава 3

Миссис Мидоус прибыла в больницу в половине десятого вечера. Старшей сестры уже не было, так что ее проводили в свободную комнатку на этаже и санитарка побежала предупредить дежурную. Та пришла сразу же. Случай мисс Траб был необычен и вызывал беспокойство, так что весь персонал больницы трактовал его как нечто исключительное. Значит, и сестра мисс Траб, ее единственная близкая родственница, была чем-то уникальным.

— Простите, что вам пришлось ждать, — начала дежурная, — надеюсь, вам уделили внимание...

— Да, благодарю, — и миссис Мидоус вежливым жестом показала на чашку чаю на маленьком столике и включенный электрический камин. — И я почти не ждала...

Сестра смотрела на нее с симпатией. Возраст ее оценила около сорока, а может быть, учитывая, что та очень следила за собой, в года сорок два — сорок три. Симпатичная, в темно-каштановых волосах ни следа седины, в однотонном, хорошо сшитом платье относительно модного фасона. «Совершенно непохожа на постаревшую, отяжелевшую мисс Траб», — подумала она и тут же сама себя одернула. Несчастливая на койке номер двадцать наверняка когда-то тоже выглядела совершенно иначе. Теперь же она была опасно больна и цеплялась за жизнь с упорством, тем более удивительным, что так недавно хотела покончить счеты с жизнью.

— Как чувствует себя моя сестра? — тихо спросила миссис Мидоус.

Будь дежурная сестра менее занята сравнениями, она бы удивилась ее поведению, полному спокойной сдержанности, не выражавшему никаких глубоких чувств, кроме, может быть, легкого беспокойства.

— Держится. Мы все удивлены, что держится так долго.

— Быть может, я не должна так говорить, — вздохнула миссис Мидоус, — но для ее собственного блага

лучше бы...— она запнулась, испытующе и озабоченно уставившись в лицо своей собеседницы.

Дежурная сестра уселась поудобнее. Она была не менее любопытна, чем другие, и подумала, что ничего плохого нет в том, что она узнает о мисс Траб больше старшей сестры.

— Ваша сестра была... гм... несчастна? — спросила она, стараясь быть максимально тактичной.

Но на миссис Мидоус такие вопросы уже перестали производить впечатление, и ответила она почти машинально:

— Моя сестра просидела пятнадцать лет в тюрьме. Она была осуждена пожизненно...

— За...— заикнулась медсестра и не смогла закончить.

— За убийство,— ответила миссис Мидоус все тем же спокойным тоном.

— Ох... я... мне очень жаль,— выдавила медсестра, тараща глаза на гостью.

В больнице все подозревали, что у больной были когда-то проблемы с полицией. Старшая сестра подслушала неосторожные слова констебля в разговоре с Рэем. Но полагали, что бедная мисс Траб максимум клептоманка, из тех воришек, которые крадут всякие мелочи в супермаркетах и, конечно, попадают. Допускали, что за ней может быть несколько задержаний. Краткосрочных, разумеется. Но от внезапных угрызений совести она могла почувствовать отвращение к самой себе и решила покончить со всем сразу.

Сестра напомнила себе, что у нее конверт для миссис Мидоус.

— Вот что нашли,— сказала она.— Мисс Траб оставила это у хозяина дома, в котором жила, а он привез это сюда.

Миссис Мидоус взяла конверт довольно неохотно, как показалось дежурной сестре.

— Может быть, это нужно отдать в полицию...

— Полагаю, он хотел этого избежать. Конверт адресован вам и был всунут ему в портфель, где полиция искать бы не стала. Потому он и принес его сюда.

— Я спрашиваю себя, что с ним делать,— повторила миссис Мидоус, не отрывая глаз от конверта.

— Вы не намерены вначале прочитать?

— Пожалуй...

Она достала небольшой листок бумаги, и сестра заметила, как взгляд ее забегал по строчкам. Несколько секунд миссис Мидоус сидела со склоненной головой, потом закрыла лицо руками, и ее шуплое тело затряслось от сдержанных рыданий.

— Ну тише, тише,— успокаивала сестра, поглаживая ее по плечу.— Не ваша вина, что несчастная лишилась рассудка.

Миссис Мидоус выпрямилась, ища платок.

— Так считают? — спросила она, стараясь взять себя в руки.— Все правда так думают?

В комнату заглянула санитарка, вызывая дежурную.

— Сейчас вернусь,— уверила та.— Это недолго.

— Я не могла бы увидеть Элен?

— Элен?

— Мою сестру. Элен Клементс. Она называла себя Траб, но настоящая фамилия ее Клементс.

— Подождите, пока я вернусь.

Миссис Мидоус кивнула, и сестра поспешно вышла, довольная тем, что благодаря откровенности сестры мисс Траб стала хозяйкой положения. Бедная женщина! Как это ужасно — иметь подобного члена семьи! Дежурная впервые сталкивалась с кем-то из ближайших родственников убийцы и с самой убийцей — напомнила она себе с легкой нервной дрожью. Торопливо уладила дела и через несколько минут уже вернулась.

Миссис Мидоус она застала в коридоре, беседующую с дежурным констеблем. Тут ее вдруг охватил страх.

— А не опасно оставлять ее одну? — строго спросила она.

Констебль удивился.

— Не знаю, я не врач.

— Я не имела в виду ее состояние,— буркнула дежурная, рассерженная его непонятливостью.— Я думала о персонале. Не опасно оставлять его с глазу на глаз с ней?

Констебль покраснел. Он старательно придержи-

вался данных инструкций. Ни разу не проговорился — не считая нескольких слов, которые вырвались в разговоре с Холмсом. Правда, и их хватило — видимо, все догадались. А может, тут уже и газетчики вот-вот будут? Жаль, что она еще раз не переменяла фамилию. «Странно,— удивился он,— почему не использовать еще раз такую простую предосторожность?»

— Я рассказала сестре кое-что из истории Элен,— сказала миссис Мидоус своим мягким невозмутимым голосом.— Полагаю, это моя обязанность перед больницей.

Ее прекрасные глаза, обращенные к констеблю, наполнились слезами, которые уже текли по щекам. Тот почувствовал себя не в своей тарелке. Ох уж эти женщины!

Он повернулся к медсестре:

— Мисс Траб, очевидно, спит. Санитарка обещала мне присмотреть за ней, пока я схожу попить чаю. И тогда миссис Мидоус...

— Услышав голос,— пояснила миссис Мидоус дежурной сестре,— я вышла, чтобы узнать, что случилось. Не думаю, чтобы тут, в больнице, знали подробности.

— Мистер Холмс, хозяин дома, все обстоятельно рассказал старшей сестре, а та повторила мне. Я сказала бы вам, спроси вы меня об этом.

— Но вас же вызвали,— виновато возразила миссис Мидоус.

Констебль тем временем скрылся в кухне, где его ждал остывший чай.

— Может быть, вам хотелось бы взглянуть на сестру перед уходом? — холодно спросила дежурная, обиженная нарушением дисциплины. Ясно было, что миссис Мидоус измучена и хочет отдохнуть.

— Надеюсь, вам есть, где остановиться,— добавила она по пути в палату.

— Да, спасибо.

Войдя в палату, где лежала мисс Траб, они зашли за ширму. Пациентка была одна, лежала спокойно, дышала ровно. Была погружена в дрему, но не спала. Глаза ее, устремленные в пространство, словно с усилием задержались на лице медсестры.

— Мисс Траб,— сказала та, чувствуя, что ей немного не по себе, поскольку совершенно заурядный вид больной вызывал в ее воображении самые мелодраматические фантазии,— к вам кто-то пришел, моя дорогая...

Она сама удивилась, что воспользовалась таким обычным, теплым словом по отношению к *такой* особе, но это вырвалось против ее воли. Отвернувшись, чтобы пропустить миссис Мидоус, но та была уже внутри, и медсестра не заметила внезапной перемены в лице мисс Траб. Но вдруг услышала, как та хрипло втянула воздух, и, торопливо обернувшись в сторону кровати, увидела мисс Траб, опершись на локоть и поднятой другой рукой заслонившуюся от гостя.

— Френсис! — шептала та.— Френсис! Ради Бога, оставь меня в покое! Ради Бога!..

Она упала на подушки. Подскакивая медсестра слышала за спиной всхлипывания миссис Мидоус:

— Бедная Элен! О, бедная Элен, зачем же ей жить дальше?

Рэй вовсе не был удивлен, когда, вернувшись из больницы домой, застал репортера одной из газет, старательно записывающего рассказ Мевис о странном поведении мисс Траб предыдущей ночью. Репортер, мужчина средних лет, с худым лицом и поредевшими волосами, нервно вскочил с кресла, когда Рэй вошел в комнату.

— Этот мистер из «Дневных сенсаций»,— пояснила Мевис.— Я говорила, что не была здесь нынче утром, но он хочет знать все, что нам известно про мисс Траб.

— Зачем? — спросил Рэй.

— В интересах общества,— торопливо ответил репортер, пытаясь умаслить Рэя, выражение лица которого становилось все менее любезным.

— Интересы общества! Глупости! Сказали бы: для удовлетворения болезненного любопытства. Что ты ему наговорила? — повернулся он к Мевис с неприглядно суровым видом.

— Правду,— вызывающе заявила та. Она не собиралась дать запугать себя при посторонних, даже Рэю.

— Так что смотрите, не переврите ее слова,— предостерег Рэй репортера,— и помните, что мы очень ценили мисс Траб. И у нас нет к ней претензий, несмотря на то, что она сделала.

— Но что она сделала? — раздраженно крикнула Мевис.— То он все делает какие-то намеки, теперь ты! Не знаю, как он может надеяться, что я помню, что было в газетах шестнадцать лет назад! Я говорила, что тогда мне было восемь лет и газеты меня не интересовали. Может, ты помнишь? Тебе-то было двенадцать!

— Не помню я никакой мисс Траб! Тогда меня интересовал только футбол. Но вот он, кажется, кое-что о ней знает, как и констебль в больнице. Тот утверждал, что им она известна больше пятнадцати лет. Ну и что с того? Наверняка она могла попасть в какие-то неприятности, но не у нас. Платила за квартиру аккуратно и никогда ни к чему нашему не притронулась. Ты обнаружила хоть раз какую-нибудь недостачу? — вдруг обратился он к Мевис.

— Разумеется, нет. Заметь я что-то, тут же тебе сказала бы.

— Ну так что? — обратился Рэй к репортеру.

Газетчик, который до того успел поговорить с соседями Холмсов, отложил блокнот и встал. Мевис дала ему достаточно материалов для статьи. Кое-что подтвердил и Рэй. Теперь он мог смело взять за отправной пункт историйку о «невинных жертвах». Пора возвращаться и браться за статью. Материал пойдет на первую полосу, и нужно поспешить. Вот только снимок...

Он подошел к открытому окну, выходящему в сад, махнув рукой в сторону роз на измятом газоне.

— Здесь хорошо,— заметил он.

Потом обернулся. Спрятавшийся за живой изгородью фоторепортер передвинулся в сторону входных дверей.

— Мне пора,— заявил репортер.— Спасибо за помощь.

— Но вы ничего не рассказали нам про мисс Траб,— запротестовал Рэй.

— А вы купите утром газету,— посоветовал репор-

тер, многозначительно подмигнув. Все прошло прерасно. Еще вот только снимок...

Рэй распахнул дверь. Мевис стояла сзади. Они явно не намеревались проводить его до ворот. Репортер вышел со словами:

— Еще вот что, мистер Холмс...

Сказал он это так тихо, что Рэй не расслышал.

— Простите? — переспросил он от двери.

Репортер продолжал что-то бормотать, и Рэй шагнул за ним, пытаясь понять, что происходит. Мевис заколебалась, но ей вдруг показалось, что Джой заплакала, и она кинулась наверх. Когда вдруг пронзительно сверкнула вспышка, она подумала, что это молния. Но тут же с грохотом захлопнулась дверь, и она услышала взбешенный голос Рэя:

— Мерзавец чертов! Хорошо, что ты осталась внутри. Но все равно у него ничего не вышло!

И в самом деле, снимок не получился. Репортер рассчитывал заполучить фото двух перепуганных молодых лиц, ошеломленных внезапной вспышкой. Под таким снимком можно было бы написать: «Это ужасно! Если бы не вернулись вовремя!», или: «Мое дитя! Одно с ней в доме!», или что-то еще в том же роде. Но на пленке виден был только сам тощий репортер и плечи Рэя, поспешившего отвернуться. Все вступую.

Холмсы, как правило, не читали «Дневных сенсаций», но на следующий день Рэй купил газету по пути на работу, а Мевис — когда отправилась за покупками. И оба были поражены тем, что прочитали. Во время ланча Рэй позвонил домой и по голосу узнал, что Мевис плакала.

— Да не волнуйся ты так, дорогая, — ласково повторял он. — Подумай о Джой.

— Я только о ней все время и думаю. Мы оставили ее одну дома с этой... детоубийцей!

Голос ее срывался на крик. Видно было, что она на грани истерики.

— Послушай, может быть, ты после обеда зайдешь к Кэрол? Выплачешься с ней, иначе, чувствую, ты просто заболеешь, если будешь раздумывать над этим в одиночестве.

— Я уже заболела. Мне становится плохо каждый раз, как вижу ее фотографию в газете.

— Этот снимок сделан шестнадцать лет назад. И послушай: как я и ожидал, репортер переврал твои слова. По телефону я не объясню, но расскажу все, когда вернусь. Постараюсь уйти немного раньше, если получится. Сходи к Кэрол, это тебе поможет. Но к ужину вернись домой, не опаздывай. Пока!

Вернулся он раньше обычного. В бюро ему все сочувствовали, хотя, как обычно, крепкие задним умом, считали, что он слишком поспешно пустил квартирантку без рекомендаций. Конечно, не типично, что нарвался на преступницу, к тому же столь знаменитую, как мисс Траб. Коллеги постарше не могли понять, как же случилось, что он ее не узнал, тем более что она все еще пользовалась той фамилией, под которой была известна на процессе. С другой стороны, ровесники уверяли Рэя, что и они никогда не слышали ни о ней, ни о ее процессе. К тому же «Дневные сенсации» всегда преувеличивали.

— Не нужно принимать эту статью дословно,— сказал он Мевис, когда после ужина и мытья посуды они присели, чтобы поговорить о квартирантке.

— Я перенесла кровать Джой в нашу спальню.

Рэй нагнулся, чтобы ее поцеловать.

— Глупышка милая. Ничего с ней не может случиться.

— А я совсем не так уверена. Дрожу при одной мысли о нашей беззаботности, длившейся столько месяцев.

— Но ты учитывай, что они все поставили с ног на голову. Просто чтобы вызвать сенсацию. «Детоубийца повторяет преступление!», «Отец разрушает зловещие планы!» Все это глупости.

— Почему? Когда мы вернулись, в доме пахло газом, а она не спала.

— Краны были закрыты.

— Завернула, когда услышала, что мы возвращаемся.

— Не верю. И ты мне не докажешь.

— Но и ты не можешь доказать, что так не было.

— Когда мы постучали к ней, по ней не видно было, что совесть нечиста.

— Не знаю. Но держалась она очень странно. Мы испугались, ты же помнишь? И знаешь, так все и было.

— Признаюсь, я был немало удивлен, увидев ее полностью одетой в темной комнате. Но, может быть, она хотела, чтобы мы подумали, что она спит.

— Чтобы иметь возможность отравить нас газом.

— Не нас,— упорствовал Рэй.— Она же сама отравилась. Знала, что никого из нас нет дома. Если об этом речь, то она наверняка обрадовалась, услышав, что мы уходим. Полагаю, она была довольна, избавившись от нас. Не верю и никогда не поверю, что она хотела навредить Джой.

— Я уже сама не знаю, во что верить,— подавленно призналась Мевис.— И жалею, что мы вообще ее встретили.

Рэй посадил жену на колени. Та спрятала лицо ему в плечо и расплакалась, а он гладил ее волосы, все время тихо повторяя, скорее обращаясь к себе, чем к ней:

— А то письмо, которое она написала своей сестре и спрятала в моем портфеле... Думаю, она как раз его писала, когда мы вернулись. Значит, уже тогда что-то задумала, может быть, просто уйти,— ведь только это она и написала — тихо исчезнуть из дому, пока мы будем спать.

— Будь мы в доме, и мы бы отравились.

— Нет. Ты разве не понимаешь, что это могло прийти ей в голову уже после нашего ухода? Наверняка заметила нашу реакцию. Боялась, что мы сочтем ее сошедшей с ума, начнем собирать о ней информацию, и все выйдет на свет Божий. Не смогла перенести этой мысли и решила покончить со всем сразу.

— А может быть, узнали там, где она работала,— подхватила Мевис, вытирая глаза,— и у нее были из-за этого какие-то неприятности. Или кто-то попытался ее шантажировать. Насколько я знаю, к ней никогда никто не приходил, но мог и зайти, когда нас не было дома.

— Можно бы поспрашивать, не видел ли кто из соседей посетителя...

— Это бы выглядело довольно странно, а? Мы знаем тут так мало людей...

— Попробую спросить Бэрриджа. И так нужно зайти к нему и поблагодарить за лестницу.

Мевис кивнула. Она предчувствовала, что ее ждет нежелательная популярность. С ней уже пробовали заговаривать совершенно незнакомые люди. Другие смотрели на нее так недовольно, словно хотели сказать: «Если бы твоего ребенка убили, сама была бы виновата».

Но она постарается выпытать все, что можно. Если это поможет выяснить тайну поступка мисс Траб, то окупится.

— Трудно нам о ней забыть, правда? — спросила она, глядя мужу прямо в глаза и видя в них отблеск собственных чувств.

— Да. Я звонила сегодня в больницу. Ей лучше. Мне сказали, что опасность миновала. Там была ее сестра и уже уехала обратно в Уэйфорд.

— Откуда ты знаешь, где она живет?

— Адрес был на конверте. Забыла?

— Забыла.

Мевис зевнула. Она почувствовала вдруг, что с нее уже хватит мисс Траб. Никогда больше они ее уже не увидят, чтобы там ни случилось и что бы она ни сделала или не сделала. Бедняжка! Теперь ею займутся врачи.

— Пожалуй, после всего этого ее отправят в больницу для умалишенных, — сонно протянула она, вставая с мужниных колен. — Ох, как же я устала!

— Ничего удивительного. Пора в постель: мы толком почти не спали последние две ночи.

Но когда они медленно поднимались по лестнице, Рэй все еще думал о квартирантке.

— Знаешь, мне что-то не кажется, чтобы у нее с головой было не в порядке. Хотелось бы знать, как там все сложится у нашей мисс Траб.

— Ну знаешь! — возмутилась Мевис. — Наша мисс Траб! Надо же! Мы что, не можем о ней забыть, Господи! Ведь все уже кончилось!

Глава 4

Но ничего не кончилось — по крайней мере, не для Рэя и не для Мевис, — несмотря на ее сопротивление. Все только начиналось.

Холмсы приняли нежелательную шумиху спокойно, правда, с неудовольствием, но терпеливо. Их поведение было настолько лишено даже признаков сенсации, что очень скоро они перестали быть приманкой для прессы, решившей поискать «жареные» факты в другом месте. Рэй с Мевис стали привыкать к новому стилю жизни, без квартирантки. И постепенно, по мере того как время шло, все больше отдавали себе отчет, как много она для них делала, насколько привыкли они полагаться на ее здравый смысл и взвешенные суждения, как много она помогала им — особенно Мевис — в решении повседневных семейных проблем.

На вид все было так же, как и прежде. Окна починили, садик приобрел прежний ухоженный вид, исчезли все внешние признаки потрясения, которое они пережили тем злополучным утром. Соседи перестали критиковать молодую пару за легкомыслие, с которым они дали прибежище преступнице, и стали вновь доброжелательны. Теперь Мевис приветствовали сочувственными фразами о том, что им чудом удалось избежать несчастья, понимающе добавляя при этом: «Никогда ведь не знаешь, правда?»

Мевис была не слишком с ними согласна, хотя и обсуждала эту тему только с Рэем. Но к концу второй недели не выдержала.

— Господи, как же мне ее не хватает! — воскликнула она. — Я понимаю, ничего не поделаешь, но мне ее недостает. Каждый раз, входя в ее комнату, вижу, как она сидит там, такая спокойная и выдержанная. Ей можно было все рассказать, всем поделиться, ее все интересовало. Детоубийца! Это просто немыслимо!

— Я с тобой согласен, — решительно кивнул Рэй и, помолчав минутку, добавил: — Сегодня я завез ей в больницу кое-какие вещи, и знаешь что случилось?

— Расскажи.

— Она вложила в конверт квартплату за половину недели и передала для меня. Я хотел зайти к ней и поблагодарить, но медсестра сказала, что она никого не хочет видеть. Даже собственную сестру. Ее слишком расстроил тот первый вечер, когда миссис Мидоус была в больнице.

— Та, что живет в Уэйфорде?

— Да.

— Она могла бы нам что-то рассказать.

— Что ты имеешь в виду?

— Могла бы рассказать нам всю историю. Что в самом деле произошло.

— Но мы же знаем что случилось.

— В тот первый раз, дурачок, когда она якобы убила ребенка.

Рэй заинтересованно взглянул на жену.

— Значит, ты тоже начинаешь приходить к тому же выводу, что я? Не веришь, что она могла такое сделать?

— Трудно поверить. Говорю тебе, каждый раз, когда я вхожу в ее комнату...

— Знаю, знаю. Она совсем не тот человек, который мог бы кого-нибудь убить, тем более ребенка. Я в этом глубоко убежден.

— Но толком мы ничего не знаем,— задумчиво заметила Мевис.— Легко судить, но нужно опираться на факты, разве нет?

Рэй кивнул. Он был глубоко разочарован, что в больнице не сумел увидеть мисс Траб. Он как-то смутно представлял себе, что сумеет уговорить ее довериться. В конце концов она должна им объяснить... Категорический отказ в свидании вместе с мелочной скрупулезностью по части квартплаты сбил его с толку. Разве что и вправду — как все давали ему понять — она была не в своем уме...

— Мне удалось поймать врача,— продолжил он рассказ.— Молодой парень, очень любезный. Но ничем не помог. Только и сказал, что ей занимаются психиатры. Диагноза еще нет, по крайней мере что касается состояния ее рассудка. Состояние здоровья постепенно улучшается, но сохраняется опасность

воспаления легких. Сама она производит впечатление апатичной и безразличной ко всему. Ее нельзя нервировать и волновать. Говоря человеческим языком: не суй свой нос и убирайся.

— Ну что же, полагаю, у нее есть полное право не желать никого видеть. Не верю, что она душевнобольная, но не могу себе представить, чтобы кто-то мог вынести столько, как она, не переменявшись внутренне. Представь себе — отсидеть пятнадцать лет...

— Пожизненное заключение с досрочным освобождением, — понуро добавил Рэй. — Значит, все время она должна была образцово себя вести, да?

— Не будь таким циничным!

Больше в тот день они к этой теме не возвращались, но на следующий вечер Рэй решил начать действовать. Пока Мевис мыла посуду после ужина, он достал бумагу и конверт и составил письмо миссис Мидоус. Когда Мевис закончила, дал ей прочитать.

— Да, она не сможет отказать нам прояснить всю эту историю, — заметила Мевис. — Разве что попросту отошлет нас к прессе за тот период. Но ты же четко дал ей понять, что не веришь в то, что пишут газеты? Правда, она может нам ответить письмом. Ты всерьез думаешь, что захочет нас видеть?

— Я старался составить письмо так, что ей придется согласиться.

— Но у нас ведь нет знакомых в тех краях! Как нахально это звучит, — Мевис не могла удержаться от смеха: — «Приглашенные на ланч к старым знакомым в окрестностях Уэйфорда...» Ну ты и даешь!

— Почему бы нет? Один из наших директоров живет где-то там.

— И, разумеется, пригласил нас на ланч!

Теперь рассмеялись оба.

— Если будет хорошая погода, возьмем бутерброды и позавтракаем на свежем воздухе. Это куда приятнее, чем под крышей. А потом заглянем к миссис Мидоус.

— Если она нас пригласит.

— Я в этом убежден. Медсестра говорила, что во время визита в больницу отвечала на вопросы охотно. Она потеряла из виду мисс Траб, когда та вышла из тюрьмы. Наверняка захочет и от нас что-нибудь узнать.

Он был прав. Миссис Мидоус ответила немедленно, поблагодарив за письмо и заверив, что будет очень рада видеть их обоих в ближайшее воскресенье после полудня. Спешить не надо, время роли не играет — она будет дома. Письмо кончалось обстоятельным описанием того, как к ней проехать.

Рэй с Мевис приехали около трех. Дом они нашли без труда. Он располагался на самом краю городка, чуть ниже и немного в стороне от шоссе, с которым его соединяла узкая подъездная дорожка, подходившая к самым дверям.

Рэй на миг задумался, не оставить ли машину на шоссе, но Мевис запротестовала.

— Почему же нам не въехать внутрь? Ворота открыты. Джой спит, и мы не можем оставлять ее одну на дороге.

Этот аргумент перевесил, и Рэй подъехал к самому дому. Шуплая женщина в красивом бледно-голубом шерстяном платье тут же показалась на крыльце.

— Разумеется, нельзя беспокоить ребенка, — признала она, когда Холмсы представились и Мевис объяснила ситуацию.

— Какая хорошенькая! — тут же воскликнула хозяйка, заглянув через окно в машину. — И какая забавная. Спит крепко, милая малышка!

Они вошли внутрь. Дом был солидный, старомодный, невзрачный снаружи, но просторный и хорошо обставленный. Проводив их в большой салон, мисс Мидоус распахнула окно.

— Если маленькая проснется и начнет плакать, сразу услышим. Думаю, мы не замерзнем.

Ее голос и манера говорить несколько напоминали мисс Траб, решила Мевис, только материальное положение явно существенно отличалось.

— Прошу, располагайтесь, — пригласила миссис Мидоус, любезным жестом указывая на просторные, удобные яркие кресла. — Хочу сразу сказать, как я благодарна вам за письмо. Я так хочу услышать все о бедной Элен с той минуты, как она поселилась у вас. Мы потеряли ее из виду с того момента, как... она вышла на свободу.

Последние два слова она произнесла совсем тихо, опустив взгляд. Она держала себя в руках, но Рэй заметил, как побелели костяшки ее стиснутых пальцев и понял, что она переживает в эти минуты.

— Мы очень ценили мисс Траб,— вежливо сказал он.— И продолжаем ценить.

Миссис Мидоус взглянула на него с недоверием.

— Это весьма благородно с вашей стороны,— шепнула она и замолчала, явно взволнованная.

Мевис прервала молчание. Ее рассказ о недавней квартирантке был нескладным и хаотичным. Мевис часто повторялась, но из того, что она говорила, миссис Мидоус могла сделать только один вывод. Молодые Холмсы не могли поверить в преступление Элен. И хотели услышать всю историю.

Когда Рэй дополнил рассказ Мевис собственными наблюдениями и выводами, Френсис Мидоус выпрямилась в кресле.

— Как приятно встретить молодых людей таких разумных и так расположенных хорошо думать о других. Бедной Элен не часто доводилось иметь дело с такими людьми. Напротив, с самого начала огромное их большинство склонно было и даже стремилось поверить в ее вину.

— А вы поверили? — без околичностей спросил Рэй.

Лицо миссис Мидоус несколько побледнело, но ее вежливо звучащий голос не изменился.

— С большим трудом,— ответила она.— С огромным трудом. Но факты есть факты. А она не хотела себе помочь. В конце концов и я поверила, что она не могла иначе.

— Не могла этого не сделать? — спросила Мевис, не понимая, что хотела сказать миссис Мидоус.

— Нет-нет... А может, и это тоже... Нет, я хочу сказать, что не могла представить никаких смягчающих обстоятельств, и поэтому отказалась от сотрудничества с адвокатом.

Видя ошеломленные лица гостей, миссис Мидоус пояснила:

— Я расскажу вам все с самого начала, и потом судите сами. Но к сожалению, из этой грустной истории можно сделать лишь один вывод.

Напряженно выпрямившись, упершись взглядом в противоположную стену, она начала рассказ тихим монотонным голосом, и каждое слово врезалось в их сознание, медленно и неумолимо уничтожая образ мисс Траб — такой, какой они ее знали, любили и уважали.

Элен, на два года старше Френсис, родилась и выросла в Уэйфорде. Их отец был владельцем фирмы, которую унаследовал от своего отца. Семья была известна и уважаема в городе. Когда младшей едва исполнилось десять, миссис Клементс умерла, погрузив в печаль всех, кто ее знал. Отец не женился вновь, и все хозяйство вместе с опекой над младшей сестрой взяла на себя старшая — Элен. Обе девочки ходили в школу и хорошо учились, а после ее окончания Элен поступила в торговый колледж, намереваясь работать на фирме отца. Отец всегда очень жалел, что не имел сына, но способности Элен обещали, что она станет прекрасным работником, а в будущем, быть может, и партнером.

Элен прослужила в фирме около года. Френсис, жизненные планы которой уходили совсем в другую сторону, занималась тогда в местной школе изящных искусств, хотя — как признала откровенно — особыми талантами не обладала.

Шел 1939 год. Отец уже не мог обойтись без Элен, особенно в ситуации, когда двух самых способных сотрудников забрали в армию.

В феврале 1940 года Элен неожиданно уехала, чтобы поступить на службу в Конингтоне. Френсис говорила, что никогда не забудет дня, когда Элен сообщила о своем решении. Это свалилось на них, как гром среди ясного неба, совершенно неожиданно. Элен не собиралась вступать в дискуссию, не слушала никаких аргументов. Просто заявила отцу, что нашла работу на фабрике в Конингтоне. Фабрика работала на армию, а она не хотела ждать, пока ее мобилизуют и пошлют неведомо куда. И уедет немедленно.

В самом деле, на следующий день ее уже не было.

Прошли месяцы, пока мистер Клементс оправился

от потрясения, вызванного этим бегством. Элен была его опорой, она была педантична, уравновешена и надежна, как когда-то ее мать. Он не понимал, что произошло, и винил во всем войну, которая портит людей, хотя его фирма и не была непосредственно связана с работой на нужды армии. Но он неописуемо страдал от того, что она даже не сочла нужным посоветоваться с ним или хотя бы предупредить заранее, что собирается уехать.

Френсис была обеспокоена. Поступок сестры и ее шокировал, и она тоже его не понимала. Поэтому спустя два месяца поехала в Конингтон, чтобы увидеться с сестрой. Сбылись ее наихудшие опасения: Элен была на пятом месяце беременности, носила на пальце дешевое обручальное колечко, купленное в ближайшей лавчонке, и приняла фамилию Траб. Миссис Траб. Своей хозяйке дала понять, что муж в армии. Френсис нечаянно разрушила этот миф, расспрашивая о мисс Клементс, и сразу после этого Элен переехала, уже не прикидываясь замужней, но сохранив фамилию Траб. После рождения ребенка Френсис время от времени, когда была возможность, приезжала помочь сестре. Она могла это делать, поскольку не жила тогда дома — ее определили в часть, занимавшуюся маскировкой зданий в разных частях страны.

Она согласилась сохранить все в тайне от отца. Это было нетрудно — они редко виделись, тем более что его печаль перешла в гнев и теперь он не желал ничего слышать о своей старшей дочери. Та даже не писала ни ему, ни кому-нибудь из знакомых — хорошо же, он умывает руки.

Но был один старый знакомый, который вызывал у Френсис чувство озабоченности — один из сотрудников отца, многообещающий молодой человек, который вступил в армию сразу после начала войны. Колин Мидоус был дружен с Элен, каждый день встречаясь с ней в конторе. Френсис, в своем школьном, а потом студенческом воображении уже видела рождающийся между ними роман. После отъезда Элен Колин старался некоторое время установить с ней контакт и признался Френсис, как был расстро-

ен, что ему это не удалось. Постепенно до нее дошло, что его приезды в отпуск и визиты в их дом всегда совпадали с ее приездами, и что приходит он из-за нее, а не из-за Элен. Но через два месяца после первой поездки в Конингтон и она перебралась туда, чтобы быть ближе к сестре в трудную минуту, и тоже стала работать на фабрике.

Ребенок родился без проблем. Френсис вернулась домой и поступила в Женскую вспомогательную службу ВВС. Через год она вышла замуж за Колина Мидоуса. Выдала ему секрет Элен, и он обещал сохранить все в тайне перед отцом и знакомыми в Уэйфорде.

В 1940 году, вскоре после рождения ребенка, начались массовые налеты, и дом, в котором жила Элен, был разрушен. Она перебралась в другой район. Френсис время от времени посылала ей немного денег, но по сути дела они не были нужны — Элен работала в конторе на военном заводе и прилично зарабатывала, получала пособие на ребенка, да и на фабрике был паек.

— Много было тогда девушек в том же положении, что и Элен, — грустно заключила Френсис.

В 1943 году мистер Клементс вдруг умер. Причиной стало не обнаруженное вовремя новообразование, и поспешная операция опоздала. Колин, тяжело раненный и демобилизованный по инвалидности, лишь немного придя в себя, принял руководство фирмой. Отец все завещал Френсис, о сестре в завещании не было ни слова.

Через месяц после смерти отца маленького сына Элен обнаружили мертвым — задушенным — в кровати. Ему уже исполнилось три года — не могло быть и речи о несчастном случае. Явное умышленное убийство. Элен арестовали и обвинили в детоубийстве.

И тогда она впервые заявила, что это не ее ребенок. Утверждала, что опекала его вместо подруги, которая служила в армии и платила ей за уход. Отрицала также обвинения в убийстве.

Тех же утверждений она придерживалась и во время следствия и суда. Но отказалась объяснить, кто настоящая мать. Отказалась назвать кого бы то ни

было, кто знал мать или когда-нибудь ее видел. Отказалась объяснить, почему ее фамилия фигурирует в метрике ребенка, которую нашли у нее и проверили по записям в мэрии.

— Что могли поделать ее защитники? — спросила Френсис гостей, сидевших молча, угнетенных услышанной унылой историей.— Как можно было помочь ей без нее? Предлагали заявить о ее недееспособности, но она отказалась, а ведь врачи, которые ее осматривали, заявили, что не смогли бы этого отрицать. Кроме того, она говорила неправду. Я знала, что это неправда. Ведь я там была...

— Вы были при рождении ребенка?

— Ну, нет... Я же работала. Мне... Меня отправили на другую фабрику на несколько недель, на переподготовку, а когда я вернулась, ребенок уже был, и Элен его нянчила.

— Она еще лежала в постели?

— Нет. Ребенку было уже больше недели.

— Она сама его кормила?

— Нет. Из бутылочки,— ответила Френсис с выражением легкого неудовольствия на лице.

— Значит, существует возможность, что она говорила правду,— заметил Рэй.— А были свидетели, которые присутствовали при родах?

— Обвинение свидетелей не представило. Ее материнство сочли доказанным метрикой и показаниями хозяйки, у которой она позднее жила. Но и защита не представила свидетелей, которые бы признали, что это не ее ребенок. Я помочь ничем не могла. Я же знала, что она была беременна, и сроки сходились.

— Вы давали показания?

— Да. Давала под присягой. Мне устроили перекрестный допрос, и это было ужасно.

Миссис Мидоус закрыла глаза рукой, словно воспоминания о процессе были еще живы, хоть минуло шестнадцать лет.

— Для чего ей было убивать его после трех лет? — медленно спросил Рэй.— Вот чего я не понимаю. Знаю, порой такое случается после родов. Но после такого долгого срока?

— Неожиданный приступ ярости,— предположила

Френсис.— Не думайте, что я об этом множество раз не думала. Внезапное ощущение, что больше этого не выдержать...

— Незамужние матери часто неуравновешены,— согласилась Мевис,— только это не относится к мисс Траб. Я вообще не могу ее представить матерью внебрачного ребенка. Но не потому, что считаю ее непривлекательной. Эти снимки времен суда... Хочу сказать, что она была весьма хорошенькая, если не обращать внимания на прическу и платье по тогдашней моде. Стройная... Но ее характер...

— О том и речь,— вмешался Рэй.— Характер... Это загадочная история, вам не кажется? Апелляцию подавали?

— О, да. Так замечательно, что столько прекрасных людей были против ее осуждения...

— Джой! — вдруг сорвалась с места Мевис.— Она плачет!

Из глубоких кресел не была видна машина, стоящая перед домом. Рэй с миссис Мидоус следом за Мевис подошли к окну.

— Видимо, она проснулась,— любезно заметила Френсис.— Может быть, вы ее принесете сюда?

Все вышли из дому. Джой заходила от плача и вертелась в своей колыбельке.

— Похоже, ее что-то перепугало,— сказала Мевис, склоняясь над ребенком.— Она боится чужих.

— Но здесь никого нет,— миссис Мидоус побледнела.— Колин ушел играть в гольф, как обычно, а прислуга по воскресеньям не приходит. Кроме нас тут никого нет.

— Кто-то мог войти,— заметил Рэй,— ворота открыты.

— Мы бы слышали шаги по гравию дорожки,— запротестовала Мевис.— Ведь окно было открыто. Когда Джой заплакала, я услышала сразу.

Холмсы решили больше в дом не возвращаться, а сразу уехать. Когда машина тронется, Джой успокоится. Спасибо за чай, но нет, им пора ехать.

— Ну что же, если вы решили...— Френсис на прощание с милой улыбкой протянула руку.— Колин будет разочарован, что не застал вас.

— Спасибо,— поблагодарила Мевис,— за то, что вы нам все рассказали. Надеюсь, теперь это перестанет нас угнетать.

— Я в этом не уверен,— возразил Рэй.— Полагаю, ее делом нужно заняться заново. Все-таки она должна заговорить, хотя бы сейчас. Я собираюсь убедить ее. А если не захочет, кто-то должен заняться истинным происхождением ребенка, которого она якобы убила. Как я уже говорил жене и повторяю сейчас, наша мисс Траб не тот человек, который способен убить кого бы то ни было, а тем более маленького ребенка.

Глава 5

Мисс Траб сидела в зале ожидания для дам на железнодорожной станции в Уэйфорде в ожидании поезда в Лондон. Чувствовала она себя совершенно измученной форсированным маршем по окраинным улочками городка, у нее кружилась голова и было плохо. Она просто не пришла еще в себя после ужасного потрясения.

Она едва не плакала. В первый раз за восемнадцать лет побывав в Уэйфорде, заметила множество перемен. Новые большие жилые дома вознеслись там, где когда-то были пустоши, кое-где украшенные маленькими фермами. Ей припомнилось, что отец часто называл эти фермы убыточными. Бедная, известняковая, неплодородная почва поглощала любые усилия, прилагаемые когда-то получившими ее ветеранами первой мировой войны, и разбивала их сердца так же, как война разбила их тела. Фермы немногого стоили, но что с того, что их уже нет? Лишь еще одно напоминание о белом пятне в ее жизни, пятне, которое никогда не стереть.

Потрясло ее не только то, как разрослось местечко. Знакомые магазины сменили хозяев, огромные, но безликие стеклянные витрины заменили прежние — скромные, но носившие отпечаток индивидуальности, которые зачастую были просто фасадными окнами маленьких, строгого стиля домиков восемнадцатого века. Она не отважилась пойти на место, где

когда-то стоял их дом, чтобы избежать мучительной боли при виде, что его нет. Дом снесли после смерти отца, чтобы освободить место современной жилой громаде, приносящей немалые доходы Колину и Френсис. Но она намеревалась встретиться с Френсис, в последний раз воззвать к ней о помощи, об освобождении ее от страха.

Это, безусловно, должен быть последний раз. Не могла она так жить дальше, постоянно под гнетом страха. Ей было нечего терять, так зачем бороться? Почему не позволить, чтобы реальность, перед которой она с давних пор содрогалась, и о которой столько размышляла, в конце концов ее настигла, положив конец бессмысленному, полному мук существованию?

Из глубины зала ожидания показалась какая-то женщина, озираясь вокруг с гневным, и одновременно растерянным выражением лица.

— Вы не видели моего сына? — жестко спросила она.

Мисс Траб уставилась на нее, силясь понять, о чем ее спрашивают.

— Сына? — переспросила она, испытав знакомый укол в сердце.

— Да. Я велела ему ждать меня здесь.

— Здесь никого не было, когда я вошла.

— Ах, дети! — буркнула расстроенная женщина, шагая к выходу.— С ними столько хлопот, а они их не стоят!

Вышла, хлопнув дверью.

«Это неправда,— заметила мисс Траб про себя, думая на этот раз про Джой Холмс.— Всегда стоят. Всегда».

И вновь погрузилась в свои мысли. У Френсис теперь была прелестная усадьба. Может быть, немного запущенная — чего стоят одни кусты на въездной аллее,— но что бы она без них делала? Она чуть усмехнулась, припомнив свое поспешное бегство в эти кусты при виде приближающегося автомобиля Холмсов. Скорчившись за кустом, она там бы и осталась до их отъезда, чтобы потом увидеться с Френсис, если бы Джой так не перепугалась, когда...

Мисс Траб взглянула на часы — еще полчаса до ближайшего поезда. На скорый она уже опоздала. Она прикрыла глаза, позволяя себе унести в мешанину полуреальных, полувывмышленных образов, когда вдруг ее вернул к действительности детский голос:

— Я хочу к маме.

Маленький мальчик лет четырех стоял у дверей, озираясь с деланной уверенностью, скрывавшей нараставший испуг.

Мисс Траб тут же сориентировалась в ситуации.

— Она велела тебе ждать здесь, верно?

— Я ждал.

— Не было тебя здесь, когда я пришла. А вот твоя мама тут была. И спрашивала меня, куда ты пропал.

Мальчик поджал губы. Он не собирался ни перед кем отчитываться.

— Она пошла тебя искать, но наверное скоро вернется. Лучше останься со мной.

Ребенок все еще стоял в дверях, расстроенный и испуганный, но решительно не признающий своей вины.

— Иди сюда, посиди со мной, — улыбаясь, уговаривала мисс Траб. — Я тебе буду рассказывать сказки, пока не вернется мама.

Мальчик молча отвернулся, не говоря ни слова, с трудом открыл тяжелые двери, протиснулся в них и исчез.

Мисс Траб сорвалась с места, в страхе за ребенка забыв о собственных заботах. Мальчик был неловкий, непослушный, несимпатичный, как и его мать. Но он был слишком мал, чтобы бегать одному по вокзалу. Кто-то должен был им заняться.

Она выбежала на перрон и, заметив маленькую фигурку, ускорила шаги.

Так несчастливо сложились обстоятельства, что мать мальчика, возвращаясь вконец расстроенная в зал ожидания, заметила его в тот же самый момент, когда он заметил догонявшую его мисс Траб. Мальчик побежал, и вдруг увидел перед собой мать, яростная мина которой не оставляла никаких сомнений в том, что его ждет. Попав между двух огней, он внезапно резко свернул в сторону, опрометью кинувшись

вслепую в направлении края перрона, на который как раз прибывал лондонский скорый.

Мисс Траб попыталась в отчаянном рывке подхватить его и сама едва не рухнула с перрона на пути. Ребенка поймал какой-то носильщик. Мать дико вскрикнула. Поезд тормозил, с треском распахнулись двери вагонов.

— Это ваш ребенок? — без всякого злого умысла спросил носильщик, подталкивая мальчика в сторону той из двух запыхавшихся женщин, что помоложе.— Опасно позволять ему бегать по станции.

— Я ему не позволяла, он сам сбежал.— Мать тряхнула мальчика так грубо, что тот заплакал.— Эта женщина его так перепугала...

— Какая женщина? — спросил заинтригованный носильщик.

— Она за мной гналась,— плаксиво подтвердил ребенок в надежде таким образом отвертеться от наказания.— Бежала за мной.

— Это правда,— заявила мать.— Она там была, я видела. Могла столкнуть его под поезд, если бы вы его не поймали.

Носильщик пожал плечами и ушел. Но мисс Траб, которая, опершись о багажную тележку, тяжело переводила дух, слышала эти слова, и ноги ее подкосились от потрясения. С трудом повернувшись к перрону спиной, она вдруг сообразила, что именно этого поезда ждет, из последних сил преодолела ничтожное расстояние, вошла в вагон и втиснулась в угол у окна с противоположной стороны.

Мать мальчика еще некоторое время озиралась по перрону в поисках мисс Траб — так ей хотелось выговорить той за то, что подвергла опасности ее ребенка. Но желанный козел отпущения исчез, преступно скрылся. Она часто потом повторяла это, рассказывая всю историю своим знакомым. И многие из них подтверждали, что последнее время повсюду крутятся всякие странные типы и нужно быть настороже. Безумцы, преступники всех мастей, или и то и другое вместе. Возьмите, к примеру, эту каторжницу мисс Траб, которая травилась газом... Удалось бы ей это — и пусть, так нет же, нужно было ее спасти, и кто знает, на что она теперь способна...

Разговор с миссис Мидоус не рассеял сомнений Рэя Холмса. Как он объяснил жене на обратном пути, в этом деле было немало странных обстоятельств. Взять, к примеру, медицинскую сторону дела. Если мисс Траб, как она показала под присягой, никогда вообще не имела ребенка, почему не вызвали врача, чтобы тот ее обследовал и опроверг или подтвердил ее утверждение? Как такое было возможно?

— Я знаю, что делать, — заявил он. — Разыщу газету, которая помещала наиболее подробные отчеты о процессе. Лучше всего «Таймс», верно?

— Не знаю, — ответила Мевис. — В бюро, где мы с Кэрол работали, в приемной всегда лежала «Таймс», но мы никогда в нее не заглядывали. Слишком уж она толстая и нудная.

Они рассмеялись.

— И все-таки, — настаивал Рэй, — полагаю, что для начала это лучший выбор.

Мевис с обожанием посмотрела на мужа. Он был такой рассудительный, обо всем успевал подумать. Глядя на его сильные руки на руле, на его глаза, впившиеся в дорогу, она чувствовала себя счастливой и благодарной за его любовь и заботу. На него всегда можно положиться им обоим — и ей, и Джой. Так что если он интересуется этой бедной старой мисс Траб...

— Хорошо, милый, — снисходительно согласилась она. — Не знаю, добьешься ли ты чего-нибудь после стольких лет... Но попробовать не мешает, правда?

Рэй взялся за дело как обычно — спокойно, но энергично, и уже до среды просмотрел все газеты, которые мог добыть. Но любопытство его осталось неудовлетворенным.

— Чтобы доказать ее вину, — заявил он, — использовали массу всяческих уловок. К ней были явно предвзяты. Среди присяжных оказалось три женщины, и это не могло не повлиять на создание эмоционального, недоброжелательного отношения к ней.

— Не изображай такого беспристрастного!

— Да, я тоже не беспристрастен. Но ведь это факт.

Женщины всегда руководствуются эмоциями, а мужчины не захотели им противоречить из опасений, что их сочтут бесчувственными и толстокожими.

— Ну ладно. А что это были за уловки?

— Я хочу связаться с ее защитником,— заявил Рэй вместо ответа.

— Он не заинтересуется. Пожалуй, лучше будет обратиться к присяжному поверенному, который готовил защиту. Он в этом деле важнее*.

— Ты права. Я записал все фамилии и сегодня же напишу.

Мевис, хотя и одобрила планы Рэя и поддерживала все его действия, начала терять интерес к делам мисс Траб. Все случилось так давно... Как же теперь раскрыть то, что не удалось прежде? Кроме того, миссис Мидоус была убеждена, что ошибки не произошло. Да, сама она тогда была молодой девушкой, но в конце тридцатых никто уже не мог быть таким невинным и неопытным, чтобы не заметить, беременна ее собственная сестра или нет. Такого просто быть не могло.

Судя по тому, как миссис Мидоус рассказывала об этом, видно было, что она все еще переживает. Крайне неохотно она обвиняла мисс Траб в чем бы то ни было. Но если даже милейшая миссис Мидоус так отнеслась к делу, то зачем забивать себе голову? Разумеется, Рэй должен удовлетворить свое любопытство. Он не относится к тем людям, которые не доводят дела до конца. Она будет его выслушивать и подбадривать сколько хватит сил. Но сама...

Утром в пятницу магазины были полны народу. Мевис придвинула коляску Джой к стене возле овощного магазина и нажала на тормоз. Внутрь с коляской было не войти: слишком сильная толчея. Поправив

* В Великобритании присяжный поверенный, как правило, член одной из юридических фирм, занимается юридическими и финансовыми проблемами своих клиентов, но в уголовных делах сам не выступает в суде, а лишь готовит все материалы, выбирает адвоката-защитника и инструктирует его, а уже тот в свою очередь выбирает линию защиты, вызывает и заслушивает свидетелей, а также выступает сам во время процесса. (Примеч. пер.)

одеяльце, закрывавшее спящего ребенка, она скрылась в магазине.

У прилавков стояли длинные очереди, и закупки на уик-энд заняли у Мевис не меньше получаса. Когда она вышла с двумя полными тяжеленными сумками в обеих руках, Джой еще спала. Но подойдя ближе, она с раздражением заметила, что какой-то мерзавец бросил обрывок бумаги на чистое кружевное покрывальце. Переложив обе сумки в одну руку, хотела было другой его смахнуть, но клочок держался, приколотый булавкой. На листке обычной бумаги, сложенном вдвое, печатными буквами карандашом было написано: «МИССИС ХОЛМС».

Мевис ощутила, как сердце ее замерло, а потом вдруг бешено забилося. Но спокойно отставив сумки в сторону, она осторожно, чтобы не разбудить Джой, отцепила листок. Чувствуя, как подгибаются ноги, оперлась о стену и прочитала:

«Это предупреждение. Если не перестанете вмешиваться не в свое дело, ваш ребенок за это заплатится. Это не шутки».

Нет, это были не шутки. Будь это даже мистификацией, злой шуткой какого-то безумца, это было слишком жестоко, чтобы сойти за шутку. Мевис прикрыла глаза, чтобы не видеть этих жестоких слов. Листок дрожал в ее руке. Чей-то голос рядом вежливо спросил:

— Вам плохо?

Мевис открыла глаза и огляделась. Какая-то пожилая дама смотрела на нее с беспокойством. Пришлось заставить себя улыбнуться.

— Нет, спасибо. Так... Так душно было в магазине...

— Слишком много народу, — кивнула женщина. — Не знаю, как вы, молодые матери, выдерживаете. Я не могу.

Мевис снова улыбнулась. Женщина помогла ей загрузить покупки в коляску и проводила до самого перекрестка. Там они распрощались. Придя домой, Мевис забрала коляску Джой в дом и остаток дня держала ребенка при себе.

Когда записку увидел Рэй, сначала он был поражен, потом взбешен, и наконец глубоко задумался.

— Кто-то испугался,— заключил он в конце концов.— Не хочет, чтобы мы вытащили это дело на свет Божий. Как думаешь, кто это может быть? Только Мидоусы знают, что мы этим интересуемся.

— А адвокатская контора, куда ты написал в понедельник?

— Хочешь сказать, что это они угрожают Джой?

— Нет, разумеется нет. Но они поддерживают контакты со всеми, кто с этим делом связан. Что тебе, собственно, ответили? Не было там, случайно, что они с кем-нибудь проконсультируются?

Рэй достал письмо.

— Пишут, что высоко ценят наш интерес к делу, с учетом последних событий. Речь о так называемой попытке самоубийства. Не могут, однако, уделить нам никакой информации, пока не свяжутся с различными заинтересованными лицами. Полагаю, они имеют в виду некоторых свидетелей, давших показания на процессе. Свидетелей защиты.

— Для чего кому-то из них нас удерживать?

— Бог его знает. Если, конечно, это кто-то из них. Наиболее заинтересованы тут Мидоусы. Не хотят, чтобы снова ожило то, последствия чего испортили им целые годы.

— Но они бы попросту написали нам и попросили прекратить, пощадить их чувства или что-то в этом роде. Не приезжали бы из самого Уэйфорда, чтобы прикалывать дурацкую записку к одеяльцу Джой.

— Да, не похоже на миссис Мидоус. Но ведь не могла же это сделать сама мисс Траб? Она-то не знает, что мы ездили в Уэйфорд.

— Она все еще в больнице?

— Не знаю. На этой неделе я не справлялся. А ты?

— Нет,— смущенно призналась Мевис.— Ты не думаешь, что неудобно с нашей стороны столько сил вкладывать в это дело и даже не позвонить, чтобы узнать, как она себя чувствует?

Рэй не ответил — встал и пошел в холл, к телефону. Но вдогонку услышал:

— Мы же все это делаем из чистого любопытства. Полагаю, мы должны прекратить, как требуют в записке.

Рэй вернулся мрачный.

— Что, ей хуже? — вскрикнула Мевис.

— Нет, все хорошо. Настолько хорошо, что в субботу ее выписали. Она сама этого захотела, и с медицинской точки зрения не было оснований ее задерживать, а полиция обвинения не выдвинула. Так что она ушла. И никто не знает, где она теперь.

Мевис побледнела.

— Значит, в воскресенье она, могла поехать в Уэйфорд. Могла обо всем догадаться и написать эту записку.

— Если она не хочет, чтобы мы узнали больше. Значит, она все-таки виновна.

— А я думаю, что она не в себе.

Рэй, однако, был упрям.

— Никогда она не была не в себе. Но вполне возможно, что не пыталась тогда защищаться, потому что выручала кого-то другого. И потому пытается удержать нас теперь.

— Но разве она угрожала бы Джой, будь в своем уме?

— Не знаю.— Рэй принял решение.— Вот что мы должны сделать: показать записку в полиции. Если они этим займутся, мы утомимся. Так будет лучше всего.

Мевис была того же мнения. Еще она предложила, что попросит свою мать приехать на неделю-другую помочь с ребенком. Рэй, правда, считал, что опасения ее необоснованны, но не возражал против дополнительных мер безопасности.

Визит в полицию Рэя разочаровал. Инспектор Браун склонен был считать все только шуткой. Или доказательством того, что мисс Траб тронулась умом и что состояние ее все ухудшается. Видимо, в конце концов ее найдут на рельсах или в речке и таким образом все наконец успокоится.

Рэй был возмущен. Полиция обязана была заняться поисками угрожавшего. Если записку написала не мисс Траб,— а только полиция могла это проверить — то кто? Выяснение этого могло послужить заодно разрешению загадки шестнадцатилетней давности, до сих пор не выясненной до конца.

Но инспектор Браун действовать не собирался. Шестнадцать лет назад был вынесен приговор, и хоть министр тогда смягчил его, Браун не намеревался добавлять работы конингтонской полиции. А записка — просто глупая шутка. Шутника найти нетрудно. Мисс Траб почти наверняка ненормальная. Она всегда такой была. Нужно было провести экспертизу, когда она убила ребенка — присяжные признали бы ее недееспособной. И если бы не местный судья, была бы признана недееспособной и в тот раз, неделю назад. Врачи были за это, но судьи слишком осторожны, всегда боятся, что друзья, и родственники, и даже врачи хотят таким образом избавиться от обузы. Правда, надо признать, что в половине случаев так и есть.

Рэя утомил столь явный цинизм. Забрав записку, он положил ее в бумажник.

— Если с Джой что-то случится, — сказал он, — вы не сможете утверждать, что я вас не предупреждал.

Но Браун только проводил его равнодушным взором. Слова Рэя на него впечатления не произвели. Подобные вещи случались так часто...

Глава 6

Клод Уоррингтон-Рив, адвокат Его Величества, сидел у себя в кабинете, повернувшись к окну, сквозь которое падал хмурый свет осеннего дня. С наслаждением любясь падающими листьями, которые образовали на тротуаре золотые озера вокруг деревьев, ждал, пока секретарь введет очередного клиента.

Рэй, входя в комнату, увидел только затылок седовласой головы, посаженной на короткую мускулистую шею. Но тут же его встретил взгляд удивительно живых черных глаз, испытующе уставившихся на него.

— Мистер Холмс, сэр, — доложил секретарь и тут же исчез.

— Смею надеяться... — начал было Рэй свою старательно заготовленную фразу.

— Прошу садиться.

Адвокат не встал из-за стола, но голос его звучал

дружелюбно. Слова его, хотя и прозвучавшие как приказ, были скорее дружеским приглашением. Рэй сел, не чувствуя обиды.

— Я очень благодарен, что вы согласились меня принять,— начал он снова.— Мистер Кук сказал мне...

— Да... Мистер Кук, несомненно, говорил вам, что в то время не был членом адвокатской фирмы. Не был им тогда и Френк-Симмондс. А отец Симмондса пару лет назад ушел на пенсию.

— Да, сэр. Примерно так мне и говорили. Я не слишком надеялся, что смогу вас увидеть, и потому...

— Ну разумеется. Но видите, и я заинтересован. И хотя с самого начала должен вам сказать, что серьезно сомневался, не отказаться ли мне от дела, когда мисс Траб не согласилась, чтобы мы потребовали признать ее недееспособной, а позднее стал отдавать себе отчет, что не имел шансов на успех, учитывая факты.

Рэй облегченно вздохнул.

— И мы того же мнения,— воскликнул он.— Я имею в виду — Мевис и я. Мевис — моя жена. Все эти глупости в газетах...

— Ну разумеется. Газеты я читал, мистер Холмс. Как я уже сказал, ее новое появление меня заинтересовало. Вот только лишнего времени у меня нет. Так что скажите мне, только коротко и ясно, чего вы от меня ждете.

— Я не верю, что она пыталась совершить самоубийство,— решительно заявил Рэй,— а тем более, что пыталась навредить мне и моей семье. Полагаю, что отвечать за это должен кто-то другой. И видимо, вы понимаете, что это означает, правда?

По блеску в черных глазах было ясно, что мистер Уоррингтон-Рив прекрасно понимает все последствия, могущие проистекать из этого утверждения.

— Вы намекаете, что кто-то сознательно пытался устранить мисс Траб, а при okazji — и вас со всей семьей? А когда это не удалось и вдобавок пробудило ваше любопытство, пытается вас запугать, чтобы остановить розыски? Вы часто читаете детективы, мистер Холмс?

Кровь ударила Рэю в лицо. Не часто доводилось ему слышать столь обидные слова. На миг Рэй увидел себя в зале суда, под перекрестным огнем безжалостных и острых вопросов, и понял, почему мистер Рив достиг вершин, которые теперь занимал. Не столь важны были даже сами вопросы, как тон, которым он их задавал. Не в том ли и состоял весь фокус? И все адвокаты действуют подобным образом?

— Нет, детективы я не читаю. Но если позволите, я представлю доказательства, позволяющие мне думать так, а не иначе.

Адвокат почувствовал к молодому человеку симпатию. Тот обладал способностью сосредоточиться, умел держать себя в руках, отодвигая в сторону эмоции, которые могли повредить делу. Был первоклассным материалом для свидетеля.

— Прошу, говорите,— придвинув к себе лист бумаги, Рив взял золоченый карандаш.

— Во-первых, кухонное окно,— начал Рэй и сделал паузу, чтобы спокойно спросить: — Мистер Кук изложил вам историю в общих чертах?

— Да, и я прочитал его сообщение очень внимательно.

— Так вот, в первый раз, когда мы вернулись за Джой и почувяли газ, я прошел в кухню и помню, что краны были закрыты, а окно заперто. Я его открыл и так оставил. На следующее утро, когда дом был полон газу, окно снова было закрыто и пришлось его взламывать.

— Мисс Траб, вполне естественно, должна была запереть окно, если собиралась покончить с собой.

— Согласен. Но она закрыла бы и вентиляцию. А вытяжка была заткнута снаружи. Мхом. Так, чтобы казалось, что тот упал туда случайно. Мох! Но ведь крыша у нас совершенно новая!

Адвокат усмехнулся при виде торжествующей мины на его лице.

— Так откуда же взялся этот мох? — спросил он.

— Полагаю, с газона. Его там, к сожалению, полно.

— Другими словами, мох там был помещен с умыслом, и причем неумным?

— Согласен,— кивнул Рэй.— Ведь если кто-то хотел попасть внутрь, после нашего ухода мог сделать это незаметно для нее. А я не говорил ей, что открыл окно.

Адвокат одобрительно кивнул.

— И еще одно. Если это было самоубийством, почему она не осталась в кухне, где газа было больше? Самоубийцы, как правило, так и делают. Даже если это она позакрывала окна, то для чего поднялась наверх?

— На этот раз все сочли, что она утратила психическое равновесие. Но прошу продолжать.

— Вопрос с задержанной квартплатой. Она ее не оставила, но прислала позднее. Всегда была неслышанно скрупулезна. Если она собиралась покинуть нас навсегда, следовало бы полагать, что перед этим уладит все дела. Не думаю, что она собиралась исчезнуть навсегда, по крайней мере на тот свет. Полагаю, она собиралась просто съехать от нас, а не покончить с собой.

— Есть у вас еще доводы в поддержку этого тезиса?

— Да. Когда мы пришли за Джой, она не спала и была одета. Мисс Траб, разумеется. В ее комнате было темно. Полагаю, она хотела, чтобы мы думали, что она спит, а потом собиралась исчезнуть, незамеченной нами. Подойдя к дверям, держала в руке карандаш. Думаю, она писала ту записку, когда вдруг услышала, что мы неожиданно вернулись раньше чем она рассчитывала. И так ее и не закончила.

— Что вы имеете в виду?

— Я о ее письме к сестре. Конверт не был запечатан, не наклеена марка. Это непохоже на мисс Траб. Она профессиональный канцелярист. А у бумаги был волнистый край, отрезанный вручную. Строчка, которая кончалась словом «ухожу», оборвалась как раз на этом месте. Может быть, она написала, куда уходит, а кто-то это обрезал, чтобы создать впечатление, что это прощальное письмо самоубийцы.

— Вы в самом деле не читаете?..— с усмешкой начал адвокат.— Или вы потомок бессмертного Шерлока Холмса? — Он умолк, увидев, как собрались морщины меж бровей гостя.— Это фантастическая вер-

сия,— продолжал Рив уже другим тоном.— Но случались вещи и более странные. Меня, например, поразило то, что письмо было вложено в ваш портфель. Ведь куда естественней было оставить его у постели — нашли бы сразу.

— Попытка выиграть время.

— С чьей стороны? Мисс Траб? Или того гипотетического негодяя, который на нее покушался?

Рэй встал. Все было впустую. Этот интеллигентный саркастический тип не собирался ему помочь.

— Сядьте! — снова произнес Уоррингтон-Рив, и на этот раз это звучало как приказ.— Вы еще не закончили. Прошу продолжать. И будьте готовы к тому, что ваши взгляды могут быть атакованы и разбиты вдребезги, а вам придется научиться их отстаивать. Или вы не понимаете, что делаете? Вы пытаетесь обвинить какого-то неизвестного — или неизвестных — в преступной деятельности. И попутно пытаетесь подвергнуть сомнению приговор, вынесенный судом и утвержденный после апелляции. Это очень серьезное дело. Вы же не рассчитываете, что я сразу начну соглашаться со всем, что бы вы не сказали?

— Уже во время процесса были сомнения,— упорствовал Рэй.— Наверняка они были, иначе бы ее не помиловали.

— Сомнения в понимании политиков имеют мало общего с фактами и доказательствами. Если речь идет о смертном приговоре. Я же говорю о праве, которое сложно по своей основе.

— Вот еще одно,— продолжал Рэй, разочарованно, но все еще упрямо.— На первый взгляд, можно было подумать, что мисс Траб поехала в то воскресенье в Уэйфорд, чтобы задержать нас и, может быть, даже не допустить, чтобы мы от ее сестры узнали о ее прошлом. Можно было бы сделать такие выводы по испугу и плачу Джой. Но и Мевис, и я не верим, что там была мисс Траб. Джой плачет при виде чужих, но мисс Траб она обожала. С первого дня. Если бы та ее разбудила, Джой бы не плакала, а радовалась.

— Это не доказательство,— буркнул адвокат.

Наступила пауза. Рэй хотел встать и уйти, но не смел шевельнуться. Рив отвернулся и, казалось, раз-

глядывал золотые озерца опавших листьев на газоне за окном. Уличный шум почти не долетал в эту заставленную книгами комнату.

Наконец адвокат повернулся в его сторону.

— Вы представили свои доводы, если их можно так назвать. Есть у вас вопросы ко мне в том, что касается доказательств и показаний, фигурировавших на процессе?

— Да, сэр. У меня есть несколько вопросов.

— Мистер Кук говорил мне, что вы обстоятельно проштудировали все, что писали о том процессе в газетах. Так что прошу, спрашивайте. Я не смогу рассказать вам ничего сверх того, что говорилось тогда, но, может быть, мне удастся прояснить и уточнить некоторые вещи.

— Прежде всего, проблема самого ребенка. Мисс Траб заявила, что ребенок не ее, но отказалась пояснить, чей он. Разве нельзя было этого узнать? Речь о том, что если она родила ребенка, то можно было получить врачебное заключение...

— Это с виду так легко, но не на деле. Принимал ее роды не врач, а акушерка.

— Ее роды?

— Скажем так — матери ребенка. Та акушерка оказалась совершенно недосыгаемой. Уехала за границу и разыскать ее было невозможно. Прошу не забывать, шла война.

— Я полагаю бы, что это должно было облегчить поиски — во время войны невозможно было покинуть страну без множества формальностей.

— У вас удивительно светлая голова, — усмехнулся адвокат. — Да, вы правы. Как медсестра она вступила в санитарный отряд, была переведена в военный госпиталь в Шотландии, а потом в Канаду, где вышла замуж за канадца и демобилизовалась. Дальше ее следы затерялись.

— Понимаю. Но разве нельзя было установить, что мисс Траб никогда не рожала?

— Пытались. Мы провели экспертизу у специалиста-гинеколога в надежде получить доказательства, подкрепляющие ее заявление. Но по заключению эксперта, в результате определенного гинекологического

вмешательства, которому она подверглась много лет назад, нельзя было однозначно утверждать, что она не рожала. Хотя и не было столь же неопровержимых доказательств, что рожала. Ведь у женщин довольно часто первая беременность и роды не оставляют видимых следов.

— Это правда, — кивнул Рэй, припомнив гладкую кожу и крепкие груди Мевис, и тут же покраснел, встретив устремленный на него взгляд адвоката, и поспешил сменить тему. — А как с хозяйкой, у которой она тогда жила?

— Еще один прокол. Дом был разрушен во время бомбежки. Мисс Траб с ребенком чудом уцелели, но хозяйка погибла, а дом разнесло вдребезги.

— И не нашлось никого, кто мог бы подтвердить, что именно мисс Траб родила этого ребенка?

— Нет. Единственное, что подтверждало этот факт — показания ее сестры, что она была в положении.

— На чем она основывала эти показания?

— На собственных наблюдениях и якобы на словах мисс Траб.

— А мисс Траб это подтвердила или возражала?

— Она отказалась обсуждать эту тему. Лишь отрицала, что когда-нибудь разговаривала с сестрой на эту тему, поскольку никогда не была в положении.

— А что на это сказала миссис Мидоус?

— Признала, что действительно впрямую так сказано не было, но настаивала, что слова были излишни. Поведение Элен говорило ей вполне достаточно.

— Поведение? Не внешний вид?

— Разумеется, мы на нее поднажали. Заявила, что несколько последних недель беременности сестру не видела.

— Это проверили?

— Не было оснований сомневаться, да и мисс Траб не возражала. После смерти хозяйки спросить было некого. Тем не менее беременность, как правило, заметна гораздо раньше, чем за несколько недель до родов.

— Разумеется. А что с фабрикой, где мисс Траб работала?

— Она оставила работу. И получала пособие и все

такое, что беременным женщинам выдавало продовольственное бюро.

— Это выглядит не лучшим образом, правда? — заметил Рэй, не зная, о чем еще спросить.

— Всегда выглядело весьма неважно.

— А если все было наоборот? — вдруг спросил Рэй, пораженный новой идеей.

— То есть?

— А если это был ребенок миссис Мидоус?

Адвокат вздохнул.

— Разумеется, мы об этом подумали, раз мисс Траб настаивала, что воспитывала чужого ребенка. Казалось неправдоподобным, чтобы она пожертвовала своей репутацией и всей своей жизнью, если речь не шла о ком-то особенно ей близком. Но и тут нам не повезло. Миссис Мидоус охотно и обстоятельно назвала все места своего пребывания, и по мере возможности мы проверили. В нескольких случаях это оказалось невозможно. Вы, видимо, помните, какое замешательство царило в 1940 году.

— Не помню,— пожал плечами Рэй.— Во всяком случае не настолько, чтобы это произвело на меня какое-то впечатление.

— Разумеется,— тепло улыбнулся адвокат.

— Можно было попробовать проверить, не рожала ли миссис Мидоус.

— Ну конечно. У нее был ребенок. От ее мужа, Колина Мидоуса. Ребенку мисс Траб было три года, когда он погиб. Миссис Мидоус тогда уже больше двух лет была замужем и ее первенцу во время процесса исполнился год.

— Это была последняя капля,— Рэй произнес это вслух.

Адвокат с ним согласился.

— Мы сделали все, что было в наших силах. Но, как вы видите, везде заходили в тупик. Кроме того, и это было одним из главных аргументов обвинения, невозможно было отрицать, что мисс Траб опекала ребенка в тот период, когда тот погиб. Неважно, ее был ребенок или нет, мальчик жил с ней и нашли его мертвого в кровати в комнате, соседней с ее собственной. Тогда она была с ним дома одна.

— Да, понимаю,— тихо протянул Рэй.

Поблагодарив, он встал, чтобы откланяться. Мистер Уоррингтон-Рив проводил его до дверей.

Вдруг Рэй с озабоченным видом остановился.

— Мне очень жаль, что я отнял у вас столько времени. Мистер Кук говорил мне, что ваш гонорар...

Адвокат положил руку ему на плечо.

— Не будем сейчас об этом,— весело бросил он.— Вернемся к этому, если чего-нибудь добьемся. Я всегда чувствовал, что должен был получше провести дело мисс Траб. Но оно казалось безнадежным, и к тому же у бедной женщины не было ни гроша. Миссис Мидоус пообещала, что покроет счета по всем необходимым расходам, но мисс Траб запретила нам принять это предложение. Собственно, ее отношение к делу выглядело так: «Я этого не сделала. И ничего мне не докажут. Но и вы не можете доказать, что я этого не сделала. Так что пусть все идет своим чередом». Ну оно и пошло. И во вполне определенном направлении.

— Несмотря на это...— начал Рэй.

— Несмотря на это вы намерены продолжать то, что начали, верно? В связи с тем, что вы мне рассказывали, полагаю, вам нужно быть очень осторожным. Я поговорю с кем-нибудь из Скотланд-Ярда. Это дело тогда было не в их руках, занималась им местная полиция в Конингтоне. Но они должны узнать о той записке, которую подсунули вашей жене.

— Инспектор Браун считает, что это шутка.

— Да, знаю. Но если это не так, то может означать — прошу обратить внимание, только может — что кто-то, старательно скрывавшийся все шестнадцать лет, начинает всплывать на поверхность. И приняв все меры предосторожности, следует его оттуда выманить.

— Вы на самом деле так думаете? — Настроение Рэя сразу поднялось.

— Да, я так думаю. Если вы хоть что-нибудь узнаете, прошу информировать меня немедленно. И пока отложим разговор о гонораре, потому что тут не ясно, кто дает поручения и кто их выполняет.

На этой сердечной фразе они и закончили разговор.

Мистер Кук с немалым интересом выслушал отчет Рэя о разговоре с адвокатом. Свое удовлетворение он выразил в письме, уже не столь официальном, как предыдущее, сообщая, по просьбе Рэя, новый адрес хозяйки, в доме которой было совершено убийство. Рэй не терял времени. Уже в следующее воскресенье утром, оставив Джой под опекой бабушки, они с Мевис поехали в Конингтон.

Указанный адрес нашли без труда. Дом находился в чистом, но небогатом квартале. Солидный, викторианской постройки, из серого камня, он стоял одиноко среди маленьких новых коттеджей. Да и весь город, подвергавшийся интенсивным бомбардировкам во время войны, пестрел такими заплатами, где новые и еще строившиеся дома не успели пока слиться в единое целое с теми, которые уцелели.

Попасть внутрь помогла им вывеска на окне:

«Семейный пансион. Завтраки».

Войдя, они заказали ланч, вызвав любопытство постоянных постояльцев.

После еды Мевис попросила миссис Огден о беседе. Их проводили в комнату с табличкой «Контора», и почти тотчас же там появилась миссис Огден, симпатичная, дружелюбная, седовласая дама. Если она и была разочарована, что милая молодая пара не намеревается снять как раз свободный двухместный номер, то не подала виду. Но сразу стала серьезной, узнав о цели их визита.

— Зачем это вам? — спросила она. — Надеюсь, не для нового цикла о знаменитых судебных процессах для газет или радио? Я давно уже сыта всем этим по горло.

Ее тут же заверили, что не имеют ничего общего ни с прессой, ни с радио, а действуют исключительно в интересах мисс Траб.

Миссис Огден потребовала детальных пояснений. Публикаций о последних событиях она не видела. Бедная женщина! После стольких лет! Это ужасно! И сразу после освобождения!

— Вы наверняка помните смерть ребенка? — спросила Мевис.

— Как такое забудешь! И ее, бедняжку, всю в слезах, то и дело теряющую сознание! Я думала, она или умрет, или помешается.

— А вы верили, что она это сделала? — напрямую спросил Рэй.

— Не знала, что и думать. Понимаете, она могла бы это сделать. В ту ночь они были в доме одни. Не в этом доме — после суда мы переехали.

— Знаю. Мистер Кук, который был тогда поверенным мисс Траб, дал нам ваш нынешний адрес. Он считает, что вы могли бы нам помочь или хотя бы поговорить с нами.

Миссис Огден кивнула.

— Он писал мне, соглашусь ли я. Я всегда готова помочь, если могу. Но не думала, что речь идет о вас. Полагала, что это будет кто-то из старинных друзей мисс Траб.

— Почему она осталась в доме одна? — спросила Мевис.

— Потому что именно тогда не было других жильцов. Хотя именно в то утро какой-то офицер спрашивал свободную комнату. Война, вы понимаете. Люди приходили и уходили. Временами было все битком, повернуться негде, а потом по нескольку дней — ни души.

— Почему она была одна? — не отставал Рэй.

— Я была у сестры. Та заболела гриппом.

— Точно как у нас,— возбужденно перебила Мевис.— Мы были у приятеля, который внезапно заболел. Собственно, должны были задержаться...

— Но вернулись, чтобы предупредить мисс Траб и забрать с собой дочку,— пояснил Рэй.

— Да, я вижу сходство,— согласилась миссис Огден.— Может быть, и ей это пришло в голову после вашего ухода и не смогла вынести таких воспоминаний...

— А район, в котором вы тогда жили, был ближе к центру? — спросил Рэй.— Меня интересует, много ли людей там было на улицах?

— Много. Поблизости был парк. Туда приходили старики и матери с детьми и отдыхали на скамейках. Поразительно, сколько их было, несмотря на налеты. Но люди быстро привыкли и многие отказывались от

эвакуации. Ну и разумеется были выздоравливавшие из госпиталя в Мейфилде. Раненые, которые целыми днями разгуливали в своих голубых пижамах, но на ночь должны были возвращаться в госпиталь.

— Значит, какому-нибудь подозрительному типу было бы нелегко следить за вашим домом?

— Ну... И да, и нет. Он растворился бы в толпе, но солдаты, пожалуй, его бы заметили. Им просто нечем было заняться, кроме разглядывания прохожих.

— Понимаю. Только я вот думаю, не могла тут речь идти про обычное ограбление? Преступник попал внутрь, зная, что вы ушли, ребенок начал плакать, он и придушил его подушкой, чтобы утомонить.

— Да, защитник намекнул на это. Но не обнаружили никого, кто заметил бы кого-то подозрительно-го возле дома в тот вечер.

— Когда вы вернулись? — продолжал расспросы Рэй, возвращаясь к фактам.

— Около десяти утра, когда уже вызвали полицию. Видите ли, она все время твердила, что воспользовалась моим отсутствием, чтобы уложить маленького Тома в соседней комнате. Была простужена, болело горло, и боялась, как бы ребенок не заразился. Заглянула к нему, прежде чем лечь самой: он спал спокойно. Приняла аспирин и кодеин, и крепко уснула. Когда вошла утром, он лежал мертвый, с подушкой на личике.

— Маленьким детям нельзя давать подушек, — заявила Мевис, — по крайней мере пока не исполнится четыре года.

— Тому шел четвертый год, и он был большим мальчиком. Но вызванный врач сразу заключил, что это был не несчастный случай.

— Мисс Траб вызвала врача?

— Сразу же. Она была близка к помешательству, но еще нашла силы, чтобы сделать это. Сломалась только после того, когда врач сказал, что сделано это было сознательно, между полуночью и четырьмя утра. Врач послал за санитарной машиной и за полицией. И я больше никогда уже не видела несчастного мальчика. Только ее. Ее арестовали в тот же день. Несколько недель она провела в тюремном госпитале. И в зале суда я ее с трудом узнала.

— Вы давали показания?

— Только по части даты, когда она ко мне переехала. Это было 4 ноября 1942 года. Прекрасно помню, стоял туман, и она показала мне несколько фейерверков, которые купила Тому, чтобы тот зажег их на следующий день, в годовщину порохового заговора Гая Фокса, и сказала, что надеется на хорошую погоду. Спрашивала, позволю ли я зажечь их в саду. Это было за год до смерти этого бедняжки. Знаете, она всегда была такая сдержанная, но с мальчиком совершенно менялась...

— Вы не знаете, где она жила прежде?

— В другом районе. Их дом разбомбили, они сами чудом уцелели. Прислали их из квартирного бюро, зная, что у меня есть свободная комната.

— А из того дома не уцелел никто, кто бы мог дать показания насчет рождения ребенка?

— Насколько я знаю, все погибли. Их с ребенком откопали из-под развалин.

— Вы ее любили, правда? — спросила Мевис.

Миссис Огден кивнула.

— До тех пор, пока суд не признал ее виновной.

— И вы не думали, что это она убила?

— Не могла в это поверить. Она души в нем не чаяла. В жизни не встречала более любящей матери. Это не типично, обычно их не любят...

Рэй понял, что она имела в виду. Это было одной из причин, по которым он хотел добраться до сути дела. И сказал об этом Мевис на обратном пути.

— Внебрачных детей, как правило, так не любят. И потому я все больше задумываюсь, ее это был ребенок или нет...

Глава 7

Когда Холмсы покидали дом миссис Огден, день был еще в разгаре. Хозяйка вышла с ними на улицу, проводив до машины.

— Биконсфилд Роад примерно на полпути, по правую сторону, — сказала она. — Снаружи, над входом в клинику, есть указатель. Вы не пропустите.

Рэй поблагодарил, Мевис помахала рукой на прощание и они уехали, оставив миссис Огден слегка заинтригованной и более чем слегка обеспокоенной мыслью о новой шумихе. В прошлый раз это все тянулось несколько лет.

Она смотрела вслед машине, пока та не исчезла за поворотом, потом с тяжелым вздохом вернулась домой.

Рэй без труда нашел местный родильный дом. Им повезло — старшая сестра была на месте. Рэй объяснил, в чем дело. Практика усовершенствовала его манеру подачи материала, сократив его до нескольких основополагающих фраз. Сомневался, что что-нибудь из этого выйдет — сестра производила впечатление слишком молодой, чтобы знать, что тут происходило шестнадцать лет назад. Потому он облегченно перевел дух, когда та заявила, что она в курсе.

— Вот это я недавно получила от поверенного из Уэйфорда,— заметила она, показывая на письмо, лежащее на столе.— От некоего мистера Кука. Он пишет, что какие-то люди, заинтересованные в судьбе мисс Траб, с которой встретились уже после ее освобождения, ведут свое расследование. Полагаю, это вы и есть.

— Да, это мы. Мы хотели попросить рассказать нам все, что она знает о рождении ребенка мисс Траб, если это был ее ребенок. Речь не идет о медицинской стороне дела,— поспешно добавил он, заметив, как замкнулось лицо сестры.

— Рэя интересует совсем простая вещь,— вмешалась Мевис.— Мы вообще не можем поверить, что это был ребенок мисс Траб. На суде она это отрицала. Никаких доказательств этого не было. В зале суда не было акушерки, которая принимала роды, и которая могла бы сказать: «Вот эта женщина родила того ребенка. Я при этом была и видела».

— Верно,— подтвердила медсестра.— Тогда меня здесь не было, но я просмотрела документы. Вам крупно повезло, что бумаги еще здесь. Со времени своего возникновения служба здравоохранения издает все новые, радикальные указания, и одним из последних было распоряжение об уничтожении всех архивов

старше десяти лет. Наши врачи категорически этому воспротивились, и указание было аннулировано.

— А чем же оно было вызвано?

— В больших больницах не хватает места не то что на хранение документов, но даже для размещения современной аппаратуры и помещений для административного персонала. А на строительство новых зданий нет денег. Ну, в общем, я не знаю. Может быть, это просто идея какого-то чиновника, решившего выслушаться.

— Вполне правдоподобно. Но вы нашли те документы, которые мы ищем?

— Да, частично. Могу только вам сказать, что некая мисс Траб — инициалы не значатся — родила на дому внебрачного ребенка, и что роды прошли нормально. До того она не приходила на консультации в клинику, хотя была уведомлена, что должна являться на регулярные осмотры, и что в противном случае может лишиться пособия. Ребенка принимала сестра Уолтерс, но сразу после того она уехала.

— Это нам известно. У вас не было ее адреса в Канаде?

— Нет. Контакты с нею были потеряны еще задолго до ее отъезда за границу. Остался только адрес ее родителей.

Рэй нахмурился.

— Если у вас был их адрес, то почему мистер Кук не установил с ней контакт через родителей?

— К сожалению, я не знаю.

— Нам же говорили об этом! — вмешалась Мевис. — Не помнишь? Ее потеряли из виду, когда она демобилизовалась, чтобы выйти замуж за канадца.

Наступила пауза, которую прервал Рэй.

— Вы говорите, что она не обращалась в клинику перед родами. Но ходила в продовольственное бюро за соками и прочими вещами.

— Имела талоны на спецпаек, — добавила Мевис.

Сестра согласно кивнула.

— Кто-нибудь из продовольственного бюро был вызван свидетелем? — спросила она.

— Показания давала одна сотрудница, — ответил Рэй. — Опознала мисс Траб как особу, которая прихо-

дила за пайком. Когда защитник, мистер Уоррингтон-Рив, спросил, было ли по мисс Траб заметно, что она в положении, ответила, что присягнуть в этом не может. Очереди были длинные, приходилось спешить, а прилавки такие высокие, что она видела только головы и плечи клиенток. Я читал в газетах, что это вызвало смех в зале.

— Да, нелегкое это дело,— заметила старшая сестра.— А метрика? Ведь таким образом можно узнать, чей это был ребенок.

— Да, так должно бы быть,— признал Рэй.— Вписана там Элен Траб — мать, отец неизвестен. Ее настоящая фамилия — Клементс, но она приняла фамилию Траб и пользуется ею до сих пор, даже после выхода из тюрьмы.

— Вот это странно,— заметила сестра.— В наших документах есть «Клементс» в кавычках, но, как я уже сказала, ни имени, ни инициалов. Мне не кажется, что стоит подвергать сомнению эту метрику. Но, наверное, ее мог бы опознать чиновник бюро записи гражданских актов?

— Нет. Он был мобилизован в 1941 году и погиб в Египте за четыре месяца до убийства.

— Что вы говорите? — удивилась сестра.— Это выглядит, как будто существовал заговор с целью устранить любого, кто бы мог так или иначе помочь в этом деле.

— Правда? — подхватила Мевис.— Нам это тоже пришлось в голову. Поначалу мы были злы на мистера Кука и защитника, но что они могли поделаться? Нам вечно повторяют, что была война, и они правы, не так ли?

Но старшая сестра уже не слушала. Она чувствовала, что это разбирательство каким-то образом подвергает сомнению доброе имя учреждения, в котором служила. Одна из их сотрудниц принимала роды у этой женщины — или какой-то другой женщины, — которую теперь защищают с таким безумным упорством. Не может быть, чтобы невозможно было установить правду. Но как? Клиника тут помочь не могла. Продовольственное бюро тоже. Может быть, бюро гражданских актов? Только там давно уже нет прежнего начальника, да и его преемника тоже...

— Есть идея,— воскликнула она.— Обратитесь к заведующему бюро гражданских актов. Он человек весьма любезный и совсем не бюрократ. Мисс Траб не могла при регистрации быть в бюро одна. Может быть, там с нею кто-то разговаривал или, наоборот, заметил, что она не хотела ни с кем вступать в разговор, если так было. Может быть, вам покажут реестр и позволят записать адреса и фамилии особ, которые прошли сразу после нее...

— Прекрасная идея, сестра! — воскликнул Рэй, срываясь с места и уже готовый пуститься в путь.

— Только в воскресенье у вас ничего не получится,— усмехнулась та его энтузиазму.— Прошу, вот тут карточка с расписанием, когда он принимает посетителей. Рождения теперь регистрируют не в бюро, а на месте, прямо в клинике. Большинство женщин теперь рожают в больницах...

— Да, я тоже,— подтвердила Мевис.

И Рэю пришлось ждать, пока Мевис не рассказала все, причем с подробностями, терпеливо слушавшей сестре. Наконец они ушли, обещая поддерживать контакт, если узнают что-то новое.

Прошли две недели, прежде чем Рэю удалось вновь поехать в Конингтон. Чтобы вырваться на неделю, ему пришлось пожертвовать двумя из четырех оставшихся от отпуска дней.

Приехали они в пятницу днем и остановились в доме мисс Огден. После обеда выбрались в бюро. Мистер Кук сообщил Рэю подробности из метрики погибшего ребенка: Томас Траб, рожденный 11 августа 1940 года, сын Элен Траб.

— Думаешь, он позволит нам заглянуть в реестр? — спросила Мевис.— Это все было так давно! Может, того реестра уже и в помине нет, и придется искать в архивах?

— Посмотрим,— отмахнулся Рэй, которого терзали те же самые сомнения.

Чиновник был удивлен необычной просьбой, но Рэй сразу заметил, что фамилия Траб ничего ему не говорит.

— Это наша дальняя родственница,— пояснил он.— Мы потеряли с ней связь, когда она попала в неприятности. Вот я и подумал, что знай мы адрес, может, и смогли бы ее найти.

— Через столько лет? И вообще, почему через нас? Почему не через архив или через полицию? Или через объявление в прессе?

— Видите ли, мы никогда не были уверены, что она действительно родила. Но в семье на этот счет ходили всякие сплетни. Мои родители никогда об этом не говорили, они были слишком старомодны. Но мы с женой подумали, мало ли что... А когда зашли в родильный дом в этом городе, оказалось, что она действительно родила ребенка. И там старшей сестре пришла в голову мысль... Она нам сказала, что вы...

Рэй умолк, не зная, что еще придумать. Он уставился на чиновника самым невинным взглядом, с умильной улыбкой на устах. «Хорошо, что Мевис не слышит всего этого вранья,— подумал он,— потом бы она мне это припомнила».

Чиновник работал тут недавно и не был слишком стар, чтобы не оценить благородных побуждений молодого человека.

— Вам придется подождать,— вздохнул он.— Мне нужно вначале отпустить посетителей. Если останется немного времени, я попробую найти ту запись.

Он записал дату и фамилию, и Рэй вернулся к Мевис в приемную. Присутствие нескольких особ в трауре и двоих мужчин, судя по всему, счастливых отцов, не позволяли ему пересказать свой разговор с чиновником.

— Придется подождать,— сообщил он и умолк.

Мевис вопросов не задавала, не желая произносить имени мисс Траб при посторонних.

Через час в приемной остались только Холмсы. Они уже начали задавать себе вопрос, не забыли ли про них, когда в дверях кабинета появился чиновник и пригласил войти.

— Я сказал, что она наша родственница,— поспешно шепнул Рэй.

— Родственница? О, нет!

— Тише! Он никогда о ней не слышал!

Прежде чем Мевис смогла оправиться от возмущения, они уже были в конторе. Рэй склонился над большой книгой, раскрытой на столе.

— Да, это то, что нужно,— признал он. Извлек из кармана конверт и стал что-то торопливо на нем записывать.— Премного вам благодарен!

— Надеюсь, вы найдете этот дом,— сказал чиновник.— Но эта часть города весьма переменялась. Слишком много домов было разрушено во время налетов. По крайней мере, я так слышал. Я сам сюда приехал всего пять лет назад.

— Мы вам очень обязаны,— сердечно поблагодарил Рэй.— Если не получится, придется придумать еще что-нибудь.

Чиновник проводил их взглядом. Он начал задумываться, в чем именно он им так помог. Адрес? Ведь были и другие способы его заполучить, чем копаться в старых реестрах записи гражданских актов. Может быть, он должен был отказать? Но этот молодой человек был так мил... Слишком уж мил! А может быть, все это только повод, чтобы провести разведку в целях ограбления?

Чиновник, облившийся ледяным потом, тут же пришел, однако, к выводу, что это неправдоподобно. Тут нечего было грабить, кроме реестров да небольшой суммы денег. Нет, грабеж бы не окупился. Да и сам сейф выглядел весьма солидно...

— Нашел? — спросила Мевис, когда они шли к автобусу. Машину оставили у дома миссис Огден, чтобы не плутать по незнакомому городу.

— Нашел. Три имени и адреса людей, которые в тот же день регистрировали своих новорожденных. Завтра попробуем их разыскать. Ведь есть возможность, что они были в приемной одновременно с мисс Траб.

На следующее утро они выехали сразу после завтрака, вооружившись небольшой схемой, нарисованной Рэем со слов миссис Огден.

Первый блин оказался комом. Никто с такой фа-

милией там давно не жил. Не больше повезло и по второму. Дом был разрушен, рухнувшие стены буйно заросли кустами. Но третья попытка оказалась более многообещающей.

Дом, который они искали, стоял в бедном квартале. Двое мальчишек катались на калитке взад-вперед, стараясь не сорваться, что им не очень удавалось.

— Здесь живет миссис Уитерборн? — спросил Рэй одного из них.

— Да, — мальчик подбежал к крыльцу, с грохотом влетел по ступеням, распахнул дверь и крикнул:

— Мама! Тут к тебе!

В дверях появилась полная женщина средних лет, вытиравшая руки о фартук. На прибывших она взглянула с удивлением в больших голубых глазах.

— Я думала, вы насчет квартплаты, — заметила она.

Мевис шагнула вперед.

— Прошу простить нас, миссис Уитерборн, — начала она, — но не могли бы вы уделить нам несколько минут?

— Я не намерена ничего покупать, — отрезала женщина весело, но решительно.

— Речь не о том. Это... это личный вопрос, — запнулась Мевис. Оказалось, это труднее, чем она полагала.

Лицо миссис Уитерборн окаменело.

— Личный? — протянула она. — Что он опять натворил?

Еще не легче. Мевис умоляюще взглянула на мужа.

— Наш личный вопрос, — перехватил инициативу Рэй. — Мне трудно объяснить на улице. Может быть, вы нам позволите войти в дом? Много времени это не займет.

— Право, не знаю, — колебалась миссис Уитерборн, обеспокоенная и заинтригованная одновременно. — Можете пройти в коридор. В комнатах такой развал...

Они вошли в узкий коридор, следом проскользнули оба мальчика, с интересом прислушивавшихся к разговору.

— А ну марш отсюда! — прикрикнула миссис Уитер-

борн, узрев их любопытные мордашки за спинами гостей.— И живо!

Выпроводив их на улицу, закрыла двери.

— Ну, я слушаю,— повернулась она к ним куда менее любезно, чем прежде.

История Рэя звучала теперь несколько иначе, чем в бюро гражданских актов. На этот раз мисс Траб была их знакомой, старой знакомой, которую преследовали следы прошлого.

— Не удивительно,— убежденно заявила миссис Уитерборн.— Ваша знакомая? Я вам не завидую.

— Так вы ее помните? — спросила Мевис.

— Помню судебный процесс. И хорошо помню. Меня едва не привлекли как свидетеля.

— По какому случаю?

— Потому что я сидела рядом с ней в приемной бюро гражданских актов. Мой муж был в ночной смене, так что я сама пошла регистрировать нашего старшего, и она тоже была там, сидела прямо рядом со мной, с этим несчастным малышом, совсем крошечным, на руках. И прикидывалась, что так его любит! А прошло три года...

— Она прошла на регистрацию сразу перед вами, правда?

— Откуда вы знаете?

— Ваша фамилия записана в реестре сразу после нее. Так она прошла перед вами?

— Ох, она вообще не входила. За нее прошла сестра. Они долго шептались, и, видно, она уговорила сестру, чтобы та прошла вместо нее. Может, стыдно было...

— Сестра? — Мевис не смогла сдержать возгласа и уставилась на Рэя широко открытыми глазами.— Но ведь это значит...

Рэй остерегающе ее подтолкнул. Миссис Уитерборн недружелюбно уставилась на них.

— Скажите, пожалуйста, миссис Уитерборн,— начал Рэй самым любезным тоном,— та другая девушка, как вы говорите, сестра, была в форме?

— Это наверняка была ее сестра. Они были очень похожи друг на друга, и ребенок тоже был похож на них. Я обратила на это внимание, да и ваша мисс Траб сказала, что они сестры.

— Вы очень злы на нее,— грустно заметила Мевис.

— Потому что не люблю лицемеров. Она сидела там и ждала, делая вид, что в ребенке души не чаает. Со слезами на глазах говорила мне, что ребенок без отца. За язык ее никто не тянул, но она все же сказала. А сама небось уже строила планы убийства...

Холмсы откланялись, но в дверях Рэй на миг задержался.

— Вы мне говорили, что едва не стали свидетелем,— спросил он.— Вы должны были дать показания об этом разговоре с мисс Траб?

— Да. Но потом все переменялось. Доказательств хватило и без меня, слава Богу. Не понимаю, почему ее не повесили?

В воскресенье, вернувшись на Сэндфилдс-авеню, Рэй написал мистеру Риву. В понедельник вечером адвокат позвонил.

— Если речь о том эпизоде в бюро гражданских актов,— начал он,— то у нас была надежда что-то из него выжать. Там ведь от родителей требуют подробных данных. Френсис, миссис Мидоус, открыто признала, что вошла в канцелярию вместо сестры, чтобы уберечь ту от стыда. И по той же причине некоторое время держала у себя метрику и сама оформляла все официальные дела, связанные с карточками, дополнительным пайком и свидетельством о рождении. Мисс Траб признала, что так и было. Миссис Мидоус отдала ей метрику только через год, когда нужно было обновлять документы, и она могла понадобиться.

— Не показывала сестре метрику сразу после регистрации?

— По-видимому, нет.

Рэй почувствовал воодушевление.

— Значит, если это не был ребенок мисс Траб, но зарегистрирован был на нее, она этого не знала больше года?

— Куда вы клоните?

— Но ведь это совершенно очевидно! Это так непохоже на мисс Траб — оставить у кого-то такой важный документ! И кроме того, она бы наверняка захотела видеть эту бумагу, будь ребенок ее. А если ребе-

нок был не ее? Если это был ребенок Френсис? Френсис вошла в канцелярию, потому что матерью была она. Мисс Траб только держала ребенка на руках. А Френсис назвалась Элен. Попросту всучила младенца своей сестре, вы понимаете?

— Но ведь это Элен приняла фамилию Траб вместо своей настоящей фамилии Клементс?

— Вы уверены?

— Абсолютно. Она приняла фамилию Траб сразу после отъезда из Уэйфорда.

— А Френсис? Какую она носила фамилию во время всех этих неопределенных занятий, которые выполняла перед вступлением в армию? И под какой фамилией была в армии?

— Клементс, пока не вышла замуж, что произошло довольно скоро. А до того, честно говоря, не знаю. Не интересовался.

Рэй вздохнул.

— Разумеется, нет. Не было нужды. Вы же занимались Элен, а не Френсис.

— Вот именно. Если уж об этом зашла речь, то Френсис, как я вам уже говорил, честно и открыто рассказала обо всем, в том числе и о том, что вошла в канцелярию вместо Элен. Но это было совершенно неважно, по крайней мере не казалось важным тогда.

— Не важным? То, что ребенок мог быть Френсис?

Голос адвоката теперь обдавал ледяным холодом.

— Хотел бы напомнить вам, что мисс Траб судили не за внебрачного ребенка, а за убийство трехлетнего мальчика, находившегося под ее опекой. На ее исключительном попечении. И в ту ночь, когда он умер, она с ним была в доме одна.

Глава 8

— Легко ему говорить, — возмутился Рэй, вернувшись в комнату и с размаху рухнув в кресло.

— Говорить что? — спросила Мевис.

Он ей повторил разговор с адвокатом, ожидая поддержки. Мевис только сочувственно покачала головой. Но ее мать, миссис Форд, спокойно заметила:

— Значит, у нее был мотив. Я о мисс Траб. Ребенок находился у нее. Невзирая на то, ее это был ребенок или нет, она несла за него всю ответственность. Это совершенно естественно, в том ее и обвиняли, особенно если это не был ее ребенок и сестра подбросила его обманом...

Они взглянули на нее с уважением и вниманием. Миссис Форд была одной из тех обычных женщин, которые, правда, пороку не выдумают, но зато терпеливо и постепенно с годами добывают весомый запас знаний и опыта и умеют им пользоваться: делать выводы и дать совет почти во всех ситуациях. Видя, что молодежь ждет дальнейших пояснений, миссис Форд отложила спицы и продолжила.

— Видите ли, многие люди в порыве чувств способны на благородные поступки. Предположим, что мисс Траб не была матерью. Предположим, это был ребенок ее сестры. Но по доброте душевной она согласилась опекать его, не рассчитывая, что того сочтут ее ребенком. Множество раз она повторяла, что любит детей. Может быть, взяла его, чтобы не работать по трудовой повинности на фабрике. Может быть, считала, что воспитает его лучше, чем сестра. Френсис согласилась на это — значит, она была права, не так ли? Я о мисс Траб. Но время шло. Может быть, она не рассчитывала, что сестра оставит у нее ребенка навсегда. Может быть, соглашение было временным, пока девушка как-нибудь не устроится.

— Значит, вы принимаете как факт, что ребенок был Френсис? — спросил Рэй.

— Ты же говорил, так может быть.

— Да... Прошу, продолжайте.

— Ну что же... Френсис вышла замуж, правда? За человека, очень близкого мисс Траб. Для той это должно было стать ударом. Но хотела бы я знать, почему тогда она не заставила сестру забрать ребенка или по крайней мере рассказать все мужу. Хотела бы я знать, почему не доверилась мистеру Мидоусу, когда узнала, что у сестры неприятности, если в действительности они были так близки. И хотела бы я знать, почему он, собственно, не появился на процессе, чтобы ей помочь.

— Собственно, мы вообще ничего не знаем о Колине Мидоусе, правда? — вмешалась Мевис.

— Только то, что он работал в конторе у мистера Клементса, — ответил Рэй, — и, что ходили слухи, что они с Элен встречаются. И что он женился на Френсис примерно через девять месяцев после рождения ребенка.

— Возможно, он его отец, — заметила миссис Форд. — Это бы прояснило, почему он предпочитал держаться от всего подальше.

— Если это так, он должен быть изрядным мерзавцем!

— Я бы не спешила осуждать его, — спокойно заметила миссис Форд. — Есть немало мужчин, да и женщин тоже, которые во всех грехах винят исключительно противную сторону, если что вдруг случится. Забывают, что и на них ложится часть ответственности. Если это была мисс Траб, — ее зовут Элен, не так ли? — он мог быть взбешен, что она ему изменила — наверняка он называл это так — и женился на ее сестре. Если это была Френсис, мог согласиться на ней жениться, но не хотел заходить настолько далеко, чтобы взять в дом ребенка и все признать публично. Особенно в той ситуации, когда он был подчиненным ее отца.

— Полагаю, что если это был ребенок его жены, он обязан был его принять, — заявила возмущенная Мевис.

— Наверняка это он подговорил Френсис подкинуть ребенка Элен, — добавил Рэй.

— С учетом старого мистера Клементса, — не уступала миссис Форд.

— Колин был тогда в армии.

— Все равно. Наверняка он надеялся пережить войну. Почти все ведь ее пережили, гибли главным образом летчики. А потом хотел вновь занять свое место. А это бы стало невозможным, узнай мистер Клементс, что произошло за его спиной.

— Особенно, если речь шла об Элен, — подтвердил Рэй.

— Ты прав.

Они умолкли, обдумывая все, что знали об этом

деле. А знали они немного. Почти ничего. Ведь в основном все оставалось только гипотезами. Но выставляли они Френсис в весьма странном свете. Если ребенок был ее, она сознательно сделала все, чтобы выдать его за дитя Элен. Она назвала имя Элен вместо собственного в продовольственном бюро, в бюро гражданских актов, при получении свидетельства о рождении ребенка. Где еще?

— А ее удостоверение личности? — вдруг воскликнул Рэй.— Если Френсис всюду выдавала себя за Элен без ее ведома, как тогда она справилась без документов Элен?

— Это было невозможно,— покачала головой миссис Форд.— Но потеряй она удостоверение, легко могла получить новое.

— Полагаешь, она соврала, что потеряла? Или забрала документ Элен, чтобы та думала, что потеряла?

— Но мы же делаем из Френсис чудовище! — со смехом воскликнула Мевис.— Она совсем не так выглядит. Была с нами приятна и любезна, и очень сокрушалась об Элен, мне показалось, вполне искренне.

— У нее было достаточно времени как следует выучить роль,— спокойно отрезала миссис Форд,— следовало бы ожидать, что она владеет ею в совершенстве.

Заметив искреннее удивление на их лицах, добавила:

— Не утверждаю, что все так и было, но зато вполне могло так быть. А если было так, легко понять, что возмущение мисс Траб со временем росло, и она могла решить, что никогда уже не сумеет доказать своей непричастности, так что в конце могла почувствовать ненависть к младенцу, хотела стать свободной и решила от него избавиться...

— Не верю, что она так сделала, и никогда не поверю,— заявила Мевис.

— Ну ладно, ладно,— вмешался Рэй.

Миссис Форд улыбнулась обоим и снова взялась за спицы.

Ответ на письмо, посланное родителями акушерки Уолтерс, был благожелательным, но не содержал никакой информации. Контакт с ней они окончательно

потеряли. Без их ведома и согласия решила выйти замуж в Канаде, а когда они выразили свое неудовольствие, перестала писать и ничего о ней больше не слышали. Не помнили даже, откуда пришло ее последнее письмо — его сожгли, не списав адреса.

Следующим шагом Рэя было посещение последнего работодателя мисс Траб. Мистер Филпот, прочитав заметку в газете, звонил в больницу, а когда ему не позволили увидеть мисс Траб, решил написать по ее домашнему адресу. Рэй немедленно ответил и однажды после работы заехал к мистеру Филпоту.

— Мне очень приятно с вами познакомиться, — приветствовал его мистер Филпот, сердечно пожимая руку. — Старшая сестра в больнице сказала мне, что вы спасли жизнь мисс Траб, и вообще выказывали ей все время искреннее сочувствие.

— Мы ее любим, — ответил Рэй. Он повторял это раз за разом и ему это уже надоело, но приходилось повторять.

— И я тоже.

Мистер Филпот был человеком немолодым, но весьма жизнелюбивым для своего возраста.

— И я тоже, — повторил он. — И очень. Разумеется, я о ней все знал.

— Вы знали?

— Так получилось. Когда она нанималась на работу, я спросил о рекомендациях, образовании, последнем месте работы и так далее. Она и не пыталась что-то скрыть. Но произвела на меня прекрасное впечатление, а я как раз лишился очень хорошей секретарши, которая тяжело заболела. Теперь такую нелегко найти — сотрудницу старого типа, которая разбирается решительно во всем.

— Она не утратила квалификации? — поинтересовался Рэй.

— Нет. Работала в тюрьме. Была библиотекарем, выполняла разные поручения. Некоторые новые методы работы оказались ей неизвестны, и, разумеется, современное канцелярское оборудование тоже, но она быстро их освоила. Должен вам сказать, что был поражен, когда узнал, что именно с ней случилось.

Новая мысль пришла Рэю в голову.

— Так она не уволилась с работы? Не предупреждала вас?

— Разумеется, нет.

— Не написала вам письма, как нам или сестре?

— Нет.

— Это на нее непохоже. Разве что не собиралась уходить от вас.

— Что вы имеете в виду?

И не успел Рэй оглянуться, как уже рассказывал всю историю мистеру Филпоту, который слушал его с наивысшим интересом и вниманием.

— Быть может, мне удастся кое-чем вам помочь,— заметил он, когда Рэй умолк.— Мисс Траб говорила мне о своей работе на военном заводе в Конингтоне. После войны предприятие это снова вернулось к прежней продукции, и я случайно знаю одного из директоров. Я с ними поддерживаю деловые контакты и временами даже там бываю. При ближайшей okazji мог бы кое-что разузнать. Когда она начала работать, когда уволилась и так далее. Зная то, что она мне рассказывала, я не думаю, чтобы она так долго проработала, если на самом деле ждала ребенка.

Рэй рассыпался в благодарностях, чувствуя, что обзавелся еще одним, и на этот раз очень ценным союзником.

Но его энтузиазм изрядно поблек, когда, вернувшись домой, его встретили встревоженные лица. Мевис с миссис Форд пережили изрядное потрясение.

— Вот как было дело,— рассказывала миссис Форд.— Я удобно устроилась в кресле и читала газету, а Мевис вышла в магазин за хлебом. Коляска с Джой стояла под самым окном, так, чтобы быть у меня на виду. Она развлекалась с погремушками. Видимо, я вздремнула, потому что не слышала никаких шагов по дорожке. И очнулась, услышав, как смеется Джой. Знаешь ведь — она всегда так заливается, если ее пощекотать или подбросить вверх. Выглянула в окно и вижу, что в саду кто-то стоит, размахивает руками и смеется вместе с ней. Я ужасно перепугалась. Не могла двинуться с места, ноги стали как из ваты. Когда наконец мне удалось встать и подойти к окну, никого там уже не было, а Джой по-прежнему сидела в коляске и баловалась погремушкой.

— Уверены, что это вам не приснилось? — спросил Рэй со скептической усмешкой.

— Нет, — вмешалась Мевис. — Это был не сон. Выходя из магазина, я встретила Риту Вильямс, и знаешь, что она мне сказала? «Угадай, кого сегодня утром я видела входящей в дом доктора Эверетта? Вашу мисс Траб. Я и не знала, что она вернулась». Я говорю: «Она не у нас». А она: «Я и не думала, что она вернулась к вам. Но не ожидала, что она покажется в нашем районе». Я и говорю: «Я тоже. Мы ее, во всяком случае, не видели».

А когда вернулась, и мне мама сказала, что какая-то чужая женщина была в саду возле коляски Джой, я думала, что упаду в обморок.

— Ты уверена, что это была мисс Траб? — спросил Рэй, хотя и сам уже в этом не сомневался.

— Я ее никогда, конечно, не видела, — возразила миссис Форд, — но твое описание сошлось просто до деталей. Одежда и вообще все...

— Вы ее видели лишь на миг?

— Да, но у меня тут же мелькнуло в голове: «Это наверняка мисс Траб». Иначе я бы так не перепугалась.

— Понимаю, — уныло протянул Рэй.

— Во всяком случае Рита ошибиться не могла, — добавила Мевис. — Это значит, что она и правда была в нашем районе. Считаю, мы должны сообщить в полицию, что она вторглась к нам в сад.

— Да она же никому ничего плохого не сделала, — неохотно возразил Рэй. — Почему теперь мы все против нее? Ведь сами всегда утверждали, что она никогда бы не обидела Джой.

— Я уже сама не знаю, что думать, — расплакалась Мевис.

Когда она успокоилась, Рэй рассказал ей и миссис Форд о своем разговоре с мистером Филпотом. Это так их заинтересовало, что они даже забыли о своем недавнем испуге.

— Так что я надеюсь, — закончил свой рассказ Рэй, — что уже скоро мы что-нибудь узнаем про ее житье в Конингтоне еще до рождения ребенка. Мне хотелось бы знать, какова была Френсис тогда, и да-

же еще раньше. Мы слышали, что Колин был поклонником Элен. А Френсис? Та ходила в школу изящных искусств. Находясь в окружении этих прошлых художников, наверняка нашла себе какого-нибудь приятеля, а то и нескольких.

— И пожалуй, не лучшего сорта,— подтвердила миссис Форд в соответствии с традиционным мнением британцев, что искусство любого рода — нечто странное и подозрительное.

— Не в Уэйфорде,— отозвалась Мевис.— Там была небольшая школа, только для местных студентов. Не то что в Лондоне... или Париже,— добавила она с многозначительной ухмылкой.

Все рассмеялись, и Рэй заявил, что полностью с ней согласен.

— Там нелегко будет что-то узнать, разве что миссис Мидоус сама нам поможет. А мне бы не хотелось ее спрашивать об этом, принимая во внимание, что ребенок мог быть от одной из них.

Миссис Форд была шокирована.

— У тебя нет никаких оснований совать нос в прошлое миссис Мидоус. Она может, в случае чего, подать на тебя в суд за клевету.

— Не сможет, если это окажется правдой,— не уступала Мевис.

Новая ошеломляющая возможность пришла в голову Рэю.

— Шантаж! Вот что могло быть мотивом убийства!

— Что ты имеешь в виду?

— Допустим, Френсис родила ребенка и всучила его мисс Траб, которая, узнав, что Френсис вышла замуж за ее давнего возлюбленного, не могла решиться выдать ее тайну. Допустим, что отец ребенка начал шантажировать Френсис, которая его убила, чтобы избавиться от шантажа.

— Разоблачив тем самым всю историю, и притом на весь свет,— иронично закончила Мевис.

— Это должно было сойти за несчастный случай, так ведь? Только вот такие случаи не происходят с трехлетними мальчиками.

— Слишком натянуто,— констатировала Мевис.— Ты даже не знаешь, был ли ребенок ее. А если и был,

то не нужно никакого шантажа — хватило бы просто опасений, что мисс Траб ее когда-нибудь выдаст.

— Я вообще считаю эту идею глупой,— заявила миссис Форд.— Могу себе представить женщину с благородным сердцем, воспитывающую ребенка сестры. Но не могу вообразить, что она рисковала жизнью, чтобы спасти убийцу, сестра она или не сестра. Никто бы так не сделал, разве что полный псих.

— Вы правы,— согласился удрученный Рэй и добавил: — И вообще, как говорил адвокат, чей бы там ни был ребенок, мисс Траб была с ним дома одна, когда их нашли.

Вид у него был такой расстроенный, что Мевис решила его утешить.

— Не огорчайся. Тебе следует заняться гипотезой о шантаже. Может быть, мистер Уоррингтон-Рив мог бы что-нибудь рассказать тебе о Френсис? Не приходила ему мысль, что та могла иметь приятеля? Почему не спросить?

— Спрошу,— пообещал Рэй, чувствуя, как настроение чуть улучшается.

Мистер Уоррингтон-Рив с интересом выслушал сообщение Рэя о его повторном визите в Конингтон и о встрече с мистером Филпотом. Он явно был заинтересован появлением мисс Траб. Подтвердил, что у Френсис действительно в те годы было немало приятелей в Уэйфордской школе изящных искусств. По правде говоря, весь тот год, который она провела в стенах школы, о ней было немало разговоров. Во время процесса обнаружили некоторые из ее прежних знакомых. Один из них, признанный непригодным к службе в армии, перебрался в Лондон и, похоже, до сих пор тут занимается живописью, хотя большой славы и не добился. Другие куда-то запропали во время войны или после ее окончания и отказались от творческих амбиций. А кое-кто по-прежнему живет в родном городе.

— Школа была так себе, скорее любительская,— пояснил адвокат.— Руководил ею такой талантливый чудак, который не мог найти места получше. Ему уда-

лось выжать скромное финансирование из муниципалитета, где слово «культура» всегда произносили с большой буквы. Во время войны все, разумеется, кончилось и школа умерла естественной смертью.

— Вы хорошо ориентируетесь. Вероятно, уже предприняли какие-то шаги?

Адвокат рассмеялся.

— С вашей подачи. А наш неподражаемый мистер Кук добавил столько подробностей, сколько сумел добыть.

Рэй на минуту задумался.

— А это не слишком рискованно? Если есть кто-то, кто не хочет, чтобы мы о нем узнали, для него это могло стать предостережением.

— Верно. Но, как я уже говорил, нам выгоднее вынудить его появиться на свет.

— До известной степени я с вами согласен. Но это рискованно, правда? Для меня и для моей семьи.

В черных глазах Рива сверкнула молния.

— Вы можете в любой момент выйти из игры, если вам это не нравится.

— Так, значит, вы намерены продолжать?

Адвокат утвердительно кивнул.

— И в глубочайшей тайне,— сказал он.— Может быть, вас заинтересует, что тот бездарный мазила, давний приятель или, точнее, один из давних приятелей Френсиса Клементса, живет недалеко от вас, в районе Уимблдона. Я дам вам его адрес. Вполне возможно, что он случайно встретил мисс Траб, когда та ехала на работу, и узнал ее. Возможно, и она его вспомнила...

— Шантаж! — воскликнул Рэй.— Шантаж мог быть причиной ее попытки самоубийства! Нет,— тут же поправился он,— это не было самоубийством! Слишком многое говорит против этого.

— Разве что она не вполне нормальна...

— Она не больна психически,— настаивал Рэй.— Она так же нормальна, как вы и я.

— Раз уж о ней зашла речь,— заметил адвокат,— то, полагаю, вам нужно уведомить инспектора Брауна о ее неожиданном и довольно загадочном появлении в вашем саду.

Рэй сделал это в тот же день. Инспектор Браун дружелюбно посмотрел на него.

— Вы правы,— сказал он.— Вполне правдоподобно, что это была именно она. В то утро она была у доктора Эверетта, как говорила знакомая вашей жены. И в тот же вечер ее по собственной просьбе положили в психиатрическую больницу. Так что вы теперь можете быть спокойны.

Глава 9

Миссис Форд с явным облегчением восприняла известие, что мисс Траб в больнице.

— Теперь я уже не буду вам нужна,— сказала она дочери на следующее утро, когда они занимались уборкой.

— Да мы всегда рады видеть тебя у нас,— завершила ее Мевис.

— Знаю, милая. Я счастлива за тебя, за то, что тебе достался такой муж, как Рэй,— ответила миссис Форд, сердечно целуя дочь.— Она теперь под надзором, и Джой ничего не грозит,— добавила она.

— Я в этом совсем не уверена,— запротестовала Мевис.— Ведь это мог быть и кто-то другой.

— Это она была тогда в саду. И вообще мне пора возвращаться домой.

Рэй рад был приезду миссис Форд, поскольку с ней Мевис чувствовала себя не так одиноко в течение дня, но жена ему нужна была для себя, и миссис Форд прекрасно это понимала. Поэтому она согласилась остаться еще на уик-энд и в понедельник утром уехала. Рэй отвез ее на вокзал.

Дом в то утро показался Мевис пустым и тихим, но был понедельник, и ее ждала стирка. Скоро зашумела стиральная машина, и Мевис забыла об одиночестве, планируя покупки на следующий день. В полдень позвонила Кэрол Фрей, настаивая, чтобы она наконец пришла на чай, захватив с собой, естественно, Джой. И конечно, разговор вертелся вокруг мисс Траб.

— Я смогу оставить у тебя Джой, если нам позволят ее навестить? — спросила Мевис.

— Что за вопрос? Можешь оставлять ее в любое время.

И тогда Мевис написала в больницу, прося на правах старой знакомой разрешения на посещение мисс Траб. Через несколько дней пришел ответ, что мисс Траб чувствует себя лучше и охотно увидится с мисс Холмс в обычное для посещений время.

Мисс Траб неторопливо расхаживала по двору клиники Флауэрфилд, погруженная в собственные мысли. Она была спокойнее, чем в тот день, когда чувство внезапной паники толкнуло ее в кабинет доктора Эверетта, но беспокойство все равно так ее и точило. Ощущала себя словно балансируя меж двух пропастей, и одна из них грозила не только ей самой. Если с Джой что-то случится — обвинят в этом ее. Давний кошмар, почти забытый за столько лет, вернулся вновь и обратил ее в бегство.

Она надеялась, что приняла достаточные меры предосторожности против обеих опасностей. С невеселой улыбкой на узких губах вспоминала, как вытаращил глаза доктор Эверетт, когда она заявила, что ее жизнь в опасности. Очень медленно и очень ласково, словно разговаривая с ребенком, он сказал, что знает — она действительно была в опасности, но разве не по ее собственной вине?

Вспомнила выражение абсолютного недоверия на его лице, когда она стала возражать, когда заявила, что это было очередное покушение на ее жизнь, при котором даже не посчитались с тем, что в доме могли находиться и другие лица, которые, по счастью, отсутствовали.

— А кто же, — спросил он, — мог бы покушаться на вашу жизнь?

Пришлось солгать, что она не имеет понятия, и только наблюдать, как гримаса недоверия сменяется уверенностью, что она страдает манией преследования.

Так что легко было после еще нескольких абсурдных с виду утверждений сломаться, расплакаться, заявить, что она боится за свой разум, и умолять, чтобы

ее направили на лечение в психиатрическую клинику. Доктор Эверетт поспешно согласился, по ее мнению, даже слишком поспешно. Ну и вот она здесь, после недельного наблюдения переведенная в виллу, среди прочих тихих больных, и с виду даже свободная. Пока все в порядке.

Интенсивные воспоминания, переживание заново каждого минувшего эпизода ее жизни стало привычкой, которую она довела до совершенства за время первого года заключения. Ей тогда было двадцать четыре, и казалось, что жизнь ее кончена. Поэтому ей казалось, что она обязана сохранить навсегда в памяти все образы и звуки прошлого, словно она вдруг оглохла и ослепла, призвать и сбереечь в памяти все чувства радости и даже грусти прежней жизни, чтобы теперь, в мрачных стенах тюрьмы, вновь и вновь проигрывать каждую сцену, словно граммофонную пластинку, просматривать ее, как картину на экране или как спектакль в театре. Ведь в каждой из этих сцен она играла главную роль и хотела исполнить ее по-настоящему, чтобы та стала верным отражением когда-то случившегося дома, в школе, с родителями, с Колином. И с Френсис.

Это имя всегда возвращалось в конце, и сразу падал занавес, представление кончалось. И потом уже не было ничего, никаких мыслей, никаких сцен, никаких событий. Только безбрежная волна отчаяния, которая заливала ее так, что она не могла перевести дыхания, из которой она выбиралась только огромным, отчаянным усилием.

За долгие годы заключения мисс Траб так привыкла к этим внутренним подъемам и спадам, что почти не замечала их, а изоляция от мира и людей привела к тому, что она перестала испытывать потребность в разговорах и обществе. После освобождения она легче, чем ожидала, вписалась в жизнь и была глубоко благодарна Холмсам, что те редко нарушали ее одиночество. Думала, что не могли бы относиться к ней более деликатно, даже знай они всю правду о ее жизни. Только в ту ночь, когда они ушли в гости, после того ужасного визита...

Она отказалась объяснить психиатру, кто тогда на-

вестил ее. У нее еще не было никаких готовых планов на будущее. Ей по-прежнему приходилось бежать. Если в конце концов ей придется стать лицом к лицу и бороться, не будет иного выхода, как вовлечь во все это полицию. Но еще не сейчас. Еще нет...

— Мисс Траб согласилась увидеться с вами,— сообщил доктор Бауэр — врач, который наблюдал за ней.— К сожалению, у нас еще нет окончательного заключения по ее случаю. Она страдает легкой манией преследования, иногда бывают галлюцинации. Но в ее возрасте такие нарушения психического равновесия случаются.

— Любой бы вышел из равновесия, переживи он то же, что она,— стала защищать ее Мевис.

— Разумеется, разумеется,— поспешно поддакнул врач, стараясь показать, что и он не чужд сочувствия.— Вижу, вы хорошо ее знаете и наверняка ничем не расстроите. Инспектор Браун мне рассказывал в общих чертах ее историю. Может быть, вы что-то можете добавить?

— Нет. Она нам ничего о себе не говорила. Ни единого слова.

— Инспектор мне рассказывал, что вы с мужем занялись ее прошлым. Он считает, что вы совершаете ошибку.

— Я думаю,— возразила Мевис.— Он не хочет, чтобы мы доказали, что они ошибались с самого начала. Но ее защитник так не считает. Он весьма оптимистично настроен. И ее шеф тоже. И хозяйка, у которой она жила, когда... когда умер ребенок. Короче, все, кроме той женщины из бюро гражданских актов, которая считает трусостью и жульничеством то, что мисс Траб позволила сестре идти на регистрацию...

— Сестре,— задумчиво протянул врач. Мисс Траб не захотела увидеться с миссис Мидоус, которую с большим трудом удалось удержать от вторжения в палату, хотя та и знала об отказе. Но этот вопрос не подлежал обсуждению с миссис Холмс.

— Так вы считаете, что нам следует выйти из иг-

ры? — спросила Мевис. Прозвучало это слишком резко, так что она добавила: — Мы с мужем считаем, что она совсем не сумасшедшая.

— Угу,— коротко кивнул врач и нажал кнопку звонка.

Появилась медсестра.

— Прошу проводить миссис Холмс к мисс Траб,— сказал он, встал, протягивая на прощание руку, мягкую, словно безвольную ладонь. Мевис подумала, что если все психиатры такие, как этот, ни рыба ни мясо, то дай Бог, чтобы они ей никогда не понадобились.

— Прошу сюда,— любезно пригласила ее медсестра.

Шагая следом за ней, Мевис испытала приятное удивление. Не видела ни замков, ни решеток, не слышала лязга железных дверей. Ну да, ведь мисс Траб числилась среди тихих.

— А где вы держите тяжело больных? — спросила она.— Буйных?

Девушка весело рассмеялась.

— У нас таких нет. Почти никогда. В госпитальном блоке есть специальные палаты и изоляторы. Каждого вновь прибывшего на неделю кладем в постель на обследование и для определения способа лечения. Мисс Траб многого не понадобилось. Она абсолютно безвредна.

— Мы в этом совершенно уверены,— подтвердила Мевис так горячо, что медсестра с любопытством оглянулась на нее.

Мисс Траб совершенно не выказала удивления, когда Мевис вошла в комнату для посетителей. Привстала с кресла, но не вышла ей навстречу. Мевис заметила, что она носила собственную одежду: темно-синий костюм и серый плащ.

— Я гуляла в саду,— пояснила мисс Траб.— Много хожу, это мне полезно.

— Оставляю вас одних,— вмешалась медсестра.— Доктор разрешил не больше двадцати минут.

Они сели, и воцарилось неловкое молчание. Преж-

де Мевис не отдавала себе отчета, как трудно будет начать разговор. Ведь предстояло вспомнить историю с газом и рассказать об их поисках, а ей казалось просто невозможным затронуть ни одну из этих тем. Ситуацию спасла мисс Траб.

— Мне так жаль,— произнесла она своим мягким голосом, который так нравился Мевис,— что вам пришлось пережить столько неприятностей и шумихи из-за моей... из-за моей болезни. Это не моя вина, и я не могла этому помешать.

Мевис промямлила, что это мисс Траб нелегко пришлось, а не им с Рэем...

— Слава Богу,— серьезно произнесла мисс Траб.— Я не могла этому помешать, разве что покинула бы ваш дом сразу после...

Она вдруг запнулась, с испугом осознав, что еще немного — и она дала бы волю чувствам.

— После чего? — ласково спросила Мевис.— Прощу, скажите мне. Мы... мы с Рэем хотим вам помочь. Мы сделаем все... даю вам слово. Нам так было жаль... Нам казалось, что мы вас каким-то образом подвели.

— О нет! — воскликнула мисс Траб, ломая пальцы. Лицо ее исказилось.— Только не просите! Не могу я вам ничего сказать! И никогда не смогу!

Слезы потекли по ее лицу. Мевис охватило беспокойство и чувство вины. Чтобы сменить тему, она начала рассказывать о Джой — что та очень выросла, что уже сама сидит на полу, что умеет перевернуться на спину, если положить ее на животик. Мисс Траб искусно поддерживала разговор и через несколько минут уже знала и о визите миссис Форд, и о занятиях Рэя в саду. Мевис хотела спросить мисс Траб, не удавалось ли ей выбраться из клиники и заглянуть к ним, а если да, то почему она не вошла в дом, но боялась ее расстроить.

Тем временем мисс Траб начала рассказывать о себе, об удобной жизни, которую она тут ведет.

— У меня свободный режим,— спокойно пояснила она.— Такая приятная разница по сравнению с постоянным кружением по двору...

— Что значит — свободный режим?

— Нужно дать слово, что вернешься к определенному часу. Их не интересует, куда я иду — в магазин или... ну... куда-то еще.

Мевис онемела. Почему она не упомянула, что была у них в саду перед самым обращением в клинику? Почему сейчас не предложила их навестить? На миг исчезло ощущение безопасности, уверенности в себе, даже вера в мисс Траб. Это наверняка она была тогда в саду... Могла быть она и до того... та записка, приколотая к коляске. И сейчас в любое время может... а мама уехала!

— Значит, это были вы! — услышала она свой собственный голос, и тут же распахнулись двери и вошла улыбающаяся медсестра.

Мевис поспешно встала. Медсестра, похоже, ничего не слышала, лишь сказала:

— К сожалению, вам пора.

Мевис, стыдясь своей вспышки, обернулась к мисс Траб, протянув на прощание руку. Но мисс Траб замерла, сжавшись в кресле, понурив голову и уставившись в пол.

— Я... я не хотела...— начала Мевис, но медсестра потянула ее за рукав и проводила к выходу.

— Да вы так не расстраивайтесь,— шепнула она.— Пациенты часто так себя ведут. Наверное, она просто устала. Вы ее первый посетитель с тех пор, как она сюда попала.

Мевис вернулась домой, глубоко огорченная этим разговором и впервые убежденная, что их бывшая квартирантка не совсем нормальна.

— А ты не думаешь, что тут может влиять окружение? — спросил Рэй, упрямо не поддаваясь сомнениям.— Ведь ты же видела там настоящих сумасшедших?

— Трудно сказать. Когда я вошла, во дворе было много людей, но все они выглядели вполне заурядно. Да, правда, я видела несколько человек, которые выглядели странновато. Одни ко всему безразличные, другие слишком оживленные. Но я не хочу о них думать. Важнее всего, что она может уходить и возвра-

щаться, когда захочет. А клиника совсем недалеко от нас — автобусом всего шесть пенсов.

— И что из этого?

— Полагаешь, это не опасно? Я жутко волновалась весь день. Все время выбегала в сад, хотя и видела коляску через окно.

— Я полагаю, поводов для беспокойства нет.

— Но мы по-прежнему не знаем, кто приколол тогда записку. И не прекратили поиски.

— Никто об этом не знает. Только мистер Кук, мистер Уоррингтон-Рив и инспектор Браун. И мы больше не ездили в Уэйфорд.

— Но были в Конингтоне. Это ужасно! — воскликнула в отчаянии Мевис. — Понятия не имеем, где искать. Не знаем даже, в прошлом Френсис или Элен. Все было бы проще, реши мы, что... Элен.

— Кто-то уже решил так шестнадцать лет назад, — упрямо ответил Рэй. — И я хочу найти того мерзавца, который это сделал.

Через два дня Мевис после обеда поехала с Джой в парк, расположенный неподалеку от Сэндфилдс-авеню. Там она встретила Риту Вильямс с двухлетним сыном. Расстелив большой плед на траве, усадили на него детей, а сами присели на соседнюю скамейку.

В один прекрасный миг маленький Дерек встал и зашагал в сторону. Рита, ожидавшая второго ребенка, с тяжелым вздохом поднялась со скамьи.

— Я приведу его, — удержала ее Мевис.

Она зашагала за мальчиком, держась на некотором расстоянии и решив подхватить его, только когда иссякнет внезапный прилив энергии. И тут до нее долетел предостерегающий крик Риты.

— Пруд! — кричала та. — Там, за деревьями!

Мевис прибавила шагу. Рита ковыляла за ней.

Поймали они беглеца у самого берега. Малыш, которому помешали в последнюю минуту, визжал и отбивался, так что понадобилось несколько минут, чтобы его успокоить и вернуться назад.

Когда они вышли из-за деревьев, Мевис вдруг вскрикнула и кинулась вперед. Скамейка стояла на

месте, плед лежал на траве. Но коляска с ребенком исчезла.

Рэй, тут же вызванный с работы, застал жену полуживую от отчаяния, Риту Вильямс почти в таком же состоянии и инспектора Брауна, силящегося хоть что-то понять из их бессвязных воплей.

При виде мужа Мевис несколько успокоилась и постепенно обе женщины сумели кое-как рассказать.

— Это продолжалось не больше пяти минут,— твердила Рита.— Мы потеряли ее из виду на мгновение. Это моя вина, что я ее оставила, но я так боюсь этого пруда! Все этот маленький чертенок Дерек!

— Да, мы почти не спускали с нее глаз,— всхлипывала Мевис.— И поблизости живой души не было.

— Кроме того мужчины,— добавила Рита.

— Какого мужчины? — спросили одновременно инспектор и Рэй.

— Ох, ты имеешь в виду того в сером плаще и мягкой фетровой шляпе? — припомнила Мевис.

— А это точно был мужчина? — спросил инспектор. Он был потрясен происшедшим. Ведь он считал предостережение мистификацией, а оказалось — это всерьез.— Серый плащ, мягкая шляпа. Какого цвета брюки?

Женщины озадаченно переглянулись.

— Он стоял за кустами,— пояснила Рита.— Брюк не было видно.

— И некогда нам было на него глазеть,— добавила Мевис.— Но там была не мисс Траб, если вы это имеете в виду. Я бы ее всегда узнала.

— Ладно, все в порядке. И вы можете припомнить только его?

— Да.

Ничего больше они добавить не могли. Инспектор обещал позвонить, как только ребенок найдется. Через час — максимум два. Видя, однако, каменное лицо Рэя, добавил:

— Позвоню, как только что-нибудь узнаем.

Рита ушла домой, все еще повторяя, что это ее вина. Отчаявшиеся родители остались одни, в полной растерянности. Через некоторое время позвонил инспектор: мисс Траб покинула клинику «под честное

слово», еще неизвестно, где она, но если найдется, он позвонит.

Когда подошло время, в которое они обычно укладывали Джой спать, Мевис, безутешно рыдая, бросилась к Рэю. Стемнело. Она не переставала думать о своей малышке, брошенной где-то под открытым небом. Может, кто-то над ней издевается, может быть, ее уже нет в живых... Ей казалось, что все в ней разрывается в клочья, что она умирает...

Вдруг Рэй разжал объятия и кинулся к окну. Он уставился в сад, заметив, что открывается калитка.

— Иди сюда! — голос его дрожал от напряжения.

Мевис была уже рядом.

Калитка действительно была открыта, и в нее входила спиной вперед плотная фигура в сером плаще, веза за собой детскую коляску с поднятым верхом.

Рэй стремительно распахнул окно и выскочил в сад.

— Где Мевис? — сурово спросила его мисс Траб.

— Что вы, черт возьми, вытворяете?

— Мевис не должна оставлять Джой одну в публичных местах, — продолжала мисс Траб. Развернув коляску, она стала подталкивать ее в сторону дома. — Это могло плохо кончиться. Вас же предупреждали, правда?

Рэй с трудом взял себя в руки. Инстинкт и логика говорили ему, что мисс Траб не в своем уме. Но смотрела она на него нормальным, спокойным взглядом, и ее голос был убедителен, как всегда.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

— Неважно. Где Мевис? Почему она не выходит?

Рэя охватила ярость.

— Вы все знаете, да? Тогда почему не прекратите эти... эти глупости? Почему не скажете правду?

Лицо мисс Траб исказила гримаса боли.

— Если бы я могла! — шепнула она. — Если бы только могла!

Но уже подбежала Мевис, складывала верх, срывая одеяльце, хватая в объятия спящую малышку с почти звериным криком радости и боли.

— Положите ее в кровать, — сказала мисс Траб своим обычным спокойным тоном. — Лучше ее сегодня не купать.

Они были слишком ошеломлены, чтобы что-то ответить.

— Я опаздываю, и полагаю, что лишусь права покинуть клинику под честное слово,— продолжала мисс Траб.— Надеюсь, вы сообщили в полицию. Впредь вам следует быть осторожнее. Потому что я уже не смогу вас защитить.

Глава 10

Инспектор Браун был изрядно раздосадован, когда позвонил Рэй, чтобы сообщить, что Джой благополучно вернулась домой и что ее беспрепятственно привезла в коляске мисс Траб.

Инспектор тут же отправился к своему начальству с этой неприятной новостью, и там они оба пришли к выводу, что городская полиция дала маху. Знали, что мисс Траб покинула клинику, имели описание ее, коляски и ребенка, и, несмотря на это, ей удалось выйти из парка и вместе с ребенком укрыться где-то на несколько часов. А может быть, даже разгуливать незамеченной по улицам, а потом добраться до Сэндфилдс-авеню.

По здравому размышлению они пришли, однако, к выводу, что ничего странного тут не было. Полиция, как известно, испытывала нехватку людей, поэтому аллеи и улицы этого благопристойного пригорода патрулировали редко или вовсе не патрулировали. Один постовой стоял в полумиле от Сэндфилдс-авеню, на перекрестке у торгового центра, другой — на пересечении основных автобусных маршрутов. А в тех местах, где всегда кишела толпа, разумеется, мисс Траб было легче заметить полицейского, чем полицейскому ее. И еще более естественным было, что не выставили поста у дома двадцать шесть. Поведение мисс Траб стало абсолютной неожиданностью.

— С ненормальными хуже всего,— вздохнул инспектор.— Нельзя предугадать их поступки, как, например, у преступников.

Браун как-то странно покосился на него.

— А разве мисс Траб не относится к числу преступников? — спросил он вполголоса.

Начальник покраснел.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я, — буркнул он.

— Даже слишком хорошо. И это меня беспокоит.

— То есть?

— Все это время, начиная с той истории с газом, она вела себя безупречно. Давала понять, что сейчас, когда она на свободе, кто-то хочет ее устранить, и этот кто-то стремится запугать молодых Холмсов, которые пытаются докопаться до сути дела. Вы знаете, что они побывали у Уоррингтон-Рива, ее защитника на процессе? И у ее сестры?

— Да, знаю. Рив перехватил в Ярде Митчела, чтобы предупредить, что дело Траб вновь становится актуальным. Полагаю, я сам поговорю с миссис Мидоус.

— А я тем временем перекинусь парой слов с главным врачом клиники в Флауэрфилде. Кажется, психиатры понятия не имеют о своих пациентах. Попытаюсь склонить их к мысли, что за ней стоит проследить до тех пор, пока мы во всем разберемся. Это поможет, даже если ничего больше не произойдет.

В конце концов в Уэйфорд поехал Браун. Миссис Мидоус казалась до глубины души потрясенной новостями, которые он привез. Инцидент с похищением завершился слишком быстро, чтобы обратить внимание прессы. Врач из клиники не считал нужным ее оповестить.

— Возможно, он еще напишет, — сказала она, — но следовало ожидать хотя бы звонка. Хотя я, конечно, ни за что не отвечаю... Другое дело, если бы ее признали душевнобольной. Он... он, к сожалению, отнесся ко мне весьма нелюбезно.

— В чем это проявилось?

Глаза миссис Мидоус наполнились слезами. В ее обычно мягком голосе зазвучали острые ноты.

— Мне не позволили увидеться с Элен.

— Вопреки ее желанию?

— В том-то все и дело. Она не хочет меня видеть. Никогда не хотела. Я же регулярно навещала ее в тюрьме, и тогда, естественно, мы встречались, ведь ее приводила надзирательница. Но она никогда со мной

не разговаривала. Жаль...— губы ее дрогнули, но она справилась с собой.— Даже тогда... ну, с самого начала, я была уверена, что она ненормальная. А после ее выхода на свободу я еще больше в этом уверилась. Но ее не хотят признать душевнобольной и недееспособной. Хотя так было бы куда лучше для нее.

— Разве?

К своему собственному удивлению, инспектор заметил, что неожиданно занял сторону мисс Траб. Припомнил ее разумные, трезвые мнения обо всем, что ей было известно, об истории с газом и даже о последней истории с Джой. Сидя в изоляторе Флауэрфилда, спокойно и рассудительно она рассказывала, что следила за Холмсами каждый раз, когда выходила из клиники. Что видела, как Мевис и ее приятельница оставили Джой без присмотра и удалились. И что, отдав вдруг себе отчет, что ребенку грозит опасность, посадила малышку в коляску и увезла.

Было здесь и нечто нелогичное. Ведь она могла отвезти Джой к матери, вместо того чтобы вывозить ее из парка, перепугав всех до смерти. Он припомнил, что уже раньше, при расследовании попытки самоубийства, он подумал, как странно, что столь рассудительная особа могла проделать это таким невозможным способом, открыв газовые краны в кухне, а не в собственной комнате. Логичный, ясный ум, логичные речи — и такие нелепые поступки. А если просуммировать все факты, каково будет окончательное заключение: сумасшествие или, как она упорно утверждает — внешняя угроза? В эти минуты упорство и настойчивость миссис Мидоус вызвали в нем внезапную симпатию к этой второй гипотезе.

Неожиданно, к своему дальнейшему удивлению, он заметил, что его короткий вопрос и скрывавшееся за ним сомнение задели и разгневали его собеседницу. Ее холеное лицо застыло, в глазах сверкнула злоба.

— У вас небывало старомодные взгляды, инспектор. В наше время к ним там очень хорошо относятся. Это клиника, а не сумасшедший дом в прежнем значении слова.

— Но там нет свободы,— упрямо возразил Бра-

ун.— Вам не кажется, что за пятнадцать лет она за-служила свободу?

Миссис Мидоус не нашла, что ответить. Вместо слов снова хлынули слезы. Она была искренне расстроена и успокоилась только тогда, когда инспектор начал извиняться.

— Если бы Элен умела жить спокойно! — сказала она.— Я слышала, она получила очень хорошее место у какого-то мистера Филпота. После освобождения мы совсем потеряли ее из виду. Если она нормальная, то почему вдруг решила покончить с собой?

— Все хотели бы это знать. Особенно ее врачи и та молодая пара, у которых она жила.

— Холмсы. Да, они у меня были.

— Я знаю.

Снова по лицу миссис Мидоус промелькнуло внезапное удивление, но тут же исчезло.

— Да, разумеется. Это похищение...

— Нет, мы в контакте с самого начала. Они вам не говорили?

— Пожалуй, нет. Не помню. Я старалась им помочь, хотя с их стороны это нахальство. Не должны были они вмешиваться в дела Элен.

— Их дом был полон газа. Они могли сами там оказаться.

— Ох, разумеется! — миссис Мидоус заломила руки.— Нет, Элен не была бы так зла или безумна, чтобы убить своего любезного хозяина вместе с семьей при попытке самоубийства!

«Таким образом, теперь я ловко и окончательно оказался побит собственным же оружием»,— подумал Браун. Он еще заглянул в местный полицейский участок, чтобы поговорить с инспектором Фростом, и, призадумавшись, вернулся в Лондон.

С помощью мистера Кука Уоррингтон-Риву удалось отыскать следы еще нескольких приятелей Френсис с ее студенческих лет. Кук знал, где живет вечно недовольный бывший руководитель школы, и от него адвокат узнал гораздо больше о главных поклонниках легкомысленной любительницы искусств.

Тот написал, что Френсис всегда была причиной осложнений в школе. Если мистер Рив хочет узнать еще больше — может рассказать это ему лишь лично и доверительно. Заинтригованный такой осторожностью, адвокат нанес визит, результаты которого его весьма заинтересовали.

Старик горел желанием поговорить о своих учениках и одновременно сторал от любопытства. Но Уоррингтон-Рив не выдавал своих целей, хотя уже первая информация стала для него полной неожиданностью. Оказалось, что одним из самых страстных поклонников Френсис был некий Лесли Кук, кузен местного поверенного в делах. Талантом живописца он не обладал и покинул школу сразу после начала войны, был тяжело ранен в каком-то десанте, а потом стал работать бухгалтером, для чего подходил куда больше.

— Но об этом вы уже наверняка знаете,— злорадно добавил он,— разве что Стивен Кук скрыл это от вас.

Адвокат не ответил, и старик продолжал.

Вторым главным обожателем был также местный парень, исключительно талантливый, но феноменальный лентяй. Был мобилизован в те же дни, но вскоре уволен из армии в результате нервного срыва. Потом жил тем, что удавалось выжать из родных, а в перерывах рисовал. Начал, однако, делать себе имя, поскольку его ранние работы, признанные шокирующе авангардистскими, когда он их писал, теперь вдруг стали вызывать интерес и часто продавались по довольно высокой цене. Некоторые из них были даже куплены провинциальными картинными галереями. Неспособность сконцентрироваться и склонность потакать своим слабостям остановили его творческое развитие, но по-прежнему он периодически писал картины и в некоторых кругах был довольно высоко ценим. Жил он в южной части Лондона, сознательно избегая крупных колоний художников. Время от времени писал своему старому учителю, в основном для того, чтобы безуспешно попытаться выпросить хоть немного взаймы.

Это описание пополнило информацию, которую еще раньше передал адвокату мистер Кук. Жил художник неподалеку от Уимблдона.

Через несколько дней после того визита мистер Рив задумался, как бы лучше использовать полученные сведения. Было весьма интересно узнать, что один из предполагаемых отцов ребенка Френсис, если это вообще был ее ребенок, был тем самым поверенным, который в свое время доверил ему защиту Элен. Разумеется, в те давние времена и речи не шло о личных делах Френсис, за исключением тех, которые касались Элен. Может быть, Стивен Кук тоже ничего не знал о любовных приключениях своего кузена? Было неправдоподобно, чтобы Лесли захотел раздуть двойной скандал сейчас, когда Френсис была почтенной супругой известного и богатого Колина Мидоуса. Не было причин для беспокойства. Но однако...

Уоррингтон-Рив отбросил сомнения в Стивене, но ему пришло в голову, что если бы он собрался порасспросить его кузена о давних отношениях с миссис Мидоус, могла бы возникнуть неловкая ситуация, невзирая на то, что Лесли со Стивеном были близкими друзьями, оба жили в Уэйфорде и, очевидно, встречались друг с другом. Уоррингтон-Рив решил для начала пойти другим путем, тем более тот казался более многообещающим.

Раймон Торн был таким, каким его описал старый учитель: талант, катастрофически растраченный по пустякам.

Уоррингтон-Рив обнаружил его в разваливающемся доме с провалившимися полами, стоявшем за высоким забором в запущенном саду, совсем рядом с новым жилым районом, в двух милях от Сэндфилдс-авеню. Жил тот в мансарде, где окно, пробитое в крыше, давало хорошее освещение. Казалось, он уже в той стадии хронического алкоголизма, когда невозможно определить, трезв он или пьян. Но Френсис Клементс он помнил.

— Рыжая курва,— убежденно заявил он.— Законченная нимфоманка. Дома ее терроризировала старшая сестра. Во всяком случае, так она говорила. Эффектная штучка, а может, мне тогда так казалось. Ведь мы оба, понимаете, были очень молоды.

Он вздохнул и, удовлетворенный эффектом, вздох-

нул повторно, но слишком глубоко, ибо икнул, после чего громко рассмеялся.

— Я был не единственным,— многозначительно добавил он.

— Мне говорили.

Торн подозрительно хмыкнул.

— Что вам, собственно, нужно? Мне не нравится, что вы хитростью вытянули мой адрес у старого дурня. Я-то думал, вы хотите купить картину...

— Это не исключено,— холодно ответил Рив.

— Тогда почему вы не смотрите на картины, вместо того, чтобы копаться в моем прошлом?

— Все это между собой связано. Вы знали ее сестру, Элен Клементс?

— Еще бы! Все о ней слышали. Громкое дело было, вы, наверное, знаете.

— Я был ее защитником.

Выражение лица Торна сразу переменялось. Или он сохранял ясную голову, несмотря на выпитое, или вовсе не был так пьян, как прикидывался.

— Так вот в чем дело — в той попытке самоубийства! Разумеется, я читал в газетах. Не понимаю только, при чем тут Френсис и я.

— Вы встречали Элен в этом районе?

— Да,— не задумываясь кивнул Торн.— Как-то я увидел ее на улице и шел следом до самого дома. Она меня, пожалуй, не заметила, впрочем, могла просто не узнать.

— Для чего вы шли за ней?

— Из любопытства.

— А раз вы узнали, где она живет, вы нанесли ей визит?

— Для чего? Я знаком был не с ней, а с Френсис, и все было так давно, что уже успел позабыть.

— Но вы помнили мисс Траб достаточно хорошо, чтобы узнать ее через пятнадцать лет. Чего вы от нее хотели?

— Чего я хотел? Ничего не хотел.

Говорил он все громче. Уоррингтон-Рив беспощадно продолжал натиск:

— Вы хотели от нее денег? Вы всегда просите у знакомых денег, не так ли? Это был шантаж?

Торн тяжело поднялся, трясаясь от ярости.

— Убирайтесь! — заорал он, размахивая кулаками.— Сейчас же вон отсюда!

— Нечего так волноваться! — спокойно ответил адвокат, не трогаясь с места.

Живописец вновь опустился в кресло.

— Это ложь! — продолжал кричать он.— Если она утверждает, что я приходил к ней домой, то подло лжет! Не было меня там тогда. Могу доказать!

— Когда — тогда? Когда вас там не было?

— Ну, когда она отравилась газом,— перемена в его поведении была столь разительна, что Уоррингтон-Рив смотрел на него с презрением.

— Во время процесса мисс Траб вы были в госпитале,— продолжал он, не повышая голоса.— Я это знаю. Вы оказались вне этого дела. Не было ничего, что могло бы указывать на вашу связь с мисс Траб или ребенком. Но теперь наше расследование идет в другом направлении. Мы ищем отца этого ребенка.

— Я! — Торн расхохотался, громко и хрипло, содрокаясь всем толстым телом.— Я и Элен! Да побойтесь Бога! Я ее совсем не знал!

— Это было необязательно,— холодно заметил адвокат,— поскольку мисс Траб, вероятно, не была матерью ребенка.

Смех вдруг оборвался. На миг меж багровых век живописца мелькнул панический огонек. Но он опомнился.

— Она с самого начала так утверждала,— кивнул он.— Точно помню. Но не слишком ей это помогло.

— Тогда — нет,— возразил адвокат.— Но не удалась и вторая часть плана. Ее не повесили — пришло помилование. Боюсь, что сейчас ее жизни вновь угрожает опасность, по той же причине и со стороны того же человека, или людей, настоящих родителей ребенка. Правда всегда трудноразличима, но на этот раз мы намерены до нее докопаться. Мы с Куком.

Толстые губы Торна дрогнули и обвисли.

— С Куком? — хрипло переспросил он.

— Поверенный, который тогда поручил мне это дело,— Стивен Кук.

Рив повернулся к выходу. Торн смотрел ему вслед, не трогаясь с места.

— Не советую,— наконец выдавил он.— Вы рискуете — и вы, и та пара молодых глупцов. Элен поступила разумно — она спряталась. Оставьте ее в покое. Так будет лучше для всех.

Уоррингтон-Рив не ответил. Спустившись по лестнице, вышел из дому и поехал к себе в контору. Нужно было кое-что как следует обдумать.

Под конец той же самой недели Холмсов навестил неожиданный гость в лице Колина Мидоуса. В один прекрасный день тот позвонил Мевис, сообщив, что оказался в Лондоне по делам, и спросил, не мог бы зайти к ним вечером.

С мистером Мидоусом они встречались впервые. Выглядел он, как они и представляли: скромно одетый мужчина средних лет, с деревянным лицом, старательно зачесанными поредевшими русыми волосами и спокойными движениями. Не теряя времени, он перешел к делу.

— Я решил, что должен встретиться с вами, поскольку моя жена все больше нервничает и выходит из себя в результате вашего предпринятого с наилучшими намерениями, расследования. С ним пора покончить. Тем более сейчас, когда дело в руках полиции.

Холодный аристократический тон тут же вызвал резкий отпор Рэя.

— Мне очень жаль, что миссис Мидоус нервничает,— ответил он.— И неудивительно. Но мисс Траб не может или не хочет постоять за себя сама, значит, кто-то должен это сделать...

— Вот именно,— мистер Мидоус усмехнулся так любезно, что Мевис даже немного устыдилась поведения Рэя.— Но сейчас она под наилучшим надзором, в прекрасной клинике...

— В этом все и дело,— невежливо перебил Рэй.— Мы не считаем, что там ей место. Мы всегда были убеждены, что она совершенно здорова.

Лицо мистера Мидоуса посуровело. Потом он прикрыл ладонью глаза и тяжело вздохнул.

— Мне не нужно рассказывать вам про свои давние связи с семейством Клементс,— начал он.— Я уверен, вы сами все выяснили во время ваших самостоятельных изысканий, но хотелось бы, чтобы вы помнили, что меня связывало с Элен до тех пор, пока... когда она мне изменила. Я всегда склонен был считать эту измену и все, что произошло потом, результатом ее психической неуравновешенности, которая привела к приступу безумия.

Рэй почувствовал, что его мутит. За гладкой, плавной речью таился яд, яд и уязвленное тщеславие. Переглянувшись с Мевис, он почувствовал облегчение, увидев в ее глазах такое же отвращение, какое испытывал сам.

— Я согласен, такое объяснение принять легче,— жестко заметил он.— Дело только в том, что это не может быть правдой,— и взглянул на Колина едва не с огорчением. Не хотел его обидеть, хотел убедить.

— Мне очень жаль,— продолжал он,— но мы просто не можем понять, почему вы тогда не пытались найти отца ребенка. Почему позволили плодить все эти тайны, если вам Элен была так дорога, как вы утверждаете.

Мистер Мидоус встал.

— Я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать мои личные дела. Но, по крайней мере, некоторые детали могу вам пояснить. Элен покинула Уэйфорд, не сообщив мне о причинах, которые вынудили ее к этому. Даже не предупредив меня. Изредка писала мне из Конингтона. Я считал, что она хочет порвать наши отношения и боится сделать это открыто. А потом услышал от ее сестры, которую видел время от времени, что она родила ребенка. Я был потрясен до глубины души.

«Это звучит правдоподобно,— подумал Рэй.— Обычная история, но совершенно не подходит для мисс Траб».

— Как, должно быть, вам было тяжело,— сочувственно отозвалась Мевис.

Мистер Мидоус был исполнен благодарности.

— В Уэйфорде никто ничего не знал,— продолжал он,— до самой смерти мистера Клементса. Нам уда-

лось скрыть это от него. Тогда ему уже нездоровилось, хоть конец и наступил неожиданно. Это бы его убило. Элен всегда была его любимицей, правда, после ее отъезда Френсис постепенно заняла ее место.

Когда он говорил, в голосе его звучало удовлетворение, и Рэй припомнил, сколько получил бывший скромный клерк, унаследовав благодаря женитьбе на Френсис всю фирму. При мысли об этом легкий холодок пробежал по его спине.

— Никто ничего не знал,— продолжал рассказ мистер Мидоус,— до самой смерти ребенка, ареста Элен и судебного процесса. Я тогда как раз был демобилизован по инвалидности после нескольких месяцев пребывания в госпитале. Моя жена в Уэйфорде нянчила нашего малыша. Для нас это было крайне тяжелое время, и Френсис все еще переживает.

— Ничего удивительного,— заметил Рэй,— если принять во внимание, что дело не было прояснено до конца, это подчеркнул сам министр, заменив смертную казнь на пожизненное заключение.

— Мы никогда не сомневались,— ледяным тоном возразил Колин Мидоус.— К сожалению, сомнений быть не могло.

Разговор угас. Холмсы не хотели соглашаться ни на то, что перестанут интересоваться мисс Траб, ни на прекращение своих розысков.

— Но, как вы сами сказали, дело уже практически не в наших руках,— уверяла гостя Мевис, провожая его к машине.— Теперь этим заинтересовалась полиция, да и мистер Уоррингтон-Рив тоже. Ему помогает поверенный. Вы знаете мистера Кука?

— О да,— ответил мистер Мидоус.— Кука я знаю прекрасно.

Глава 11

— Откровенно говоря, нам не слишком понравился мистер Мидоус,— заявил Рэй при ближайшей встрече с Уоррингтон-Ривом.

Они сидели в кабинете адвоката. С деревьев уже опали листья, а темные стволы едва были видны в

сгушавшихся сумерках. На газонах лежала легкая мгла. В комнате горел свет. Рэй припомнил свой первый визит сюда ранней осенью и подумал, что с того дня прошло уже столько времени... Целых два месяца.

— Ну, пока мы не многого добились, правда? — констатировал он.

Рив усмехнулся.

— Я иного мнения. Вы и ваша жена немало сделали. Жаль, что не нашлось таких людей, как вы, тогда, шестнадцать лет назад.

— Тогда бы вы нам не поверили.

— Может быть. Расскажите мне побольше о Мидоусе.

— Он пытался строить из себя большую шишку. Но не вышло. Думаю, он напуган этой историей.

— Но чего ему бояться?

— В основном того, что общественное мнение будет против него. Видно было, что ему очень не хочется воскрешать прошлое. Полагаю, сейчас, когда он достиг своего нынешнего положения — кажется, он заседает в магистрате, — ему нужно любой ценой избежать скандала.

— Для некоторых людей это может послужить сильным мотивом. Вы считаете его человеком, весьма чтящим приличия?

— Да.

— И не больше? Даже если принять во внимание, что его жена могла быть матерью этого ребенка?

— Мевис думает, что если так было, то он последний, кому бы Френсис об этом сказала. Любой ценой старалась бы хранить все в тайне от него.

— И потому подбросила ребенка Элен?

— Тогда она еще не была его женой.

— Нет, но, может быть, намеревалась ею стать.

— Понимаю, что вы имеете в виду.

Теперь пришел черед рассказывать Уоррингтон-Риву.

— Этот художник, друг юности миссис Мидоус, не произвел на меня хорошего впечатления. Рисовать он умеет, это точно. Может, он и гений, который прогулял свой талант, но абсолютно аморальный тип. Полагаю, он что-то знает — или о Френсис, или о дру-

гих ее приятелях. Он так перепугался, когда я вспомнил Кука, видно, решил, что я имею в виду того, кузена. В связи с этим я решил посвятить Стивена в то, что касается Лесли. Мне нелегко было на это решиться, пока я не выяснил — разумеется, весьма осторожно, — что они почти не разговаривают, хотя их жены по-прежнему дружат.

— Значит, Лесли Кук не знает, что мы намерены сделать? Готов побиться об заклад, что он тоже готов сделать все, чтобы прошлое осталось погребено в тайне.

— От Стивена я узнал, что Лесли полностью поглощен сомнительным состоянием своих дел, которые ведет весьма беспорядочным образом. Стивен, очевидно, предостерегал его еще несколько лет назад, просил быть осторожнее, но это не подействовало, и он умыл руки. К несчастью, и Стивена это очень расстраивает, жена его весьма привязана к жене Лесли и они проводят вместе немало времени.

— А он рассказывает жене о делах?

— Очевидно, нет — ведь это связано с его клиентами. Но обсуждал с ней недавний случай с мисс Траб. В конце концов, все они детьми ходили в одну и ту же школу в Уэйфорде.

— И вы полагаете, что она могла все передать жене Лесли и тот, вполне возможно, осведомлен не хуже нас?

— До настоящего момента, к сожалению, да.

— Вы его видели?

Уоррингтон-Рив кивнул.

— Да. Скользкий тип. Никто бы не подумал, что когда-то он считался подающим надежды художником. Говорил, что временами еще рисует, в основном на пленэре, в окрестностях Уэйфорда — считает это лучшим отдыхом. «Как Черчилль», — смеясь, заявил он. Я ничего от него не добился. Ничего.

— Но он был близким другом Френсис?

— Когда они ходили в художественную школу. Жена его тоже недолго там училась и хорошо знает Френсис. Но никто из Куков не поддерживает сейчас близких отношений с Мидоусами.

Рэй был разочарован.

— Да, далеко мы не продвинулись, не так ли? —

заметил он.— Двое парней, каждый из которых мог быть отцом ребенка, если это был ребенок Френсис, а не Элен. Почти наверняка Френсис вела тогда легкомысленную и ветреную жизнь. Но если было так, то почему отцом не мог быть Колин Мидоус, тем более она позднее за него вышла замуж?

— В таком случае он знал бы обо всем и наверняка ребенка они забрали бы к себе.

— Нет, вряд ли. Это бы перечеркнуло его шансы угодить старику Клементсу. Он нам сказал, и я готов поклясться, что говорил правду, что новость о рождении ребенка держали в тайне от старика до самой его смерти. Мидоус никогда не наложил бы лапы на компанию, узнай мистер Клементс, что тот соблазнил его дочь.

— Любую из его дочерей,— дополнил Уоррингтон-Рив.

Они молча переглянулись.

— Все думали, что Мидоус влюблен в Элен,— продолжил адвокат после паузы.— Допустим, она от него забеременела. Он струсил, и боясь за свою карьеру, не захотел и пальцем шевельнуть, чтобы ей помочь. Тогда она уехала, молча перенося страдания и разочарование. А через год он женился на ее сестре: еще одно разочарование. Отец умирает, лишив ее наследства. В припадке отчаяния она убивает ребенка. Чем не логичная история?

— Мидоус, мне кажется, вполне был на такое способен,— ответил Рэй.— Но мисс Траб никогда не подняла бы руку на ребенка.

«Эту точку зрения я принимаю по привычке,— подумал он.— Но все еще в нее верю».

Уоррингтон-Рив поморщился. Его молодой приятель начинал утомлять его своей фанатичной и неизменной верой в мисс Траб.

— Мне кажется очевидным,— сердито заметил он,— что мы слишком мало знаем о Элен Клементс. Я так считал во время суда и считаю до сих пор. Тогда проблема была в том, что шла война. Теперь должно быть легче. Вернусь еще раз к Куку и посмотрю, не сможет ли он на этот раз назвать каких-нибудь близких друзей Элен.

— Только предупредите, чтобы не рассказывал жене.

— Разумеется. Подчеркну, что мы хотим избежать разговоров и что ни в коем случае не следует вовлекать в дело кого-либо из давних приятелей Элен. Если мы кого-нибудь найдем, вам стоит подключиться, — так будет выглядеть менее официально. Боюсь, что я перепугал беднягу Торна, хотя, судя по всему, обычно он слишком пьян, чтобы помнить, что с ним происходит.

В результате этого разговора Рэй получил два письма. Одно от Уоррингтон-Рива, извещающее, что мистер Кук связал его с некими давними приятелями мисс Траб, другое — от тех самых друзей, фермера с женой, живущих в пяти милях от Уэйфорда.

— Зовут их Бредли, — сказал Рэй, передавая письмо жене. — Пишут, что рады будут нас принять.

На пол упал какой-то листок. Рэй наклонился, чтобы его поднять.

— Что это? — спросила Мевис.

Рэй встряхнул конверт, который все еще держал в руке.

— Наверно, это было в письме. набросок карты, как найти их ферму. Похоже, они и вправду хотят нас видеть.

Мевис, прочитав письмо, вернула его мужу.

— Весьма лаконично, ты не находишь?

— А чего было ожидать? Никогда раньше они о нас не слышали. Пишут, рады, что мы интересуемся Элен Клементс. Обрати внимание, они не называют ее Траб.

— Да, я заметила. Поедем, правда? Они не будут иметь ничего против, если мы возьмем с собой Джой?

— Пишут, чтобы мы приезжали в ближайшее воскресенье. Надеюсь, нам ничто не помешает.

Так они и решили, и Мевис отправила открытку, подтверждающую их приезд, а Рэй засунул карту в бумажник, чтобы не забыть ее дома. На его собственной дорожной карте Стоу Фарм обозначена не была. Находилась она в той части долины Уэй, где река

медленно текла среди болотистых берегов, разделяясь на рукава и сливаясь снова. Как пояснил в письме мистер Бредли, до них можно было доехать по нескольким дорогам, поскольку ферма расположена на возвышенности в конце долины. Самое лучшее — ехать до Портсмут Род, потом узким проселком, который легко просмотреть, потому что указателя там нет. Для того он и приложил набросок карты.

Рэй с Мевис убедились, что опасения мистера Бредли были обоснованы. Они ошиблись поворотом, пришлось возвращаться на шоссе и пробовать еще раз. Но стоял погожий ноябрьский день, небо было чистое, и солнце грело сквозь стекла машины, хотя и подморозило. Они опять свернули с Портсмут Род. На этот раз дорога, по которой они ехали, была обозначена и на карте Рэя, и на эскизе. Но двигаясь по ней, среди высоких заборов, ограничивающих видимость, и многочисленных маленьких коттеджей без названий и номеров, разбросанных без всякого порядка по обе стороны, начали сомневаться, найдут ли они то место, где снова нужно повернуть.

— Это может быть любая из тех тропинок, что ведут к домам,— заметил Рэй, в третий раз выводя машину на дорогу.— Я уже потерял ориентировку. Разве мы не миновали до сих пор ни одной развилки?

— По рисунку видно, что мы должны ехать через Тилби до бара «Хин энд Чикен», потом миновать два моста и проверить по карте, где свернуть налево.

— Тилби — там, где мы съехали с Портсмут Род. Или это все еще Тилби? Этим домишкам просто нет конца.

— Пожалуй. Во всяком случае, бара «Хин энд Чикен» мы не проезжали. О, посмотри, что там! По правую сторону и немного вглубь!

— Да, тот самый бар. Что ты скажешь, если мы на минутку зайдем чего-нибудь наскоро перекусим и узнаем дорогу? Что-то этот рисунок мне не кажется слишком подробным.

— Но Рэй, как мы можем! Мы и так уже опаздываем, а Джой проснется и начнет капризничать...

Рэй, который уже притормозил, нажал на газ, и они помчались дальше.

— Не гони так,— попросила Мевис.— Нужно считать повороты.

— Вечно тебе что-то не так,— буркнул взбешенный Рэй.

— Подожди, кажется, это здесь.

В соответствии с инструкцией они уже миновали два моста — Рэй сам считал их. Дорога вилась по странной плоской равнине, с заболоченными полями, отгороженными от дороги примитивными изгородями и перерезанными широкими рвами, полными затхлой воды. Мевис опустила стекло — долетел резкий запах реки. Когда Рэй затормозил и заглушил мотор, они услышали шум и плеск воды с обеих сторон. Мевис указала на узкую дорожку, ведущую, казалось, круто вниз на поля.

— Ферма на возвышенности неподалеку от реки,— возразил Рэй.

— Не мешает попробовать,— настаивала Мевис.— Спустимся вниз, а потом вернемся. Нам осталось миновать всего один мост. Думаю, там внизу, на другом берегу — ферма.

— Ладно, ладно, попробую. Разумеется, тут же вернемся. А что написано там на указателе?

В отличие от других указателей, которые они миновали и каждый из которых указывал направление к нескольким поселкам, на этом стояло лишь одно название: «Уокинг».

— Чертовски много это нам дает! — выругался Рэй.— Ну, во всяком случае, куда-то она ведет. Попробуем.

Дорожка, обсаженная с левой стороны ивами, была очень узкой. Но покрытие оказалось вполне приличным и, желая наверстать опоздание, Рэй нажал на газ, проходя поворот круче, чем намеревался. Пронзительный крик Мевис и скрип шин прозвучали почти одновременно. Но то, что они увидели за поворотом, было столь же поразительным, как и неожиданным.

Не было там ни деревьев, ни изгородей, только небольшая полоса травы по обеим сторонам дороги, ведущей круто вниз к месту, где должен бы находиться мост. Но моста не было, только обычная деревянная кладка, положенная на две шаткие подпорки. На се-

редине кладки развевался красный флажок. И дальше — только берег, и за ним река, стремительно несущая мутные потоки воды после недавнего дождя.

Пораженная Мевис вскрикнула, а Рэй грубо выругался и со всей силой нажав на тормоз, свернул на траву. Но они увидели и еще кое-что: над самым берегом реки лежал перевернутый мотоцикл и рядом с ним — тело мужчины.

Рэй выскочил из машины. Он заметил длинный след заноса, оставленный мотоциклом. Видимо, мотоциклист, как и он сам, пытался резко затормозить, увидев, что мост разобран, но не смог удержаться в седле.

Рэй присел рядом с ним, уже зная, что человек мертв. Мертв и неподвижен, хоть еще не совсем остыл. Защитный шлем с лопнувшим ремешком свалился с головы. На правом виске и щеке зияла ужасная кровавая рана.

Рэй взглянул на мотоцикл и на тело. Из положения машины и следов заноса на дороге и траве можно было сделать вывод, что мотоциклист упал на левый бок. В месте столкновения тела с землей должна быть еще одна рана,— промелькнуло у него в голове. На земле было много крови. Но та рана, которая была видна, наверняка оказалась смертельной.

— Он мертв, правда? — перебил его мысленно голос Мевис.

— Да, милая. Не смотри, вернись в машину. С Джой все в порядке?

— Представь себе, она все еще спит,— голос Мевис дрожал.— Не могу смотреть... Как это случилось?

— В том-то все и дело. Слушай, ты могла бы мне помочь?

— Каким образом?

— Возьми его за руку и попробуй чуть перевернуть. Я хочу взглянуть на него с той стороны, которой он ударился о землю.

Собрав все свое мужество, она сделала, как он просил.

— Достаточно. Положи его обратно, только осторожно.

Рэй встал, не отводя глаз от скорченной фигуры у своих ног.

— Не могу понять,— удивленно протянул он,— откуда эта рана с правой стороны головы? Удар слева явно был смертельным. Может быть, он летел через руль... но даже тогда... Тут повсюду мягкая трава. Нет камней и вообще ничего такого. След указывает, что он еще был в седле, когда мотоцикл съехал с дороги. Не понимаю...

— Я тоже кое-чего не понимаю! — возмущенно воскликнула Мевис.

Она уже почти пришла в себя и огляделась вокруг. Бурлящая река была пугающе близко. Если бы не этот бедняга, лежавший здесь, наверняка они бы были уже на дне. И она, и Рэй заметили перевернутый мотоцикл еще до того, как осознали, что моста нет.

— Этот мост,— сказала она,— он ведь не обрушился и его не смыло половодьем. Видно, что на нем работают — разбирают настил. И кроме того, там есть предостерегающий знак.

— Чертовски мало от него толку.

— Он спас нам жизнь,— выдавила Мевис, чувствуя, что вот-вот упадет в обморок. Начала ощущать последствия шока: она вся дрожала, зубы стучали.

— Иди в машину, милая, посиди.

— Нужно вызвать помощь. И полицию.

— Знаю. Я все сделаю. Хочу только узнать, кто это... если получится.

— Его нельзя трогать! Это не наше дело! Оставь все полиции!

— Разумеется, ты только не волнуйся.

Присев возле трупа, принялся осторожно обыскивать его карманы. Ему повезло. Во внутреннем кармане ватной куртки нашел конверт, адресованный: «Лесли Куку, бухгалтеру». Внутри было письмо, с адресом отправителя в Уокинге. Рэй положил письмо на место и вернулся к машине.

— Человек, который, по твоим словам, спас нам жизнь — это Лесли Кук,— сообщил он.— Ловкач Лесли, который, видимо, ехал, чтобы убажить одного из своих несчастных и разгневанных клиентов. А теперь вернемся в «Хин энд Чикен» и выпьем. Сообщим в полицию, а потом поедем на ферму.

— Нам не стоило бы заехать заодно к мистеру Куку?

— Не уверен. Он недолюбливал своего кузена.

Рэй развернул машину и осторожно, медленно поехал назад узкой дорожкой, пока не выехал на главную дорогу.

— Не понимаю,— заметил он,— для чего мистер Бредли нас направил по этому маршруту, если мост разобран. Он не мог этого не знать, и тем более это не единственный подъезд к его ферме. Сам писал, что доехать можно с нескольких сторон. Почему же выбрал именно эту?

— Может быть, он отправил письмо до того, как начались работы?

— Тут работают уже не одну неделю.

— А может, надеялся, что мы заметим предостерегающий плакат? — сказала Мевис.

— Не было там плаката, только красный флажок.

— Нет, я вот об этом плакате,— Мевис показала в окно.

— Что?!

Рэй затормозил, оба они выскочили, глядя на въезд на боковую дорогу, по которой возвращались. На обочине, сбоку, стоял большой белый щит, а на нем крупными черными буквами надпись: «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ».

— Не было тут этого! Клянусь, не было! — в ярости вскричал Рэй.

— Я не знаю. Я сидела у окна с другой стороны, смотрела на карту. И на указатель.

— Говорю тебе, плаката не было.

— Но теперь есть,— медленно произнесла Мевис.

Глава 12

Рэй позвонил в полицию Уэйфорда и получил указание дожидаться их в баре «Хин энд Чикен». Заодно он позвонил мистеру Бредли. Фермер был потрясен тем, что случилось, и еще больше, когда узнал, что это присланная им карта едва не привела к катастрофе. Сам он прекрасно помнил, что роковой перекресток перечеркнул и еще пририсовал стрелки, указывающие, что нужно ехать дальше и где нужно свернуть.

Рэй уже столько раз всматривался в карту, что мог бы без малейших колебаний нарисовать ее по памяти. Слушая Бредли, он сразу понял, что набросок, полученный им, не тот, который выслал фермер. Еще одно странное совпадение, о котором должна узнать полиция. Пока он решил не обсуждать эту тему с Бредли.

— К сожалению, теперь мы тут застряли,— вздохнул он.— Придется ждать полицию. Полагаю, потом будет уже поздно ехать к вам. Мы съедем ланч в баре.

После минутной паузы в трубке зазвучал женский голос.

— Это миссис Бредли. Я все понимаю, мистер Холмс, и мне очень жаль, что наши планы рухнули. Но если вы не очень устанете, когда закончите с полицией, и у вас еще останется желание к нам заехать, мы будем ждать на чай от половины пятого до пяти.

— Сердечно вас благодарю! Мне очень жаль, что мы доставляем вам столько хлопот.

— Тут не ваша вина. И так слава Богу, что все благополучно кончилось. Теперь никто не подъезжает к мосту. Местные жители знают, что он разобран, а отдыхающие видят плакат с надписью, что проезд закрыт. Не понимаю только,— протянула она,— как вы могли его не заметить.

— Расскажу при встрече,— ответил Рэй и повесил трубку.

В баре, где они остановились, обеды не подавали, но хозяин, понимая, какой шок они пережили, при виде голодной пары с ребенком попросил жену приготовить что-нибудь перекусить. Это «что-нибудь» оказалось кусищем печенки из домашних запасов с большой порцией овощей с собственного огорода.

— Готов побиться об заклад, что лучше нас не накормили бы даже на Стоу Фарм,— благодарно заявил Рэй хозяину, который лично обслуживал.

— Вы ехали туда?

— Да, к ланчу. Но теперь поедем только на чай.

Рэй поспешно встал, увидев через окно черный автомобиль с фигурой в мундире за рулем.

— Я с ними поговорю,— бросил он Мевис,— ты оставайся здесь и ешь как следует.

— Так, значит, там вы спустились вниз? — спросил местный сержант, выходя из патрульной машины.

— Да. Плакат тогда не стоял посреди дороги. Когда мы ехали, не было видно никакого плаката. Заметили его мы только на обратном пути, и то на краю дороги, за обочиной. Должно быть, его переставили на середину за последние двадцать минут.

— Да... Вы говорите, что тут свернули и потом вернулись той же дорогой?

— Совершенно верно.

Дорожные происшествия были специальностью сержанта Уиллиса. И он с энтузиазмом занялся исследованием следов на мягкой поверхности.

— Верно,— категорично подтвердил он.— Наверняка плакат не стоял посреди дороги, ни когда вы въезжали, ни когда выезжали. Но мотоцикл тут сделал огромную дугу. Возможно, обогнул плакат. Разумеется, это только версия.

— Вы не хотите видеть тело? — спросил Рэй, удивленный непонятными и, по его мнению, бесцельными действиями сержанта.

Уиллис поднялся, сворачивая рулетку, которой измерял расстояния.

— Всеу свое время,— заявил он.— Вы сообщили, что он уже остыл, так что нет сомнений, что он мертв и что мы ничем уже не сможем помочь. Сейчас подьедет скорая помощь, врач и прочие, и я не хочу, чтобы они затоптали все вокруг, прежде чем мы все зафиксируем. Во всяком случае, вы правы, по крайней мере насчет плаката.

Он весело ухмыльнулся, но Рэю было не до веселья. Он хотел поскорее со всем покончить и вернуться к Мевис.

— И больше того,— буркнул он,— ее спрятали умышленно. И это как-то связано с указаниями, которые я получил от мистера Бредли,— как попасть к нему на ферму.

— Мистер Бредли? — переспросил Уиллис, наконец утратив нерушимое спокойствие и вырывая набросок карты из рук Рэя.— Вы говорите, он вам это послал?

— Да, в письме. Но он, видимо, считает, что послал совсем другие инструкции.

— Вы с ним это обсуждали?

— По телефону.

— Могу я оставить это себе? Я хотел бы сам поговорить с мистером Бредли.

Рэй охотно согласился. Он и сам хотел, чтобы Бредли расспросила полиция — это позволит избежать ненужных споров. Не хотел недоразумений с самого начала знакомства; хотел узнать побольше о мисс Траб.

Сержант Уиллис зашагал вниз по дорожке. Рэю, идущему следом, расстояние казалось гораздо большим, чем когда он ехал в машине. Когда они выбрались на открытое пространство над рекой, сержант ускорил шаги и вдруг остановился как вкопанный, всматриваясь в скорченное тело на траве.

— Хо-хо,— услышал Рэй, подходя.— Ну-ну-ну...

— Вы его узнали?

— Да. А вы?

— Нет.

Это было правдой, и Рэй не намеревался ничего больше объяснять. Но не видел ничего плохого в том, что изложит свои сомнения относительно обстоятельств, при которых погиб этот человек.

— Я его не трогал,— сказал он.— Только чтобы убедиться, что он мертв. Но не понимаю, откуда взялась рана на правой стороне головы. Ведь она должна быть внизу...

— Ее вообще не должно быть,— бросил сержант.

Они слышали голоса и появилось несколько человек. Уиллис, подойдя к ним, заговорил быстро, но так тихо, что Рэй ничего не слышал. Кончив, кивнул Рэю, чтобы тот приблизился.

— Они сейчас тут всем займутся,— сказал он.— Мы вернемся в бар. Я должен позвонить, а потом коротко запишу ваши показания, и пока это все. Видимо, вы знаете, что вам придется в назначенное время явиться к судье, когда следствие будет устанавливать причины смерти. Вы говорили, что едете в Стоу Фарм?

— Да.

— И вечером возвращаетесь в Лондон?

— Разумеется.

— Вы приятели Бредли?

— Нет. Но я не понимаю, что здесь общего с этим происшествием.

Сержант Уиллис нахмурился, и Рэй торопливо перешел в защиту.

— Знай мы их, не перепутали бы дороги и ему не пришлось бы посылать нам этой карты, даже если она показывала неверный путь.

— Она неверна только с того времени, как начались работы на мосту, — примерно три недели.

— Я рад, что вы знаете, сколько это длится, ибо письмо с картой было мне выслано только несколько дней назад. Похоже на то, что кто-то собирался помешать нашей встрече с Бредли. Или помешать... ему... попасть еще куда-то.

— Послушайте, — заметил сержант, — у вас ведь глаза на месте и говорить вы умеете. Предлагаю воспользоваться первым и оставить в покое второе. В ваших собственных интересах. Говорю это ради вашего блага, прошу запомнить.

Рэй понял, что сержант прав, хотя и испытывал некоторую обиду.

— Ладно, ладно, — буркнул он. — А если я замечу еще что-то интересное? Держать это при себе?

— Мы еще увидимся, — вежливо ответил Уиллис. — Потерпите пока.

Рэй вернулся к «Хин энд Чикен», а сержант вошел в соседнюю телефонную будку.

— Лесли Кук мертв, — доложил он. — Лежит внизу у реки, за Тилби. Или поскользнулся, или его сбросили с мотоцикла у самой воды. Кто-то рассчитывал, что он упадет в реку, но не вышло, и тогда его здорово огрели по голове — уже на земле. Похоже, его темные делишки вышли наружу.

Когда вероятность убийства стала очевидна, в действие включились все полицейские силы Уэйфорда. Радиус поисков расширился. Вызвали патолога из управления для помощи местному полицейскому врачу при вскрытии, а несколько сотрудников в маленькой полицейской моторке исследовали дно реки в поисках

того предмета, которым мог быть нанесен смертельный удар. Сержант Уиллис вместе со своим начальником, инспектором Фростом, направился в дом кузена жертвы.

Мистер Кук был готов к их визиту.

— Жена Лесли сразу позвонила нам, как только узнала. Моя жена у нее. Чем могу служить?*

Инспектор рассказал о загадочном происхождении раны.

— Это требует объяснения, но это еще не все,— продолжал он.— Странно, что он вообще поехал по той дороге. Должен был знать — тут все знают,— что мост разобран.

— Может быть, хотел пописать пейзажи. Он любил рисовать и часто ездил по воскресным дням с этюдником.

— Да, принадлежности для рисования были прикреплены к багажнику. Но похоже, ехал он очень быстро и попытался резко остановиться. На это указывают следы заноса. То, что ехал он туда, соответствует письму, найденному в кармане. Прошу, можете его прочитать. По тому адресу лучше всего ехать именно этой дорогой — самой короткой. Как вы видите, его там ожидали непредвиденные осложнения, и он торопился все уладить.

Мистер Кук читал письмо с подавленным выражением лица. Он предвидел немало «осложнений», как их деликатно именовал инспектор, пока подозрительные делишки кузена не сойдут следом за ним в гроб и будут забыты.

— Вы, пожалуй, правы,— согласился он.— Лесли мог думать, что работы на мосту закончены. Но если это было не так, то проезд-то был закрыт?

— В том-то все и дело,— ответил Фрост.— Есть все доказательства, что предостерегающий плакат убрали, может быть, после смерти мистера Кука, но вполне вероятно — до нее. Расскажите, Уиллис.

Сержант Уиллис начал рассказ о приключении Холмсов, и на это Кук отреагировал с таким испугом, что оба полицейских вздрогнули.

— Но ведь это ужасно! — пояснил мистер Кук.— Я знаю этих молодых людей. Они занимаются розыска-

ми, которых не имели права предпринимать. Лучше я вам расскажу всю историю.

Вся история ничего не говорила сержанту Уиллису, но напомнила инспектору его первые два года в Уэйфордской полиции, а также недавний визит инспектора Брауна из южного Лондона. Поблагодарив мистера Кука, он сообщил, что должен вернуться в участок.

— Они уже вернулись в Лондон? — спросил Кук, когда они выходили.— Я имею в виду Рэя и Мевис Холмс.

— Вероятно. Они намеревались после обеда ехать в Стоу Фарм.

— Видимо, тут моя вина,— нервно заявил мистер Кук.— Это я связал их с Бредли. Разумеется, вначале спросив у Боба разрешения. Его жена когда-то была близкой подругой Элен. Полагаю, они искали ферму. Так вы говорите, там не было запрещающего плаката? Ведь это очень опасно!

— Его не было, когда они въезжали на дорогу, зато они заметили его, когда возвращались, обнаружив тело. И тут же сообщили нам. Когда мы туда приехали, плакат снова стоял на своем обычном месте, на самой середине поворота.

Мистер Кук побледнел.

— Какой ужас! — едва слышно произнес он.— Это смахивает на умышленное покушение. Но вот на Лесли или на Холмсов...

— Именно это, кроме всего прочего, нам предстоит установить,— заметил инспектор.

Вернувшись в полицейскую машину, он сказал водителю:

— Подбрось меня в участок и поезжай в Стоу Фарм. Тэд,— повернулся он к Уиллису,— попробуй узнать что-нибудь толком про ту карту. Иди по любому следу, который только наклонится. Той пары из Лондона наверняка уже нет. Не упоминай о деле мисс Траб — я сам им займусь. Мне это не нравится — слишком уж много тут всяких непонятных обстоятельств. Во всяком случае, постарайся вытянуть что-нибудь из Бредли.

Инспектор Фрост доложил обо всем шефу поли-

ции, который приказал ему сосредоточиться на деле об убийстве Кука. Предварительное заключение обоих врачей и выводы экспертов показали, что причиной смерти не могло быть падение с мотоцикла. Ударился он о землю левой стороной тела, прежде всего левым плечом. Ключица и сустав были сломаны, лопатка треснула. После падения он оставался неподвижен, об этом говорили следы на земле и одежде. Жестокий удар в правый висок был нанесен, когда тот лежал беспомощным, не в состоянии шевельнуться. Не было сомнений, что его убили.

Шеф полиции подчеркнул, что для него это дело куда важнее, чем гипотетический план столкнуть Холмсов в реку, чтобы прервать их изыскания. Во всяком случае, он не видел связи между этими двумя делами.

Инспектор Фрост был иного мнения, но возражать не стал, решил дожидаться рапорта сержанта Уиллиса.

Тот вернулся поздно вечером.

— Бредли клянется, — доложил он, — что карта, которую я ему показал и которую дал мне Холмс, — не та, что он нарисовал и вложил в свое письмо. На его рисунке дорожка была перечеркнута жирной чертой, чтобы стало ясно, что она перекрыта.

— Каким же образом эта другая карта попала в конверт с письмом?

— В том-то все и дело. Бредли говорит, что у него были определенные сомнения, стоит ли ему встречаться с Холмсами и разговаривать с ними о мисс Траб, не предупредив ее сестру. Поэтому он пригласил к себе Мидоусов, чтобы обсудить это с ними, и показал им свое письмо, прежде чем вложить его в конверт. Они сказали, что ничего против не имеют, поскольку та бедняжка душевнобольная, находится в клинике, и ей уже ничем нельзя помочь, в чем ее молодым друзьям вскоре предстоит убедиться. Результатом визита стало то, что Бредли дал Колину Мидоусу заклеенный конверт с письмом, чтобы тот опустил его в городе.

— Я догадываюсь, что потом ты отправился к Мидоусам?

— Да. Оказалось, что Холмсы уже были там по то-

му же делу. Когда я пришел, Мидоуса не было, но она оказалась дома. Сказала, что в тот день они забыли про письмо, но муж нашел его в кармане на следующее утро. Отдал ей, поскольку сам спешил на службу. У нее была масса работы в саду, и она провела там весь день, никуда не отлучаясь. После обеда к ней заходила жена Лесли Кука, она и отдала письмо, попросив отправить.

— И та его отправила?

— Да. Я был у нее после миссис Мидоус. Слишком нажимать на нее мне не хотелось. Она, правда, не помнит, было это в тот самый день, или на следующий.

— Не помнит?

— Она все время твердила, чтобы мы оставили ее в покое и что тут нет ничего общего со смертью Лесли.

— Ну ладно. Ты записал все данные?

— За исключением даты штемпеля на конверте. Будем надеяться, что Холмс его не выбросил. Не думаю, что он так поступил — мне он кажется достаточно умным. Придется нам вновь встретиться с этим молодым человеком. Миссис Мидоус была не слишком рада мне, когда я пришел к ней прямо от Бредли. Твердила, что и муж ее был недоволен. Считает, что хватит уже задавать вопросы на тему мисс Траб.

— Ах, вот в чем дело! — сказал инспектор. — А наш приятель упряма!

Мисс Траб проскользнула в больничную калитку, пока ее приятельница Хильда занимала привратника разговором, заполнив своей могучей фигурой все пространство перед сторожкой. Хильда выходила под честное слово — у мисс Траб эту привилегию отняли в ту ночь, когда она вернулась с опозданием.

Она знала, чем было вызвано такое решение. Ей не верили, когда она рассказала правду про Джой. Стали спрашивать, почему она не подождала вместе с ребенком, пока вернется мать, или не отвезла его прямо домой. Где она была? И что собиралась сделать с Джой?

Она не могла ответить на эти вопросы. Ответы

звучали бы еще неправдоподобнее. Не могла никому сказать, что снова увидела своего врага, затаившегося за кустами в парке; что видела, как он уходил и едва не выбежала из своего укрытия, чтобы велеть Мевис забрать ребенка домой и никогда сюда не возвращаться. Но удержалась до той минуты, пока Джой не осталась одна и пока неудержимый импульс не подтолкнул ее немедленно спасать ребенка от надвигавшейся опасности. А потом она разгуливала по улицам, стараясь обходить полицию, пораженная тем, что делала, и тем, как это будет истолковано. Наконец, когда спустилась ночь, заставила себя вернуться на Сэндфилдс-авеню двадцать шесть и пережить последствия своего поступка.

Она сказала правду, умолчав только о своем враге, и ей не поверили, или решили, что это результат общего ухудшения ее психического состояния. Возражать она не стала. В клинике ей было безопаснее, чем вне ее. Но ей нужна была свобода передвижений — нужно было уходить и возвращаться, нужно было убедиться, что Рэй и Мевис в безопасности, что с ними ничего не случилось. Особенно с Джой.

Потому она обратилась за помощью к Хильде, и это несчастное, пугливое создание испытывало какое-то странное удовлетворение, прикрывая ее таинственные эскапады. Пятнадцать лет тюремной жизни научили мисс Траб многим хитростям и уловкам. Прихватник у больничных ворот был детской шалостью по сравнению с охранниками в тюрьме. И он был мужчиной — это огромная разница.

Мисс Траб сказала Хильде: «Спокойной ночи и спасибо», — и отправилась к себе.

— Мы вас искали весь вечер, — заметила ей позднее дежурная сестра.

— Такая прекрасная погода... Я люблю бывать на воздухе.

— Вы снова уходили, верно?

Мисс Траб не ответила.

— Мне придется доложить об этом.

Мисс Траб не обращала внимания на просьбы и угрозы сестер. Это было легко. Нужно было только опустить жалюзи между собой и внешним миром,

когда этот мир становился непереносим. И вообще, ей нужно было думать о нескольких делах. И о нескольких людях, не только о Рэе и Мевис. Был еще Раймонд Торн, который помнил ее с давних лет, несмотря на перемены, которые в ней произошли. Или она действительно изменилась меньше, чем он? Она его не узнала, вплоть до того момента, пока он в тот день не предстал перед ней, называя ее по имени, которым она никогда не пользовалась. Может, это он ее предал? Он был опасен, но она все равно пошла навестить его сегодня по адресу, который он дал.

Торн не выглядел удивленным. Был весьма любезен и предложил прогуляться. И они сели в автобус, а потом гуляли по паркам Уимблдона, и он все в столь же любезной манере рассказывал ей ужасающие, разрывающие сердце, неслыханные вещи. Ее охватили ярость и печаль. И тогда она его оставила и вернулась в клинику.

Одинокое сидя в уголке холла, мисс Траб дрожала всем телом. Можно опустить жалюзи, но реальный мир мощно напирает снаружи, силится ворваться внутрь, силится ее уничтожить. Она не могла ничего больше сделать, как только ждать последнего удара, ждать конца, который все оттягивался и против которого она так отчаянно боролась.

Глава 13

Получив новые указания от хозяина бара, Рэй уже без труда добрался до Стоу Фарм. У ворот его ждал мистер Бредли.

— Вам здорово досталось,— заметил он после приветствия.

— Это было ужасно,— воскликнула Мевис.— Тот несчастный мужчина...

Они вошли в дом и миссис Бредли тут же подала чай.

Рэй еще раз принес извинения, что беспокоит их расспросами и затрагивает печальную тему судьбы мисс Траб, которую, быть может, они уже не считают своей приятельницей...

— Разрыв произошел не по нашей инициативе,— запротестовала миссис Бредли.— Нас это потрясло и было очень ее жаль, но мы готовы были сделать для нее все, что в наших силах. Это она настаивала на полном разрыве контактов. Элен была всегда крайне щепетильна, правда, Боб?

— Да. Нам было трудно поверить в то, что с ней произошло после отъезда из Уэйфорда. Это было совершенно непохоже на нее. Но нужно признать, после смерти матери она очень переменилась. Видите ли, мы знакомы с детства. Элен всегда была в школе первой; она обладала чувством ответственности и здравомыслием. И она всегда весело улыбалась. Ничто не составляло для нее труда, ничто ее не останавливало. Но она не была безрассудной или легкомысленной. Такой скорее была Френсис.

— Френсис была полной противоположностью Элен,— взяла в свои руки ход беседы миссис Бредли.— Я не хочу сказать, что она была нехорошим ребенком. Когда ей было что-то нужно, она была сладка, как мед, но за этим скрывались упрямство и своеволие. Мать никогда с ней не могла справиться и часто говорила моей матери, что не доверит Френсис. Элен с ней тоже не справлялась, хоть очень старалась.

— Слишком старалась,— вмешался мистер Бредли.— Мы много раз ей говорили, чтобы она дала Френсис волю. Но видите ли, миссис Клементс перед смертью потребовала, чтобы Элен торжественно поклялась, что будет опекать сестру. Несмотря на недостатки Френсис, мать о ней заботилась куда больше, чем об Элен.

— Так часто бывает,— отозвалась Мевис.— Родители балуют младших или миленьких детей.

— Миссис Клементс ее вовсе не баловала,— ответила миссис Бредли.— Но восхищалась ее красотой. Надеялась, что та сумеет устроиться и выйдет замуж за порядочного человека, который сможет удержать ее в руках.

— Так и случилось,— добавил мистер Бредли,— хоть ее бедная мать этого и не дождалась.

— Колин Мидоус может быть и порядочный чело-

век,— заявила миссис Бредли,— но не думаю, что он ей стал хорошим мужем. Думает только о себе, и всегда был таким.

— Моя жена никогда не простила ему той истории с Элен.

— Они действительно были обручены? — спросил Рэй.

— Формально — нет,— вздохнула миссис Бредли.— Но все считали это само собой разумеющимся. Уезжая, она написала ему, что причины такого шага объяснит позднее, что сейчас этого сделать не может. В письме, которое оставила отцу, написала просто, что уезжает, чтобы работать для нужд армии и что его не предупредила, чтобы избежать дискуссий на эту тему. Прекрасно знала, что он так же упрям, как она сама. И что же сделал Колин? Не написал ей ни строчки, никогда не пытался ее отыскать и узнать, почему она уехала. Попросту с того времени он ее игнорировал: подлизывался к старику, приезжая в отпуск, и начал подкатываться к Френсис. Даже не преждав.

— Это продолжалось недолго,— теперь заговорил мистер Бредли.— В середине апреля его отправили на север, а Френсис все еще не было. Но они должны были переписываться, потому что под конец лета, когда Френсис поступила в Женскую вспомогательную службу ВВС, пошли разговоры, что они поженятся.

— Когда вы впервые услышали, что у Элен ребенок?

— Примерно тогда же. Нам сказала Френсис.

— Не сама Элен?

— Нет. Я уже говорила, что после первого письма мы не получили от нее ни строчки. Меня очень обидело, что она мне не доверяет. Это было так непохоже на нее, а мы были такими близкими подругами...

— Вы к ней не поехали?

— Больше двух лет я вообще не знала, где она. Френсис очень долго не хотела мне говорить, утверждая, что поклялась Элен хранить тайну. Я не знала, верить ей или нет. И сказала она только через некоторое время после того, как вышла замуж за Колина,

когда у нее уже был собственный ребенок. Разумеется, я тут же поехала в Конингтон и отыскала Элен с ребенком.

Глаза миссис Бредли наполнились слезами.

— Мы оба были очень взволнованы,— неохотно заметил ее муж.— Это было полной неожиданностью. От кого-кого, но от Элен Клементс я такого ждать никак не мог. Я даже подумал, не Колин ли ее так подвел. Никогда и слышно не было, чтобы она встречалась с кем-то другим. Но это строго между нами. Он такой тип, который в любой момент может подать в суд за клевету, если рассчитывает заработать на компенсации. Мне не хотелось бы огласки.

— И мы над этим задумывались,— ответил Рэй,— а также над тем, был ли вообще мальчик ребенком мисс Траб. Подумали, что на самом деле он мог быть ребенком Френсис, то есть миссис Мидоус. Вот почему мы хотели встретиться с вами. Ваши слова только подтверждают то, что мы уже знаем о ее поведении в то время.

Супруги Бредли многозначительно переглянулись. Видимо, и у них были сомнения.

— В тот единственный раз, когда я ее видела,— продолжала миссис Бредли,— я умоляла Элен рассказать правду. Но добилась только, что она призналась — ребенок не ее, но ей пришлось выдать его за своего, чтобы получать пайки и так далее. Но не захотела мне сказать, чей ребенок. Вернувшись домой, я сказала Бобу, что Элен слишком рассудительна, правдива и порядочна, чтобы пойти на такой шаг для кого бы то ни было, за исключением Френсис, поскольку поклялась умирающей матери, что будет ее опекать.

— Полагаю, Френсис об этом знала,— заметила Мевис.

— Знала и рассчитывала на это.— В голосе миссис Бредли звучало возмущение.— Неоднократно, я это знаю точно, Элен ее спасала от всяких неприятностей, и в школе, и в колледже.

— Была ли Френсис способна свалить все на сестру?

— Вполне возможно.

— Но допустила бы она то, что Элен судили за убийство ребенка, который был чужим? То есть, если тот был ребенком Френсис?

— Ребенок был мертв — кто бы его ни родил. Френсис полагала, что преступление совершила ее сестра. Так она и заявила в суде. Была свидетелем обвинения, — припомнил Рэй.

— Быть может, она хотела, чтобы Элен казнили?

— Если это был ее ребенок, — заметила миссис Бредли, — то ее он совершенно не волновал. С Элен совсем наоборот, я это заметила, хотя гостила у нее в Конингтоне всего несколько часов.

— Мы-то знаем, как она относится к детям, — сказала Мевис. — Потому мы здесь. Но почему она позволила обвинить себя и не защищалась? Ведь ее могли повесить. Неужели все ради Френсис?

— По словам миссис Бредли, это могло быть только ради Френсис, — задумчиво произнес Рэй. — И вы наверно понимаете, что это значит? — он обвел всех взглядом.

Бредли всматривались в него, не отрывая глаз, в которых начала брезжить догадка. Так могло быть только потому, что она знала: убийца — Френсис, это она убила собственного ребенка.

Наступила тишина. Потом Рэй заговорил снова.

— Не могу понять, почему защита не заинтересовалась во время суда местопребыванием миссис Мидоус. Были, разумеется, ее показания, где находилась во время мнимой беременности мисс Траб. Но они не были подтверждены ни работодателями, ни другими работниками.

— Ведь не Френсис обвиняли в убийстве, — отозвался мистер Бредли. — А в расчет входило только убийство. Если не Элен, то кто же? Элен отказалась отвечать на вопрос, посещал ли ее кто-нибудь в тот день, или мог ли кто-то попасть ночью в дом...

— Это напоминает историю ее так называемого самоубийства, — подтвердила Мевис. — Не хотела сказать, заходил ли к ней кто-нибудь после нашего ухода из дому.

— Но мы знаем, что кто-то мог влезть через открытое кухонное окно, — пояснил Рэй. — Мы не ду-

маем, что она хотела покончить с собой. Будь это так, открыла бы газ у себя в комнате или сунула голову в духовку. Полное безумие — открыть краны в кухне и ждать, пока газ проникнет наверх. Это доказывает и тот факт, что отравление не стало смертельным.

— Стало бы смертельным для Джой, будь мы дома,— Мевис содрогнулась.

Миссис Бредли тяжело вздохнула.

— Это и могло быть целью. Еще одно детоубийство ее бы прикончило, что бы ни стало с ней самой. Опозорило бы ее, не выживи она, и отправило на виселицу, если бы пережила.

— Или ее признали бы окончательно спятившей,— добавил Бредли. Он казался не менее потрясенным, чем жена.

— Значит, вы согласны,— не отставал Рэй,— что кто-то действительно выбрал ее жертвой, и что так могло быть с самого начала в Конингтоне, когда он планировал убийство ребенка?

— Я не стал бы делать столь далеко идущих выводов,— осторожно заметил фермер.— Что могло быть целью всего этого?

— Допустим, это был ребенок Френсис. Она вышла замуж за Мидоуса. Мисс Траб заявила, что не может дальше воспитывать ребенка. Их отец умер и скандал ее уже не смущал. Френсис не может на такое отважиться. Убивает ребенка и позволяет во всем обвинить Элен, зная, что та ее не выдаст.

— Если Френсис или кто-то другой допустил такую подлость в отношении Элен,— заявила миссис Бредли,— я сделаю все, чтобы помочь вам это доказать. Но боюсь, что ничего не выйдет.

— В самом деле? — скептически склонился к ней Рэй.— Вы готовы на все? Ведь вы можете помочь.

— Как?

— Сейчас скажу. Вы говорили, что последний раз до рождения ребенка видели Френсис в Уэйфорде в апреле. Ребенок родился в июле. Вы ее видели в начале или в конце апреля? Она носила просторный плащ, или нет?

— Рэй! — запротестовала Мевис,— ты ужасен!

— Но нет,— усмехнулась миссис Бредли,— в этом нет ничего плохого. Понимаю, что вас интересует,— повернулась она к Рэю.— Может быть, это удастся установить.

— Речь идет о той встрече и о всех ее визитах домой с той поры, как Элен уехала в феврале, и до апреля. Кто ее видел, где, как долго, и как она была одета.

— Помню, что ее не было дома, когда Элен уезжала,— заметил Бредли, порывшись в памяти.— Тогда я приезжал в отпуск. Старик Клементс говорил мне, что Френсис на маскировочных работах в Конингтоне.

— Готов побиться об заклад, что в мешковатом комбинезоне маляра,— заметил Рэй.— Очень удобно.

— Мне кажется, тем же занимались еще несколько девушек из той же школы. Но не припомню, чтобы они так далеко уезжали. По большей части были тут, на месте, по ближним войсковым частям. И чаще ненадолго.

— Жаль, что мы не подумали об этом раньше,— расстроено произнесла миссис Бредли.

— Не уверен, что мы не думали,— возразил ее муж,— но видно, не пришли ни к каким выводам, иначе бы сказали об этом Куку.

— Выводы могли быть только отрицательные,— подтвердил Рэй.— Тогда никто бы не придал им значения. Но теперь это нам поможет или, по крайней мере, может помочь.

После этих слов Рэй с Мевис встали, чтобы распрощаться. Они узнали от супругов Бредли неожиданно много, гораздо больше, чем рассчитывали. Те были очень любезны и не следовало злоупотреблять их гостеприимством. Тем более пора было и возвращаться.

Только у Рэя были еще другие планы. Когда они доехали до поворота на Портсмут Роад, вместо того, чтобы влиться в густой поток машин, стремившихся в Лондон, он пересек шоссе и направил машину назад в Уэйфорд.

— Господи Боже! — воскликнула Мевис.— Что ты делаешь?

— У нас один шанс на миллион. Знаем, что Бредли дали отправить письмо Колину или Френсис. Хочу спросить их, что они с ним сделали.

— Не делай этого! Не смей! Если кто из них и вскрыл конверт и подменил карту, он все равно не сознается. И мы не можем их обвинять!

— Не напрямую. Но можем их заставить врасплох. Может быть, они еще ничего не знают.

— Разумеется, знают. Такие вещи становятся известны всем мгновенно. Рэй, мы не можем дать им знать, что их подозреваем. Если мы правы, то они просто опасны!

— Предпочитаю знать, с кем имею дело, чем бродить наощупь, как до сих пор.

— А я бы воздержалась. Оставь полиции их дело.

— Там одни бездари!

Дальше они ехали молча. Когда подъехали к дому Мидоусов, Мевис заявила, что из машины шагу не сделает.

— Останусь с Джой. Не хочу, чтобы она перепугалась, как в прошлый раз.

— Ладно, я и один справлюсь,— бросил Рэй, выходя из машины.

— Она была с нами так мила... Я не отважилась бы спрашивать ее, что она сделала с письмом.

— А я хочу взглянуть, что будет,— возразил Рэй.— Они могут меня просто вышвырнуть, но стоит попробовать.

Колин Мидоус был дома. Рэя он не выбросил, напротив, пригласил садиться, угостил сигаретой и спросил, почему не вошла в дом Мевис. Рэй пояснил, что та осталась с ребенком, а он забежал только на минутку.

— Меня интересует то письмо, которое вам дал отправить мистер Бредли со Стоу Фарм.

Мидоус поудобнее устроился в кресле. Коротко и ясно он изложил все, что знал о пресловутом письме.

— Френсис могла бы это подтвердить,— заявил он,— но она поднялась к себе. Смерть Лесли потрясла ее. Как я уже вам говорил, они с его женой близкие подруги.

— Вы говорите о том... несчастном случае? Том, о котором я уведомил полицию?

— Я говорю о смерти Лесли Кука. Наверно Бредли говорили вам, о ком идет речь?

— Нет, наверное, еще не знали сами. Сержант сказал мне, что знает погибшего, но имени не называл. Ведь я тут был ни при чем, верно?

И Рэй изобразил мину слегка обиженной невинности. Надеялся, не чрезмерной.

— Нет,— возразил мистер Мидоус, задумчиво приглядываясь к нему.— Нет, вовсе нет. Но возвращаясь к письму, Боб Бредли позвонил мне сразу после того, как вы ему звонили. Тогда мы еще не знали о Лесли. Боб бы нервничал из-за той карты, которую послал в письме. Спрашивал, отправил ли я его.

— Он спрашивал о карте? А не просто о письме?

— Письмо мы видели. Он показал его нам, мне и моей жене, как и карту, прежде чем вложить ее в конверт, и попросил нас отправить.

Мистер Мидоус холодно взглянул на Рэя, которому не оставалось ничего иного, как промямлить, что понимает. Бредли действительно сказал ему, что Мидоусы знали содержание письма.

— Могу я что-нибудь еще для вас сделать? — спросил хозяин.

Ясно было, что пора прощаться.

Рэй встал. Мевис была права. Было ошибкой приходить сюда с дурацкими расспросами про карту. Если даже это и нельзя было считать явной клеветой, то, во всяком случае, неумный поступок выдавал, что у него есть подозрения.

Пытаясь на прощание как-то исправить положение, Рэй спросил:

— Вы в войну служили в авиации?

— Нет.

— Я только потому спросил, что заметил фотографию миссис Мидоус в мундире Женской вспомогательной службы ВВС.

Они взглянули на фотографию, увеличенный любительский снимок, на котором Френсис, молодая, улыбающаяся и очень симпатичная, в живописном мундире стояла возле мотоцикла.

— Она была курьером,— сказал Мидоус.— По существу, дурацкий снимок. На службе они, разумеется, одевались иначе. Носили шлемы и ватники. Фотографировал ее я, когда был в отпуске.

Они вышли из дома. Направляясь к машине, Рэй миновал распахнутые ворота гаража Мидоусов. Там стояла машина, а рядом — мотоцикл, все в грязи. Рэй, не задерживаясь, распахнул дверцу своей машины и сел за руль.

Когда подошел мистер Мидоус, Мевис опустила стекло.

— Надеюсь, вы не в обиде на Рэя за его бесцеремонность,— виновато сказала она.

— Да что вы! Если бы только я мог хоть чем-то помочь...

— Спасибо вам! — ослепительно улыбнулся Рэй.— Вы очень помогли мне.

Мистер Мидоус не менее любезно улыбнулся, и машина рванула с места.

— Ну? — тут же спросила Мевис.

Но Рэй был настолько возбужден, что позабыл про письмо.

— Видела мотоцикл в гараже?

— Разумеется. Я даже вышла, чтобы рассмотреть его поближе.

— Bravo! Что-нибудь заметила?

— Там было слишком темно, чтобы рассмотреть как следует. Но на нем очень много грязи, и длинный стебель ежевики, прилипший к заднему крылу.

Рэй присвистнул.

— Следы колес на той дорожке были очень близко к краю, и ежевики там полно,— заметил он.— А Френсис в армии ездила на мотоцикле. Такие навыки не забываются.

Глава 14

В кабинете инспектора Митчела в Скотланд-Ярде царил угнетенное молчание, когда распахнулись двери и вошли инспектор Фрост и сержант Уиллис.

— Брауна вы знаете,— встретил их Митчел.— Я

подумал, что лучше будет собрать по делу Кука всех вместе. Как вы уже наверно знаете, ваш начальник полиции хочет, чтобы мы включились в эту работу. Потому полагаю, что неплохо было бы упорядочить факты и выводы. Единственным, на мой взгляд, важным фактом считаю то, что Кук занимался шантажом. Это соответствует действительности?

— Да,— кивнул Фрост.— Он был шантажистом, и причем очень осторожным и весьма безжалостным.

— Это означает,— продолжал инспектор,— что скорее всего он получил по заслугам. Кое-какие подозрения были и раньше, верно?

— Верно. Самоубийство в Уэйфорде три года назад.

— Зачем человеку с его положением заниматься шантажом? — впервые подал голос инспектор Браун.

— Всю жизнь он был азартным игроком,— ответил Фрост.— Хорошо показал себя в командос во время войны, полагаю, что воспринимал все как азартную игру особого рода. Был достаточно интеллигентен, чтобы добиться успеха в настоящей работе, без труда получил после войны образование по части бухгалтерского учета. Но постоянно затевал разнообразнейшие темные махинации, и многие из них не удавались, поэтому испытывал хроническую нехватку денег. Последнее время был в отчаянной ситуации: люди, которых он обманул или пытался обмануть, набрались храбрости и злости. Пришлось продать машину и переселиться на мотоцикл.

— Вы полагаете, ему грозил суд или банкротство?

— Вполне правдоподобно. С другой стороны, мы установили, что в последние месяцы он получил довольно крупные суммы. Он их пустил, я полагаю, на погашение самых острых долгов. Похоже, что любой ценой хотел бы избежать банкротства. Интересно, что деньги начали поступать вскоре после освобождения мисс Траб из заключения.

— Ага! — воскликнул Браун.— Это уже что-то.

Инспектор кивнул.

— Он ее шантажировал?

— Сомневаюсь. У нее не было никаких денег, кроме пенсии, и нечего было скрывать. Из того, что мы

о ней знаем, следует, что боялась она нападения, а не шантажа.

— Обычно шантажисты не убивают курицу, несущую золотые яйца.

— Однако существует возможность, что это она хотела от него избавиться, если боялась, что он посягнет на ее жизнь. Но для чего ему, или кому бы то ни было, ей угрожать?

Инспектор Митчел задержал взгляд по очереди на всех присутствующих.

— Похоже, что мы вынуждены вернуться к старой истории мисс Траб,— сказал он,— и к необычному расследованию, предпринятому теми молодыми людьми, у которых она жила. Если, как они убеждены, она была невиновна с самого начала, то представляла потенциальную угрозу для настоящей матери ребенка и для истинного убийцы, который может — хотя не обязательно — быть тем же лицом. Если была невиновна, то в любой момент могла решиться сказать правду. Это было маловероятно, пока она сидела в заключении. Существовала также надежда, что она умрет до истечения срока. В любом случае, она была недостижима. Но когда мисс Траб вышла на свободу, опасность возродилась и увеличилась. Вы со мной согласны?

— Полностью,— подтвердил инспектор Браун.— Нет сомнений, что она боится, и можно подозревать, что не без причины. Не подлежит также сомнению, что Холмсов пробовали запугать. Если мы хотим связать мисс Траб с Лесли, то я скорее сказал бы, что шантажировал он не ее, а особу, или особ, которые сделали ее жертвой их собственного преступления. А вместе с ее смертью умерло бы и прошлое, а вместе с ним и мотив шантажа.

— Тогда нам нужно узнать,— заметил Митчел,— какова была фактическая связь между Лесли и мисс Траб.

— В действительности вы имели в виду Лесли и миссис Мидоус, правда? — вмешался Фрост.— Мы пытались установить, выплачивала ли она крупные суммы, но это нам не удалось. Однако она могла продать драгоценности или еще что-нибудь. Пока что

мы особенно не продвинулись. И не нашли никаких следов, ведущих к ней.

— Придется запросить сведения из Конингтона,— сказал инспектор.— Я знаю все подробности, которые добыл Рэй Холмс, но их недостаточно. Метрика могла быть ловким обманом, совершенным Френсис. Но должно еще быть уведомление о рождении ребенка, переданное акушеркой в Управление здравоохранения. Холмс об этом не подумал, видимо, вообще не знал о его существовании. И кроме того, мог бы помочь инспектор службы здравоохранения.

— Если удастся установить, что ребенок был Френсис, а Лесли знал об этом и знал отца, мы сможем стронуться с мертвой точки,— сказал Фрост.— В таком случае она могла быть виновна и во всем остальном. Только я не верю, что женщина могла нанести удар, от которого лопнул мужской череп, и притом так сильно. И кстати, у Френсис прочное алиби на все воскресенье. У ее мужа тоже.

— А мотоцикл?

— Если уликой могут быть грязь, глина и стебель ежевики, то в наших местах их можно найти на каждом шагу,— возразил сержант Уиллис.— И уж, во всяком случае, по окраинам поля для гольфа, на котором Мидоус играл в то утро. Мотоцикл брал он.

— Где это поле для гольфа?

— Между Уэйфордом и Уокингом. Не отрицаю, что оно находится всего в нескольких милях от места, где нашли Кука. Вы пытаетесь направить подозрения и на Мидоуса?

— Я только прикидываю.

— Но вы забыли об одном.

— О чем же?

— Если Френсис платила шантажисту, то для того, чтобы все скрыть от мужа, не так ли? Отсюда вытекает, что он знает о прошлом мисс Траб, как и о прошлом Френсис, не больше остальных.

Инспектор согласно кивнул. Сообразительные ребята, с ними приятно работать.

— Еще одно,— сказал он.— Если считать, что все было так, как мы думаем, тогда откуда Лесли мог знать, где поселилась мисс Траб после выхода из тюрьмы?

— Все дело в Торне,— пояснил Браун.— Мистер Рив мне показал его. Видимо, он — тот второй мужчина в прошлом Френсис. Узнав его фамилию и адрес, я перекинулся с ним парой слов. Он признал, что видел Элен, и утверждал, что та очень изменилась. По его словам, та заявила, что не желает иметь ничего общего со своим прошлым: приятелями, родственниками и вообще ни с чем, что было прежде. Просила не давать ее адреса сестре. Он обещал, и утверждает, что обещание выполнил.

— Не вспоминал тогда про Кука?

— Ни слова.

— А сейчас?

— Мне не удалось с ним связаться,— ответил Браун.— Когда вдруг всплыло дело с шантажом, я еще раз пошел к нему домой, чтобы расспросить о Лесли. Но его не было. Он не вернулся домой в тот вечер, когда убили Кука.

Рэй с Мевис были поражены, когда в субботу после обеда у них появился Уоррингтон-Рив. Только что закончился ланч и Мевис мыла посуду, пока Рэй играл с дочерью.

— Хочу, чтобы вы поехали со мной в Конингтон,— заявил адвокат.— Не возражаете?

— Когда?

— Сейчас.

Рэй пригласил нежданного гостя в комнату. При виде чужого перепуганная Джой подняла крик, и Мевис примчалась из кухни на помощь. Мистер Уоррингтон-Рив, совершенно не обращая внимания на вызванное его появлением замешательство, удобно устроился в кресле у камина и закурил. Успокоив ребенка, Мевис подала кофе.

Через двадцать минут Рэй уже сидел в черном «ягуаре» Рива, мчавшемся в сторону Конингтона.

— Счастье, что Кэрол была дома и Мевис могла пойти с ребенком к ней,— заметил он.— Вы любите действовать быстро, правда?

— Нужно только знать, чего ты хочешь. Выбрать простую и достижимую цель, а остальное придет само.

— Так мы за этим едем? За простой и достижимой целью?

— Да. Нужно узнать, кто мог попасть в дом миссис Огден в ту ночь, когда мисс Траб была одна, и как он это сделал.

— Речь ведь пойдет о каком-то определенном круге людей? Мевис и я того же мнения.

— Верно. Возьмем для начала Френсис. Она была там за несколько дней до той фатальной ночи. Могла приехать еще раз. На суде проверяли ее алиби. Затем Колин. Тот был в военном санатории для выздоравливающих в том же районе, хотя вернулся вместе с Френсис домой в тот день, когда навещали сестру. А наш командос Лесли был в Англии в отпуске.

Слово «выздоровливающий» что-то задело в памяти Рэя.

— «Парни в голубых пижамах»! — воскликнул он.— Так их называла миссис Огден. Выздоровливающие из госпиталя, слонявшиеся там целыми днями по парку. Она заговорила о них, когда я спросил, не видала ли она возле дома каких-нибудь подозрительных типов.

— А раненые солдаты, разумеется, подозрительными быть не могли,— вежливо согласился Уоррингтон-Рив. Нажал на газ и остаток пути стрелка спидометра держалась на восьмидесяти пяти милях.

Миссис Огден была рада приезду Рэя и польщена знакомством с его высокопоставленным другом. Она с интересом слушала, когда они сдержанно и без лишних подробностей разъясняли ей цель своего визита.

— Мы считали, что лучше приехать самим, чем писать,— сказал адвокат.— И гораздо приятнее.

Миссис Огден улыбнулась и размянула плечи.

— Как я понимаю, все произошло не в этом доме, а совсем в другом районе,— продолжал тот.— Думаю, довольно далеко отсюда?

— Да. Понимаете, я хотела избежать шумихи, которую раздули вокруг этой истории газеты. И кроме того, тот район весьма переменялся к худшему.

После минутной паузы вновь заговорил адвокат.

— Скажите, пожалуйста, в том, что касается ключей, тогда у вас была та же система, что и сейчас?

— Ключей?

— Да. Я заметил, что в конторе у вас нет доски с ключами, как это обычно практикуется в отелях.

— Вы наблюдательны...

— Простите.

— Ничего,— смягчилась миссис Огден.— Нет, доски с ключами у меня нет. Жильцы свои ключи забирают. Так безопаснее, поскольку я часто ухожу, а прислуга меняется.

— Понимаю. Но над столом в холле висит на крючке ключ. Это от входных дверей, правда?

Миссис Огден, похоже, смешалась.

— Ну да... Ключей от входных дверей у них нет. Днем они открыты, но я запираю дом в одиннадцать вечера. Если кто-то собирается вернуться позднее, берет ключ с собой.

— А если собирается задержаться не один человек?

— Если ключ кто-то забрал, обращаются ко мне, и я даю свой. Но могут постучать, хотя я это не приветствую. Видите ли, мы тут рано ложимся спать. Мои постояльцы — деловые люди, и они не слоняются по вечерам, особенно теперь, когда тут есть телевизор.

— Понимаю,— улыбнулся ей адвокат.

Миссис Огден улыбнулась в ответ. Вопросы ей казались пустыми и бессмысленными, но мистер Рив был таким обаятельным джентльменом...

Происходило это в субботу вечером. Прежде чем вернуться в отель, где адвокат снял номер, они поехали к прежнему дому миссис Огден. Машину оставили в переулке.

Ворота парка были заперты, но судя по табличке на воротах и свежевыкрашенной ограде, днем он функционировал по-прежнему.

— Видимо, здесь,— сказал адвокат, указывая на облупленный дом, стоявший в ряду столь же невзрачных строений по другую сторону улицы.— Очень легко следить за ним из парка, да и с улицы. Легко наблюдать за входящими и выходящими, и выбрать подходящий момент.

— В четыре утра?

— Да нет же! Это третий этап. Не спешите так! Я описываю первый. Второй наступает тогда, когда некто с темными намерениями, заметив, что мисс Траб отправилась на работу, входит в дом и спрашивает о свободной комнате или еще о чем угодно, лишь бы иметь возможность остаться на минутку одному в холле.

— Вы имеете в виду Лесли в мундире командос? — воскликнул Рэй.— Миссис Огден говорила, что кто-то спрашивал о комнате, кажется, офицер.

— Я думал о парне в голубой пижаме,— ответил Уоррингтон-Рив.

— Колин Мидоус?

— Почему бы и нет? Мог быть поблизости.

— И видеть жену, входившую в дом сестры? Нет, этого она не стала бы скрывать. Но полагаю, что-то заподозрить он мог. Господи Боже, вы считаете, он все время знал, что ребенок — его жены?

— Не удивился бы.

— И знал, что она убийца? Догадался, что ребенок ее, и что она его убила? Но шантажисту-то платила Френсис! Разве что и об этом он догадался. И никогда ей не сказал. Каков мерзавец!

Уоррингтон-Рив кивнул.

— Я пошел бы еще дальше. Возможно, это было не только подозрение: Раймонд Торн или Лесли могли ему сказать. Считаю, что у Колина были достаточные основания избавиться от Лесли. Ну а теперь перейдем на ту сторону и присмотримся к дому сзади.

Рэй шел за ним, протестуя.

— Разве мы имеем право?

— Рэй, вы явно слишком законопослушны. Разве вы не видите, что вход во двор даже не имеет ворот? Подозреваю, что уже давным-давно они пошли на растопку. И разве вы не видите всех этих звонков у входных дверей? Если нас кто увидит, решит, что мы пришли в гости к кому-то из жильцов.

Никто не выглянул в освещенные окна из-за штор, пока они осматривали запущенный небольшой дворик за домом. Никто не вышел из кухонных дверей, когда подошли ближе и через голые окна заглянули в две пустые комнаты на первом этаже.

— Ужасное место! — сказал Рэй.— И так легко туда залезть! Достаточно ножа, чтобы подцепить крючок, можно попасть внутрь через то маленькое окошко, причем в любое время. Раз плюнуть.

— Вы правы. Можно к тому же войти, воспользовавшись тем простейшим способом, о котором я уже упоминал. Спросить, нет ли свободной комнаты, при случае осмотреться, запомнить расположение комнат, включая информацию насчет ключей.

— Не мог же он стащить его прямо из-под носа!

— Нет. Но мог дожждаться, пока миссис Огден уйдет в город, потом прийти и попросить прислугу — там должен был кто-то оставаться, хотя бы приходящая прислуга, даже во время войны,— о чем угодно: стакан воды или что-то в этом роде.

Рэй был потрясен.

— Мог забрать ключ, оставшись один в холле, а позже принести его.

— После убийства того несчастного ребенка. Миссис Огден, даже если бы хватилась ключа, никогда бы не заподозрила правды, решив, что кто-то из жильцов забыл его вернуть на место, и только позже вспомнил.

— Не нужно слишком спешить,— охладил его пыл адвокат.— Вернемся к миссис Огден и спросим, не замечала ли она когда-нибудь отсутствия ключа от входных дверей, и заодно покажем несколько фотографий.

— Каких фотографий? — У Рэя перехватило дух. Теперь темп для него стал слишком скор.

— Несколько снимков, которые я собрал во время процесса, снимков всех заинтересованных лиц. И несколько, которые сумел добыть позднее. Например, от офицера из отряда командос, и от одного из врачей, который в то время работал в военном госпитале для выздоравливающих.

— Нам бы очень пригодилась та прислуга, которая, по вашим словам, должна была открыть ему двери.

— Рэй! — одернул его Уоррингтон-Рив.— Нельзя же так поддаваться минутным впечатлениям! Вы мне нужны как свидетель, а не на скамье присяжных.

Работа полиции шла обычным путем. Слушание в Уэйфорде, которое должно было установить причину смерти Лесли Кука, было отложено. Со дна реки извлекли множество самых разнообразных тупых предметов, но ничего похожего на то, чем Лесли был нанесен смертельный удар. Контроль отчетности в его конторе вскрыл немало нелегальных комбинаций, не считая множества сделок, которые не поддавались контролю. Ясно было, что его карьера клонилась к упадку. Жена его ничем помочь не могла, лишь подтверждала сам прискорбный факт, и была им совершенно поражена. Пусть она и была глуповатой бабенкой, но зато порядочной. Ясно было, что никогда не подозревала мужа ни в чем большем, чем фатальное невезение.

Пригляделись повнимательнее к алиби Мидоусов. Оба выглядели правдоподобно, но скоро убедились, что ни одно из них нельзя считать неопровержимым. Френсис ездила на машине в церковь, но домой вернулась только к ланчу. Заявила, что возвращалась окольным путем, ибо стояла такая хорошая погода... Удивительно, но муж сделал точно то же самое, выйдя из клуба. Это оставляло каждому из них очень мало времени, чтобы инсценировать несчастный случай у моста, и в результате инспектор Фрост был менее склонен их подозревать, чем если бы алиби было безупречным. Единственная удовлетворительная информация исходила от парня с одной из ферм, который уверенно заявил, что около часу, направляясь в бар «Хин энд Чикен», заметил предостерегающий плакат, прислоненный к живой изгороди при въезде на дорожку, и поместил его обратно на место. Тогда он подумал, что это работа мальчишек, потому и никому не сказал. Домой он ушел еще до приезда полиции и обо всей истории услышал только вечером, когда опять зашел в бар. Прошло несколько дней, прежде чем он собрался позвонить.

Инспектор Браун безуспешно пытался отыскать Торна. По словам хозяйки, в то воскресенье его целый день не было дома, но около пяти он вернулся в

грязнющих сапогах и брюках. Она подала ему чай в мастерскую, а потом ушла к сестре смотреть телевизор. Вернувшись, сразу легла спать. Утром Торна не было, постель осталась нетронута, но все вещи на месте. И с того времени она его не видела.

Никто его не видел. Никто из знакомых не мог ничего сообщить. Собственно, ничто не указывало на какую-то связь с Лесли Куком, за исключением того давнего соперничества за симпатию юной Френсис Клементс. Инспектор считал, что все это лишено смысла. Известно, что художники часто бывают несколько эксцентричны.

Не могла инспектору помочь и больница. Лечащий врач мисс Траб сообщил, что, несмотря на запрет, ей время от времени удается незаметно исчезать. В воскресенье, о котором идет речь, ее тоже не было допоздна, во всяком случае, не было ее в здании, где она живет. Но она ведь пребывала тут добровольно и может уйти когда угодно. Просто большинство пациентов, как правило, добровольно подчиняются их шадящей дисциплине. Мисс Траб наверняка не опасна для окружающих. Они не собирались объявлять ее недееспособной.

— Она же уголовница, — буркнул инспектор Фрост сержанту Уиллису. — Эти психиатры всегда на стороне преступников.

Большого успеха добился в Конингтоне инспектор Митчел. Ему удалось склонить управление здравоохранения к детальной проверке старых архивов, и всплыли два важных факта. Акушерка, которая принимала роды, указала фамилию матери не Траб, а Клементс. Идя по этому следу, Митчел открыл, что одна из патронажных сестер управления была в свое время дружна с этой акушеркой и позднее возобновила с ней контакты. По счастливому совпадению она все еще работала в здешнем округе.

— Переписку мы возобновили гораздо позднее, — пояснила она. — Уже после суда. Помню, что защитник мисс Траб меня даже спрашивал, не знаю ли я, где ее найти. Тогда я еще не знала, та не писала до конца войны. Вы, видимо, слышали, что она вышла замуж в Канаде. Но с той поры пишет мне регулярно.

Хочет на следующий год ко мне приехать, когда я выйду на пенсию.

— Так вы можете мне дать ее адрес?

— Разумеется.

Митчел пояснил, для чего ему нужен адрес, и добавил, что его удивляет, почему защита не вызвала ее как свидетельницу во время процесса.

— Потому, что я лично никогда не имела отношения к этому делу. Во всем виновата эта путаница с фамилиями. Патронажная сестра получает карту с фамилией — в данном случае «Клементс» — и идет навестить мать. Меня туда не направляли. А был ли ребенок под опекой няньки?

Проверили другие документы. Нигде больше фамилия «Клементс» не фигурировала. И Траб тоже. Митчел понял, почему патронажная сестра не появилась в суде. Мисс Траб действительно как нарочно сделала все, что могла, чтобы понести кару.

Информация из Канады пришла очень быстро и была абсолютно однозначной. Акушерка помнила тот случай, поскольку он казался ей довольно таинственным. Обе девушки, видимо, были из хорошей и порядочной семьи. Большое впечатление произвела на нее самоотверженность старшей сестры. Незамужнюю мать звали Френсис Клементс, но и она, и ее сестра Элен приняли странную фамилию Траб.

Глава 15

Известия из Канады вызвали у Рэя и Мевис скорее удивленный испуг, чем удовлетворение. Оглядываясь на события последних двух месяцев, они отдавали себе отчет в том, что сумели сделать. Гораздо легче и привычнее было бы вычеркнуть мисс Траб из своей жизни, признать ошибкой тот риск, которому они подверглись, и избегать подобного впредь. Вместо того они стали на ее сторону с энтузиазмом, которого никто от них не ожидал. Углубились в обстоятельное исследование ее прошлого, пробили стену, которой она себя оградила, выкапывали из-под земли все, что было напрочь забыто с момента ее ареста. Они все

это сделали и только потому, что были любознательны и заинтересованны, и потому, что упорно отстаивали мнение, которое создалось у них о квартирантке.

— Что теперь будет? — спросила Мевис.

— Прежде всего вновь вызови мать. Сейчас кто-то охвачен паникой, полиция наступает ему на пятки, так что не будем рисковать.

— Но ведь теперь все будет идти без нас.

— Я не уверен. И этот некто тоже не может знать наверняка.

И миссис Форд вернулась на Сэндфилдс-авеню, двадцать шесть, к радости Мевис. Джой начала ползать, и нужно было непрерывно за ней следить, чтобы чего не натворила.

Миссис Форд выслушала рассказ о последних событиях с удивительным спокойствием.

— Странно, что полиция проинформировала вас о результатах расследования, — заметила она.

— Они и не думали этого делать. Просто тот тип из Скотланд-Ярда, Митчел, сообщил мистеру Уоррингтон-Риву, что отыскал акушерку, мы, разумеется, ей тут же дали телеграмму и получили тот ответ, на который рассчитывали, что миссис Мидоус была матерью того ребенка.

Миссис Форд на миг задумалась.

— Могу понять, — наконец сказала она, — что Френсис обманула сестру и всучила ей ребенка, поскольку собиралась выйти за мистера Мидоуса. Но она должна было задумать это задолго до того.

— Ее считали легкомысленной, — ответила Мевис. — А легкомыслие не сочетается с хладнокровно разработанным, полным множества обманов планом. Возьмем, к примеру, метрику. Это требовало немало куража. И это тоже нужно было задумать задолго до рождения ребенка.

— Задолго, если кто-то знал, что не будет акушерки, способной разоблачить обман, — дополнил Рэй. — Кураж — не то слово. Это было просто безумием.

— Она должна была быть очень уверенной в Элен, — грустно заметила Мевис. — Бедная мисс Траб.

— Она ее избаловала, — заявила миссис Форд. — Френсис из тех, кто увидев палец хватают сразу за руку.

Мевис согласно кивнула.

— Ей кто-нибудь сказал?

— Кому? Миссис Мидоус?

— Да нет! Мисс Траб.

Рэй отрицательно покачал головой.

— Не думаю. Зачем?

— Ей могло бы полегчать.

— Не понимаю, каким образом.

— Ведь тайна наконец вышла на свет, какой бы это ни принесло результат.

— А какое это имеет значение теперь, когда мистера Кука нет в живых? — спросила миссис Форд. — Ведь шантажистом был он? И, может быть, отцом ребенка.

На миг это остудило их пыл, но Мевис продолжала утверждать, что нужно ехать в клинику, несмотря на сомнения, которые испытывал по этому поводу Рэй.

— Даже если это не поможет, — заявила она на следующее утро матери, — во всяком случае, не повредит.

Медсестра сообщила Мевис, что у мисс Траб был приступ и несколько дней она лежала, но теперь чувствует себя уже лучше. Поскольку, по мнению Мевис, мисс Траб отнюдь не была больна, она спросила, что за приступ. Медсестра как-то странно на нее посмотрела.

— Ее душевного заболевания, конечно.

Утверждение было настолько неопределенным, что Мевис решила больше ни о чем не спрашивать.

— Могу я ее видеть?

— Разумеется.

Через несколько минут в комнату вошла мисс Траб под опекой другой медсестры, которая тут же вышла, закрыв за собой двери.

Мевис подумала, что мисс Траб ничуть не изменилась — разве только глаза... Раньше, на Сэндфилдс-авеню, она всегда смотрела прямо в глаза. А сейчас ее взгляд на миг замер на лице Мевис, потом скользнул в сторону, вернулся снова, так что наконец мисс Траб подошла к окну и осталась там, спиной к комнате, молчаливая и неподвижная.

— Мисс Траб, — заговорила Мевис, встревоженная

ее поведением.— Я... я надеюсь, что не помешала вам своим визитом...

— Разумеется, нет,— ответила та бесцветным голосом.

— Мы о вас беспокоимся... ^

— Я прекрасно себя чувствую.

— Мне сказали, что... что у вас был приступ. Значит, вы болели.

— Простуда с небольшой лихорадкой. Теперь уже лучше.

Мевис начала сомневаться, правильно ли она поступила, приходя сюда. Нужно ли пересказывать столь нервирующие новости мисс Траб в ее нынешнем состоянии?

Пока она так сидела, расстроенная, не зная, что делать дальше, мисс Траб села рядом. Любезно улыбнулась, глядя на Мевис с прежней симпатией и пониманием.

— Вы ведь пришли не для того, чтобы справиться о моем здоровье. Или не только поэтому. Что вы собирались мне сказать?

Мевис не колебалась.

— Мы знаем, что ребенок был не ваш. Вы говорили правду. Это был ребенок вашей сестры. Мы нашли в Канаде акушерку.

Лицо мисс Траб побледнело и застыло. Она прикрыла глаза. В тишине слышалось лишь ее тяжелое дыхание.

— Я должна была вам это сказать! — крикнула Мевис, вскакивая с кресла и обнимая согбенные плечи собеседницы.— Вы должны знать, что ее нашли.

— Кто нашел? — шепнула мисс Траб.

— Полиция. Они сказали мистеру Риву, тот дал телеграмму, получил ответ и сообщил нам.

— Они...— мисс Траб едва могла говорить.— Френсис! Что с Френсис?

Такая сторона нового оборота дела не пришла в голову ни Рэю, ни Мевис.

— Не знаю,— протянула она.— Разве что ее теперь допросят, шантажировал ли Лесли Кук ее по этому поводу. Они сами в этом полностью уверены. Ведь это правда?

— Да.

— Вы знаете, что его нет в живых? Что его убили?

— Да,— повторила мисс Траб.

— Здесь была полиция?

— Нет. Во всяком случае, не у меня.

Некоторое время они сидели молча, глядя друг на друга. Потом мисс Траб взяла в ладони руку Мевис и заговорила:

— Я обещала матери, что всегда буду опекать Френсис. И когда она в феврале мне сказала, что в конце июля или августе ждет ребенка, я не знала, как мне сдержать свой обет. Отец наш был суров и старомоден. Он бы от нее отрекся. Лесли отказался бы на ней жениться.

— Почему она не избавилась от ребенка?

Мисс Траб была шокирована.

— Ужасная мысль! Знаю, часто так делают, но я боялась, что она может умереть или будет искалечена на всю жизнь. Ведь в то время ни один порядочный врач ей бы не помог, не так ли?

Вместо ответа Мевис спросила:

— Вы знали, что отец — Лесли?

— О да. Она мне сказала. И я пыталась усювестить его, но безуспешно. И тогда мы вдвоем поехали в Конингтон. Вы уже знаете, что там произошло.

— Да. Здорово она вас отблагодарила!

Мисс Траб вздохнула.

— Полагаю, это он ее подговорил. Френсис — натура слабохарактерная, была растеряна и беспомощна. Не думаю, что она была способна придумать такой план. Он знал нас обоих очень хорошо. Ужасный человек!

— Это она была ужасной! — возмущенно воскликнула Мевис.— И вдобавок вы еще забрали ребенка!

Судорога боли пролетела по бледному лицу мисс Траб.

— Колин никогда меня не любил,— спокойно ответила она.— Я долго не могла в это поверить, но теперь убедилась. Френсис была красивее меня. Я надеялась, что он будет мне доверять и дождетя объяснений. Когда он поверил в самое худшее, я была поражена и разочарована. А когда он на ней женился,

стало еще хуже, но одновременно это сделало невозможным ее разоблачение. Видите, я все еще его любила, как я могла разрушить его счастье?

Глаза Мевис наполнились слезами. Мисс Траб ласково погладила ее по руке.

— Я была рада, что у меня есть Том,— продолжала она.— Знала, что уже никогда никого не полюблю, что не выйду замуж и не заведу собственных детей. Видимо, я столь же старомодна, как и мой отец.

— И вы взяли на себя вину за его смерть,— сознательно взорвалась Мевис,— зная, что это сделала ваша сестра?

Мисс Траб понурила голову.

— Она приходила ко мне за несколько дней до того, как он... как он умер. Сказала, что она в отчаянии. Лесли вымогал у нее деньги, угрожая, что все расскажет Колину. Шантажировал ее со дня рождения ребенка. Вначале она платила, чтобы он не говорил отцу, который лишил бы ее наследства, как меня. Тогда могла платить, потому что в армии получала неплохо. Но когда вышла за Колина, ситуация ухудшилась. Сказала, что пришла ко мне, потому что отец умер и она унаследует все, но нужно время, пока завещание вступит в силу, а Лесли ждать не хочет. Я ей сказала, что лучше признаться Колину и покончить с этим раз и навсегда. Или идти в полицию. Я даже сказала, что могу сама поговорить с Колином, чтобы защитить ее от шантажиста. Втолковывала ей, что она теперь богата и что его угрозы — это блеф. Подождет он денег, шантажисты всегда ждут. Она очень на меня разозлилась и ушла. Том погиб через три дня.

— Она убила собственного ребенка,— протянула Мевис.

— Это была моя вина,— сказала мисс Траб, чувствуя, как ее вновь охватывает прежнее отчаяние, после стольких лет заключения, сомнений, мук.— Я толкнула ее на это. И должна была понести кару. Все считали меня виновной. Даже если бы я заговорила, ничего бы против нее доказать не могли, но жизнь ее была бы разрушена, и жизнь Колина тоже, и их детей. Не могла я говорить, понимаете?

— Не было там вашей вины,— старалась успоко-

ить ее Мевис.— Но я пришла вас предупредить, поскольку полиция хочет найти убийцу Лесли, и если это была Френсис, то...

— Нет,— заявила мисс Траб,— это не Френсис.

— Откуда вы знаете?

Лицо мисс Траб приобрело вдруг какое-то странное отрешенное выражение. Мевис была потрясена и поражена.

— Откуда вы знаете? — громко и настойчиво повторила она.

— Вы им скажите, пусть расспросят Раймонда Торна. Я видела его вечером в воскресенье, когда вам так не повезло в Тилби. Скажите им, пусть спросят у него.

Она уставилась в пространство, понурая и замкнувшаяся в себе.

— Но... Но откуда вы знаете о нашей аварии? Кто вам сказал?

— Это было в газетах. Мне приносят газеты.

— Но тогда вы должны знать и о том, что мистер Торн исчез.

— Исчез?!

— Может быть, вы не сориентировались. Его фамилию не сообщали. Написали только «человек, который мог бы помочь следствию».

— Раймонд исчез? — Мисс Траб вернулась в нормальное состояние, но взгляд ее стал беспокоен.— Боже мой! Боже мой, что же такого я могла сказать?

Через три дня мальчик, возвращавшийся с приятелями из школы через Уимблдонские болота, нашел Раймонда Торна.

На ходу они перебрасывались мячом, который, отлетев от рук самого младшего, укатился в кусты, росшие в стороне от тропинки. Тот кинулся за ним и тут же примчался обратно, громко плача от испуга.

Тело Раймонда Торна представляло жутковатое зрелище. Наполовину прикрытое опавшими листьями, оно было в состоянии далеко зашедшего разложения.

Старший из мальчиков вошел в кусты и вернулся с

позеленевшим лицом. Младший дрожал и плакал. Но они не растерялись. Правда, ни один из них не согласился остаться сторожить в наступавших сумерках, но они детально пометили место и все вместе отправились в полицию. Тело забрали и отвезли в морг.

Нелегко было установить прежде всего причину смерти. Полицейский врач заключил, что бедняга пролежал там не меньше двух недель. Погода стояла дождливая и теплая для ноября. Торн распух и ткани уже распадались.

— Вы можете нам сообщить дату смерти? — спросил инспектор Браун.

— Точно — нет. Около четырнадцати дней.

— Был ли он еще жив в позапрошлом воскресенье?

— Речь идет о том, — уточнил инспектор Митчел, вошедший в морг, — мог ли он убить Лесли Кука?

— Может быть, и мог. Но я просто не знаю.

— А мог Кук его убить?

Врач покачал головой.

— Ваши расспросы не имеют смысла. Могу только сказать, что в то воскресенье он предположительно еще жил. Сейчас могу лишь утверждать, что умер он не от болезни, хотя до полного здоровья ему было далеко. Возможно, его задушили. То, что осталось от легких и гортани, не позволяет сделать точных выводов. Кости гортани не нарушены, но при такой толщине жирового слоя они могли и не пострадать при удушении. Мог принять и какой-то яд. Нужно подождать результаты анализов.

Долго ждать инспектору Брауну не пришлось. На следующий день Рэй прочитал в газетах о смерти Торна и передал полиции информацию, полученную Мевис. Инспектор сообщил об этом Митчелу, а тот поехал в клинику к доктору Бауэру.

— Надеюсь, вы наконец согласитесь сотрудничать с нами, — заметил он, рассказав врачу, что произошло. — Из того, что она рассказывала миссис Холмс, мы по крайней мере знаем, что она виделась с Торном в то воскресенье вечером, уже после смерти Лесли Кука.

— Я очень сожалею, — заметил доктор Бауэр, на миг утратив свое привычное самообладание. — Вы же

знаете, она пришла к нам добровольно. А вчера покинула клинику.

— Почему же вы не сообщили об этом? — рявкнул инспектор.

— До сих пор я не имел возможности. А вы прояснили ситуацию.

— Я говорю насчет вчерашнего дня. Вчерашнего. Почему вы не уведомили нас сразу после ее ухода?

— А вы никогда об этом не просили. А если бы и просили, я бы не согласился. Полиция должна сама делать свою работу. Это не психушка для маньяков-преступников, чтобы там не значилось в бумагах мисс Траб. И мое дело лечить пациентов, а не шпионить за ними.

Они неприязненно уставились друг на друга. Инспектор Митчел постарался проглотить слова, которые так и просились на язык.

— Куда она пошла? — резко спросил он. — Какой адрес?

— Она не оставила нового адреса. Сказала, что ее можно будет найти по старому.

— То есть?

— Сэндфилдс-авеню, двадцать шесть, — прочитал доктор на карточке мисс Траб.

— Но ведь это адрес Холмсов! — гневно вскричал инспектор. — Не могла она пойти туда.

— Я не вижу в этом ничего невозможного, — слегка усмехнулся доктор Бауэр. — С медицинской точки зрения мисс Траб ничего не грозит, а теперь, когда те двое мертвы...

Но инспектор был уже в дверях, так что врач не считал нужным закончить фразу.

Глава 16

— У меня для вас сюрприз, — сказал Уоррингтон-Рив.

Рэй ждал. Он быстро понял, что терпение окупуется.

— Мисс Траб вернулась на работу в конторе Филпота, — сообщил адвокат.

— Чтоб меня черти взяли! — Это был действительно сюрприз. — Откуда вы знаете?

— Филпот позвонил мне сегодня утром. Не только приступила к работе, но миссис Филпот временно отвела ей комнату в их квартире.

— А... а Скотланд-Ярд? — выдавил ошеломленный Рэй. — Судя по тому, что говорили, получалось, что она исчезла, поскольку сказала Мевис, что встречалась с Торном в тот вечер, когда убили Лесли, и что, возможно, она прикончила обоих.

— Похоже, эту версию пока положили под сукно, разве что Митчел держит что-то за пазухой. Не рассчитываю, что он будет рассказывать, что делает или чего добился. Убийство Кука и смерть Торна — не мое дело. Единственная информация, которой он поделился, касается прошлого — чей это был ребенок.

— Но разве это что-то меняет в деле о самом убийстве? Вы всегда говорили, что нет.

— Это всего лишь раскрыло наконец повод для желаний Френсис избавиться от ребенка: избавиться от шантажа. Единственный тут прокол — тот факт, что Френсис не было в Конингтоне в ту ночь, когда умер ребенок. Была у себя дома, и есть свидетели. Как я уже говорил вам, это никогда не подвергалось сомнению. С Колином — другое дело.

— Но ведь миссис Огден не узнала его на фотографии!

— К сожалению, нет. Так что на сегодня у нас нет ничего, что подтверждало бы нашу теорию «парня в голубой пижаме».

— Зато она сразу опознала Лесли, правда? То есть сказала, что его лицо когда-то видела.

— Нет. Это еще одно разочарование. Я ошибся с тем старым снимком — случайно это оказалось фото Стивена Кука, а не Лесли. Между ними есть отчетливое семейное сходство. Я о том довоенном снимке на поле для гольфа.

— А не об армейском?

Но Уоррингтон-Рив уже не слушал.

— Гольф! — воскликнул он. — Оба Кука играли в гольф!

Рэй ничего не понимал.

— Что тут общего с миссис Огден? — спросил он.— И вообще, почему она узнала Стивена?

— Дорогой мальчик, подумай немного. Видела она его не один раз. На процессе, перед этим у коронера при установлении причин смерти. Собственно, с самого начала.

— Но вы же спрашивали, не был ли человек на снимке у нее в доме.

— Вероятно, был, в самом начале.

— Чтобы встретиться с Элен? Разве она не сидела в тюрьме?

— Кук был поверенным в делах ее семьи,— ответил Уоррингтон-Рив и задумался.— Интересно, ездил ли он к ней после смерти ее отца. Это весьма правдоподобно, если только ему удалось добыть у Френсис адрес. Да, вполне возможно,— повторил он.— Мог поехать, чтобы деликатно уведомить, что ее лишили наследства. Я его спрошу.

В Скотланд-Ярде инспектор Митчел штудировал рапорт медэксперта о результатах вскрытия тела Раймонда Торна.

— Смерть в результате отравления. Смертельная доза барбитуратов. Нет еще никаких данных, как он их получил? Хотя самоубийство кажется весьма неправдоподобным в середине ноября под кустами на болотах.

— Верно,— подтвердил инспектор Браун, переходя к докладу.— Торн никогда не лечился ни у одного врача в нашем районе. Ни одна аптека не готовила ему порошков по какому-нибудь рецепту. Если уж зашла речь об этом, доктор Эверетт, врач мисс Траб, дал ей слабенькие таблетки, содержащие аспирин, кодеин и какой-то препарат брома. Значит, у нее запаса барбитуратов не было. Доктор Бауэр из клиники утверждает, что лекарства пациентам дают только сестры, которые следят, чтобы те их тут же принимали. И в их клинике нельзя создать запас лекарств.

— Так что, видимо, Траб не входит в расчет, если речь идет о Торне. А миссис Мидоус?

— У нее было время, чтобы поехать в Лондон после моего визита к ним на той неделе,— докладывал в

свою очередь инспектор Фрост.— У нее было достаточно времени. И она регулярно принимает барбитураты, страдая бессонницей. Но ее лекарства слабые. Нужно проглотить их уйму, чтобы добиться смертельного результата. Не могу себе представить, как можно было заставить Торна принять все это.

— Он много пил. Если был под хмельком, мог не заметить, что ему подали, а алкоголь усилил реакцию.

— Возможно. А мотивы?

— Когда Торн встретил мисс Траб, он должен был сообщить об этом Куку. В противном случае я не понимаю, как Лесли узнал, где она живет. Торн, возможно, торговал информацией — последнее время он почти не писал картин и его средства были исчерпаны. Если Френсис убила Кука, Торн становился вдвое опаснее и его тоже пришлось устранить.

— Ну ладно, пусть она убила Кука. Но как?

Все помолчали. Потом Митчел спросил:

— А что нового в Уэйфорде?

— Ничего,— ответил Фрост.— В то утро, когда убили Кука, она взяла машину. Поблизости от дорожки никаких следов нет. Колин Мидоус ездил на мотоцикле — тоже нигде нет следов. То, что говорил Холмс, ничего не дает. Все дорожки поблизости от гольф-клуба узкие и грязные, на обочинах живые изгороди заросли ежевикой.

— Но ни у кого из Мидоусов нет удовлетворительного алиби?

— Верно.

— А когда вы были у них, Колина не было дома?

— Нет.

— Но потом он вернулся?

— Не настолько поздно, чтобы не мог еще попасть в Лондон, скажем, в десять вечера.

— И все еще ни следа оружия преступления? — спросил Митчел, чтобы переменить тему, которая зашла в тупик.

— Нет. Несколько раз мы прочесали всю местность, и еще раз обыскали дно реки. Но оно может еще где-то там лежать, в гуще кустов или в воде. Так проще всего от него избавиться.

— Разве что у кого-то хватило ума сообразить, что

местность будет обыскана, и забрать этот предмет до- мой.

— Там было море крови,— заметил Фрост.

— Можно было отмыть ее в реке.

— Мы думали об этом, когда искали следы на бе- регу. Но не нашли места, достаточно близкого к воде, чтобы можно было наклониться и что-то вымыть, на- пример, палку. Тем более, не одежду и не башмаки, которые наверняка должны быть забрызганы кровью. Особенно старательно искали мы следы крови на земле и следы ног возле тела, но ничего там не было, кроме отпечатков ног Рэя и Мевис Холмс. Если речь идет о возможности смыть кровь, то вода действи- тельно стояла высоко и течение было сильным, но берег слишком крут, за исключением одного места у моста, но и там до воды далеко. Как видите, в обоих случаях вода была недосыгаема.

— Вы сказали, там не было следов ног?

— Нет. Я сказал, там не было следов, где была бы заметна кровь. На берегу следов хватало: Холмсов, де- твторы и прочие, в основном резиновых сапог. Это не исключает ни миссис Мидоус, ни ее мужа. У них обо- их такие. А у нее есть пара сапог, которые она носила еще в армии для езды на мотоцикле, и до сих пор ими для этого пользуется.

— Вы осмотрели их обувь? Она была сухой или мокрой?

— Мокрой и грязной. Оба заявили, что каждый день в ней работают в саду.

— Так мы не можем исключить ни одного из Ми- доусов.

— И мисс Траб тоже.

— Ну, тут я сомневаюсь,— заметил Митчел.— Не стоит забивать ей голову. Она кажется достаточно уверенной в себе, раз покинула клинику и вернулась на работу. Я написал ей через Холмсов, что не стоит скрываться, чтобы мы не сделали соответствующих выводов, и она на другой день прислала мне свой но- вый адрес. Так что давайте пока оставим ее в покое.

— И что мы будем делать? — спросил инспектор Браун.— Ждать, пока что-нибудь само свалится нам в руки?

— Нет, мы не будем только ждать,— ответил Митчел.— Прежде всего и впредь будем заниматься последними выплатами, которые получил Лесли. Приписать их Мидоусам не можем, но должны выяснить их происхождение. Предлагаю обратиться за помощью к Стивену Куку. Он пытается привести в порядок дела кузена и может там найти что-то такое, что наведет на след. А кроме того, мне кажется, я знаю, где мы найдем предмет, которым был убит Лесли. Если нам повезет, то удастся доказать, что был использован именно он, что приведет нас прямо к той особе, которую мы ищем. Полагаю, как раз этим мы сейчас и займемся.

Разговор этот состоялся в Скотланд-Ярде в пятницу. На следующее утро за завтраком в доме супругов Филпотов мисс Траб сообщила, что намеревается поехать в Уэйфорд навестить сестру.

Филпоты ничего не слышали о последних событиях. Мисс Траб тоже не знала, что ее шеф выступил на ее стороне, и попросту обратилась к нему с просьбой разрешить ей вернуться на работу, поскольку чувствует она себя гораздо лучше. Мистер Филпот согласился и, позвонив жене, предложил, чтобы мисс Траб пока остановилась у них. Никто из них не видел в этом ничего неприличного, хотя часть сотрудников была поражена и дезориентирована. Но мисс Траб любили, пока газеты шумихой вокруг этого дела не возбудили в них сомнений, а поскольку она казалась такой же, как прежде, к концу недели все пришло в норму.

Так же было и дома у мистера Филпота. Жена была удивлена, несколько встревожена, но склонна оказывать любезность. В субботу утром она уже была явно дружественно настроена.

— Вы можете поехать автобусом «Гринлайн»,— заметила она, вставая из-за стола, чтобы найти расписание.— Вероятно, вы захотите позвонить сестре и сообщить, когда вас ждать?

Мисс Траб поблагодарила за расписание, но телефоном не воспользовалась.

Прибыла она в Уэйфорд около часу и съела ланч в маленькой чайной в предместье, поблизости от автостанции. До Даунсайда, дома сестры, дошла пешком и была там в начале третьего. С удовлетворением заметила, что машины нет — видимо, Колин поехал в клуб. Помнила, что он всегда играет в гольф в субботу после ланча.

Когда Элен тихо вошла, миссис Мидоус полулежала на софе в гостиной, читая какой-то журнал. Появление сестры настолько ее потрясло, что не могла двинуться с места и замерла с побелевшим лицом, вытаращив глаза и разинув рот.

Мисс Траб подошла к ней, подняла выпавший из рук журнал и пригляделась к сестре.

— Ну что же, Френсис,— сказала она,— все кончилось и нельзя дальше притворяться.

— Не понимаю,— шепнула миссис Мидоус.

Мисс Траб сделала нетерпеливый жест, и Френсис скорчилась, поднеся руку к горлу.

— О нет, ты прекрасно понимаешь,— сурово бросила мисс Траб.

Она повернулась, придвинула кресло и села.

— Стало известно, что ты была матерью Тома. Они нашли акушерку — сестру Уолтерс — в Канаде. И догадались, что отцом был Лесли.

Миссис Мидоус вскрикнула. Это разъярило ее сестру.

— Нужно было делать, как я тебе говорила с самого начала,— гневно заявила она.— Тебе мало было, что я взяла на себя весь стыд и всю ответственность за Тома? Мало, что отец отвернулся от меня и что я лишилась всех друзей? Мало, что сделала все это для тебя и никогда не разоблачала твоих мерзких обманов и предательств, и жульничества с метрикой? Какое бы имело значение, узнай Колин? Вы были супругами, не так ли? Никто чужой бы ничего не знал. Никто бы не поверил, даже распусти Лесли любую сплетню. Но он и этого не сделал бы. Ты его знала, знала, что он — пустое место.

— Нет, не знала. Это началось еще до того, как Колин сделал мне предложение. И ты сама знаешь, что так было.

— Могла покончить с этим позднее. Я тебе говорила, что делать.

— О да, ты всегда все знала лучше всех! — крикнула Френсис. — Меня уже тошнило от твоих добрых советов! Ты всегда была права, ты всегда меня поучала. Потому я так и поступала все время. Чтобы хоть немного отыграться. И отыгралась.

— И для этого убила своего сына? — сурово спросила мисс Траб.

У Френсис перехватило дыхание.

— Я его убила? Ты с ума сошла! Как ты смеешь! Как смеешь! — Ее голос сорвался от ярости и страха. — Ты же знаешь, что это не я! Должна знать! Знаешь, что ты сама это сделала!

— Даже сейчас, — с отчаянием произнесла мисс Траб, — даже сейчас ты не хочешь сознаться. Даже сейчас, когда полиция идет за тобой по пятам.

— Но это не я! — завизжала Френсис, вскочив на ноги. — Не я! Не я! И могу доказать это. И докажу! Я была тут, дома, в Уэйфорде. Ты же слышала мои показания. Это тебе пора признаться!

— Все эти годы, — простонала Элен с лицом, залитым слезами, — все это время ты считала меня виновной! И обманщицей! Пусть тебя Господь за это простит!

— А что же еще я могла думать? А что ты обо мне думала!

Мисс Траб закрыла лицо руками. Френсис кинулась к ней.

— Элен! Элен, мне так жаль! Знаю, это подло, то, что я сделала, и что говорила в суде. Но я не была неблагодарной. Поступала плохо, но сожалела об этом. Только я думала, что ты его убила, и это перечеркнуло все, что ты для меня сделала. Я тогда решила, что больше ничего тебе не должна. Ты была ничем не лучше меня. Нет, хуже! Гораздо хуже! Потому я так и вела себя на суде.

Мисс Траб достала платок и утерла глаза. Обняла сестру, притянув ее к себе.

— Бедная Френсис. Обе мы сошли с ума. Значит, это была не ты. Видимо, я должна в это поверить...

— Да, да! Ты должна поверить!

— Ты не убивала Тома, сознательно позволяя, чтобы меня признали виновной.

— Я боялась, что толкнула тебя на это, но считала, что ты в самом деле виновна.

— Это потрясение,— с тяжелым вздохом сказала мисс Траб,— превосходит мои силы.

Френсис отодвинулась и встала с колен, снова сев на софу. Наконец она поверила, что сестра говорит правду, но одновременно продолжала считать, что та психически нездорова.

— Значит, это был Лесли? — без особой убежденности спросила она.

— Лесли — убийца? О нет, наверняка нет. Ребенка убили, чтобы уничтожить власть Лесли и устранить меня. Если бы меня повесили — конец шантажу. Ведь никто тебя не шантажировал, пока я была в тюрьме, правда? Минутная шумиха — и все его угрозы уже не имели значения. Все осталось для тебя позади. Но когда меня освободили — совсем другое дело. Возникла совершенно новая ситуация. Возник бы новый грандиозный скандал, выйди факты наружу. Клятвопреступничество то, что ты позволила мне страдать за тебя! Достойные уважения порядочные граждане и мать внебрачного ребенка! Можно было раскрутить шантаж как следует, и я уверена, что Лесли это сделал!

— О да, он так и сделал,— подтвердила с горечью Френсис.

— Этого я и боялась и потому старалась скрывать от вас, что меня освободили.

— Ты же могла сменить фамилию. Почему ты не вернула себе свое настоящее имя?

— Я поклялась, что этого не сделаю, пока не смогу носить его без стыда,— гордо заявила мисс Траб.— Это было бы к тому же обманом в отношении мистера Филпота, ну и мне нужно было отмечаться в полиции. А люди все забыли. Столько молодых людей вообще никогда обо мне не слышали...

— Но Лесли слышал. О, в нем можно было не сомневаться.

— Никогда бы он не узнал, не встретить меня Раймонд. Ведь это просто роковое совпадение, что я по-

селилась в том же районе, что и он. Он и сказал Лесли.

— И все началось снова. Мучения. Страх. Необходимость добывать деньги, да так, чтобы никто не знал. Видишь, я не могла. Постоянно откладывала.

— Ты хочешь сказать, что ничего не платила с того момента, как он начал шантажировать опять?

— Нет. Говорю тебе, приходилось как-то выкручиваться. И еще скрывать все это перед Колином...

— Но Колин уже знал,— заметила мисс Траб.

— Да. Все это время знал,— повторил как эхо Колин, стоявший у дверей.

Глава 17

Первое, что сделал мистер Филпот в то утро, придя в контору,— позвонил Уоррингтон-Риву.

— Меня не было в Лондоне,— пояснил он,— я только что вернулся. Потому не мог раньше связаться с вами. Хотел бы пересказать вам результаты моих розысков в Конингтоне. Вы приедете ко мне или я к вам?

— Сейчас я очень занят, но через полчаса освобожусь.

— Тогда я к вам приеду.

После сердечных приветствий мистер Филпот, не теряя времени, перешел к делу.

— Некая Элен Траб работала на фабрике в феврале 1940 года. Некая Элен Траб работала в административном отделе другой фабрики с июля того самого года до момента ареста. Но была еще одна Элен Траб, работавшая на другой военной фабрике с апреля до конца мая 1940 года, когда уволилась из-за большого срока беременности. Могу сообщить полиции более точные даты. Как я уже говорил Рэю, у меня есть контакты с несколькими фирмами в Конингтоне, и я лично знаком с директорами. Их заинтересовало, что когда-то у них работала экс-убийца, и они охотно подняли архивы военного времени.

— В одном случае документов не оказалось,— заметил адвокат.

— Бомбежки,— коротко пояснил мистер Фил-

пот.— В конце года часть здания сгорела. Некоторые документы погибли, но не все.

— Обратите внимание, что по-прежнему фигурирует та же схема,— заметил Уоррингтон-Рив.— Подставляет имя Элен вместо Френсис. Это кажется очевидным, и должно было броситься в глаза еще тогда. Заставляет задуматься, почему же мы ничего не знали.

Он умолк, неподвижно уставившись в окно, как обычно, когда был всерьез обеспокоен.

— Полагаю, это случилось в результате слишком большой нагрузки,— успокаивающе заметил мистер Филпот.— Полагаю, что поверенный в делах не имел достаточно людей, что было вполне естественно в то время.

— Да откуда! Стивен был еще молодым человеком, непригодным по здоровью к воинской службе. Кажется, что-то с легкими. В его адвокатской фирме тогда были еще двое старших партнеров.

— Знаю, Симмондс и Симмондс. Вы говорите — были?

— Вот именно. Симмондс — старший отошел от дел еще во время войны. Его уже нет в живых. Его сын вышел на пенсию в прошлом году или в позапрошлом — не помню точно.

— Вы хотите сказать, что он не пригласил других партнеров? И не сделал этого еще вместе с младшим Симмондсом? Хотя Кук не блещет здоровьем?

— Знаете, я никогда над этим не задумывался.

— А вы не полагаете, что стоило бы?

Они многозначительно переглянулись.

— Да,— протянул адвокат,— понимаю, что вы имеете в виду.

Он что-то пометил в блокноте.

— И еще одно,— заметил мистер Филпот.— Вы должны знать, что мисс Траб собирается сегодня в Уэйфорд, чтобы встретиться с сестрой. Работу она кончает в двенадцать и будет там где-то после обеда. У меня такое впечатление, что она знает не меньше нас, а возможно, и гораздо больше.

Когда Филпот вышел, Уоррингтон-Рив несколько минут сидел неподвижно, глядя в окно. Потом резко развернулся к столу.

— Я глупец! — в голос заявил он. — Беспредельный абсолютный идиот! И заслуживаю, чтобы меня выгнали из адвокатуры.

В кабинет заглянул клерк.

— Вы меня вызывали, сэр? `

— Да. Соедини меня со Скотланд-Ярдом. И позвони с другого аппарата миссис Холмс и попроси ее от моего имени, чтобы они с мужем были готовы ровно в час. Поедем в Уэйфорд.

— Куда мы едем? — спросила Мевис, сидевшая рядом с Уоррингтон-Ривом в мчащемся по шоссе «ягуаре».

— Прежде всего в дом Лесли Кука, чтобы встретиться со вдовой, если та захочет нас принять.

— Не думаю, что она будет дома, — вмешался сидевший позади Рэй. — Мистер Кук говорил, что она не расстается с его женой, и это его просто бесит, правда?

— Верно, Рэй. Я должен был про это помнить. Но что поделаешь, старость — не радость.

Мевис рассмеялась. Он так не походил на старика, несмотря на седину.

— Я бы о вас такого не сказала, — заверила она, удивляясь сама своему фамильярному тону.

— Это очень мило с вашей стороны, — улыбнулся он в ответ, не отрывая взгляда от шоссе. — Как я уже говорил, — начал он после паузы, — прежде всего нам нужно увидеться с женой Лесли и убедить ее поговорить с нами. А потом так быстро, как это только будет возможно, нужно разыскать мисс Траб. И дай Бог, чтобы мы успели вовремя.

— Почему?

— Знай я это, не спешил бы так.

После этого загадочного ответа адвокат умолк и не произнес больше ни слова, пока они не подъехали к дому в южной части Уэйфорда.

В доме никого не было. Несколько минут они звонили и стучали, а потом прекратили попытки и вернулись в машину.

— Ты был прав, Рэй. Попробуем у Стивена.

Там им повезло больше. Миссис Стивен Кук была дома и с ней — жена Лесли. Гостей пригласили войти. Мевис, оглядевшись, подумала, что там достаточно скромно по сравнению с домом Мидоусов.

— Прошу простить, что беспокою вас в субботу, — начал Уоррингтон-Рив, — особенно когда так недавно вас постигло несчастье...

В нескольких словах пояснив, кем он является, представил Мевис и Рэя. Женщины обменялись поклонами. Одна из них, в глубоком трауре, приложила к глазам платочек, другая гладила ей руку.

— Я убежден, — продолжал адвокат, — что вы понимаете, как важно для нас все, что касается той подделанной карты, присланной присутствующему здесь мистеру Холмсу в письме мистера Бредли. Это должно быть связано с ликвидацией предостерегающего о закрытии дороги плаката, что несомненно сыграло важную роль в том ужасном происшествии. Если не ошибаюсь, вы не могли точно сказать полиции, когда отправили письмо, правда?

Вдова отрицательно покачала головой.

— Старалась припомнить, но была слишком потрясена. Еще сейчас у меня туман в голове...

— Письмо? — встрепенулась другая миссис Кук. — Ты мне никогда не говорила ни про какое письмо.

— Правда? Может быть, и не вспоминала. Не думала, что это имеет значение. Френсис Мидоус просила меня, чтобы я его отправила. Помню, что бросила его в сумочку, но ничего больше припомнить не могу.

— Когда это было?

Она начала припоминать всякие мелочи. Продолжалось это довольно долго, и гости из Лондона, внешне спокойные, сидели как на раскаленных углях.

Наконец закончили и Уоррингтон-Рив подвел итоги.

— Вы пришли сюда прямо от Мидоусов. Письмо было у вас в сумке и ее вы оставили на столе в прихожей, идя в кухню. Там вы немного помогли хозяйке, потом выпили чаю и пошли домой. Не помните, когда бросили письмо в почтовый ящик, но когда на следующий день открыли сумочку, зайдя за покупками, письма там уже быть не могло.

Обе женщины согласно кивнули.

— Я уже думала про это письмо,— заговорила жена Лесли.— Все время думала, зачем Колин задержал его до следующего дня.

— Френсис тоже была не лучше,— заметила жена Стивена.— Похоже, они оба повели себя безответственно. Да и ты,— добавила она, повернувшись к приятельнице,— не блеснула.

Воцарилось неловкое молчание.

Потом гости встали и распрощались. Когда машина тронулась, Мевис вдруг крикнула:

— Стойте! Посмотрите! Вон там!

«Ягуар» резко затормозил.

— Где? В чем дело?

— Нет, ничего, поезжайте. Его уже нет.

— Что, черт побери...

— Поезжайте! Я потом объясню.

Когда машина медленно тронулась вперед, Мевис пояснила причину своего переполоха.

— Какой-то мужчина стоял за кустами у ворот. В сером плаще и мягкой шляпе. Это был тот самый человек, которого я видела в парке, когда мисс Траб забрала Джой. Я абсолютно уверена, что это тот самый!

— Вы узнали его лицо?

— Не видела лица ни тогда, ни сейчас. Но одет был точно так же.

— Так одета половина мужчин,— хмыкнул Рэй.

— Речь идет о том, что он так же прятался,— ответила Мевис.— Может, я и глупая...

— Нет,— возразил Уоррингтон-Рив.— Я уверен, что нет. Вы полагаете, это кто-то из ваших знакомых?

— Пожалуй, нет. Впрочем, не знаю.

— Мог это быть Колин Мидоус? Вы его видели, правда?

— Ну что же, он того же роста. Ох, не знаю... Забудьте об этом. Мне стыдно, что я так перепугалась.

— Вам нечего стыдиться,— заверил Уоррингтон-Рив.— Возможно, вы добавили в нашу цепочку еще одно очень важное звено. Который час?

— Половина третьего,— ответил Рэй.

У женщин перехватило дыхание. Инстинктивно они прижались друг к другу, сцепляя руки.

— Колин все знал с самого начала,— после паузы заговорила мисс Траб,— или почти с начала. Раймонд ему сказал. Разве не так, Колин?

— Именно так,— кивнул он. Медленно прошел в комнату, расстегнул серый плащ и сел, закурив, а две женщины уставились на него, онемев от потрясения.

Френсис была дрожь.

— И ты знал, когда... когда женился на мне?

— О да, знал.

— Тогда почему! Почему не...— она не могла договорить.

— Скажи ей, почему, Колин,— велела мисс Траб.— Расскажи ей о своей роковой ошибке.

Колин вздрогнул, услышав, с какой горечью были произнесены эти слова, но продолжал молчать, избегая взглядов обеих женщин.

— Вижу, мне придется это сделать самой,— продолжала мисс Траб, прижимая Френсис к себе, словно пытаясь защитить.— Колин был вне себя от злости, что я покинула Уэйфорд и хотела, чтобы он слепо мне верил. Он счел, что ты сказала правду, когда заявила, что я жду ребенка. Был потрясен. И знаешь, почему?

— Потому что любил тебя,— шепнула Френсис, прижавшись лицом к сестре.

— О нет, не потому. Нет, никогда он не любил меня. Не любил ни одну из нас. Разве не так, Колин?

Ответа по-прежнему не было.

— Он любил фирму и положение, которого хотел достигнуть. Когда решил, что у меня будет ребенок, занялся тобой. Предпочел бы меня, поскольку я знала наше предприятие как свои пять пальцев и могла быть ему более полезна. Потому и был так зол на меня, что даже не потрудился проверить, не врешь ли ты. И это оказалось его роковой ошибкой. Поскольку, когда вы обручились вскоре после рождения Тома, Раймонд открыл ему правду, и даже то, что отец ребенка — Лесли.

— О, нет! — простонала Френсис.

— Вот видишь, — спокойно продолжала Элен, — тут ему пришлось скрывать правду от нашего отца. В противном случае не меня, а тебя бы тот лишил наследства, а я бы заняла прежнее место рядом с отцом. Но шанс жениться на мне он уже потерял. По крайней мере, так тогда он думал.

— Ты слишком уверена, что знаешь все мои мысли, — вспыхнул Колин. — Всегда была заумной идиоткой.

— Так я не должна была платить Лесли? — спросила Френсис.

Сестра с сожалением взглянула на нее.

— Разве я не умоляла тебя все рассказать Колину? Причем еще до того, как я узнала об этой отвратительной истории.

Колин впервые взглянул на нее.

— Если уж об этом зашла речь, — вмешался он, — когда ты, собственно, узнала? И как?

— Когда Лесли пришел ко мне на Сэндфилдс-авеню, после того, как узнал от Раймонда, где я живу.

— Но еще раньше Лесли снова пришел ко мне за деньгами! — воскликнула Френсис.

— Этот мерзавец пытался шантажировать нас обоих, — коротко хохотнул Колин. — Все это время. Но я никогда не давал ему ни пенса.

— Но зато ты убил Тома, — спокойно заметила мисс Траб, — надеясь, что тем самым убьешь меня.

Колин встал и потянулся.

— Лесли был полон идей, — заметил он, — в тот вечер, когда ты открыла газ.

— Откуда ты знаешь, в какой день он был у меня? — спросила она, зная ответ. — И тем более, в какое время?

Он снова рассмеялся.

— Лесли мертв, — бросил он. — Торн тоже. А ты ненормальная. И самое время, чтобы врачи это подтвердили. Разве не так, Френсис?

— Нет, — шепнула та дрожащими губами.

Это его смутило — ведь Колин знал, что она всегда верила в вину Элен.

— Она никогда не была ненормальной, — продол-

жала Френсис.— Теперь я это понимаю. Полагала, что это сделала я и страдала ради меня. И на твое счастье. Я знала, что ты меня не любишь. Полагала, что из-за нее, и потому ревновала. Но я думала, ты хороший человек и после Лесли была просто счастлива, что у меня есть ты. Как я была глупа!

— Ты всегда была глупа,— небрежно бросил Колин.— Обе вы одинаковы.

— Но я никогда бы не поверила, что ты убил Тома. Никогда — до сего момента.

Он нетерпеливо махнул рукой.

— А с чего вдруг теперь поверила? Ненормальная. Ты же знаешь, где я был в ту ночь, когда малыш умер. Знаешь так же хорошо, как и то, что ты сама была здесь, в Уэйфорде. После выписки из санатория я поехал на несколько дней к родителям, ты же знаешь.

— Знаю, что ты так утверждаешь. Но доказать не можешь. Их давно нет в живых.

Это снова потрясло его. Френсис вовсе не была той забитой душой, которой он ее считал.

— Если понадобится, найду способ доказать. Но не понадобится.

— Ты так уверен? — спросила мисс Траб, подойдя к окну.— Тебе придется поспешить — ведь они уже здесь.

— Кто?

Он встал с кресла, но не казался испуганным, только внимательным и настороженным.

— Можно войти? — спросил голос от дверей.

В комнату вошли Уоррингтон-Рив, Рэй и Мевис.

— Приношу извинения,— обратился адвокат к Френсис,— что мы вторглись в ваш дом. Но входные двери были так гостеприимно распахнуты... Добрый день, мисс Траб.

— Кто вы, черт возьми, такой? — спросил Колин.

Френсис не могла издать ни звука. Мисс Траб представила Рива Колину, потом подошла к Мевис и остановилась рядом.

— Мы, собственно, были у Куков,— сказал Уоррингтон-Рив,— пытались разузнать что-нибудь про карту, присланную Холмсам. Как вы, вероятно, знаете, поли-

ция больше интересуется, кто убил Лесли, я же хочу знать, кто пытался убить этих молодых людей.

— Понимаю,— ответил Колин. Похоже, он перестал возмущаться вторжением.— Должен сказать, что все... неприятности, которые с ними произошли, возникли по их собственной вине. Я потрудились лично сказать им об этом. Насколько я знаю, были и другие предостережения.

— Это был Раймонд,— заметила мисс Траб,— он мне говорил, что подкинул в коляску записку. Но из лучших побуждений.

— Неудачная идея,— продолжал Уоррингтон-Рив.— Но я уже обратил внимание, что все затеи этого преступника представляются мешаниной ловких замыслов и глупых действий. И последнее дело это подтверждает. Все зависело от замены карты, нарисованной Бредли. Вы, мистер Мидоус, имели все возможности это сделать.

— Разумеется,— беззаботно бросил Колин.— Но точно так же моя жена и, насколько я знаю, еще несколько человек. Наш инспектор Фрост весьма обстоятельно меня об этом расспрашивал.

— Вот именно. Вы продержали письмо с полудня до следующего утра. Вы вскрыли его над паром и вложили другую карту, которую сами нарисовали?

Колин презрительно покосился на него.

— Я этого не делал. Вы приехали из Лондона вместе с этой навязчивой парой, чтобы задать мне столь идиотский вопрос? Разумеется, я этого не делал.

— Разумеется. Миссис Мидоус, вы не заметили никаких следов, что письмо было вскрыто?

— Нет.

Она была напряжена до потери сознания, но уверена в себе — полная противоположность той растерянной и ничего не понимающей женщине, с которой они разговаривали в доме Куков.

— Почему бы вам не спросить Куков? — перебил Колин.— Мы не можем вам помочь.

— Я спрашивал их жен. Лесли, к сожалению, недосягаем.

— Но есть Стивен. Почему вы не спросите его? Ведь он подключил вас к этому делу с самого начала.

— Сколько я помню, они всегда были поверенными нашей семьи,— машинально вмешалась мисс Траб.— Со времен нашего деда.

— Это правда,— подтвердил Уоррингтон-Рив, после чего повернулся к Колину: — Действительно придется обратиться к Куку. Не могли бы вы мне сказать, где его найти? Дома его не было.

— В обычной ситуации он играл бы сейчас в гольф. Так же, как и я. Вероятно, он в клубе.

— Тут какое-то противоречие. Разве сейчас ненормальная ситуация? Почему он может быть в клубе и не играть?

— Будто вы не знаете! — взорвался Колин.— Перестаньте прикидываться! Вы не хуже меня знаете, что полдюжины детективов сидят там с утра и еще не закончили.

— Чего не закончили? — вскрикнула Френсис. Мисс Траб заломила руки. Кровь отхлынула от ее лица.

— Я вернулся домой, потому что не мог играть. Они в раздевалках. Не знаю, в чем дело, но нам не разрешили ни к чему прикасаться — ни к одежде, ни к ключкам,— пока они не закончат. Я и ушел.

— Кука видели?

— Нет.

— Но думаете, что он сейчас там?

— Откуда мне знать? Пойдите и проверьте.

— А вы не хотите сходить со мной?

— И не подумаю.

Зазвонил телефон. Френсис сняла трубку.

— Это тебя,— сказала она мужу.

Тот послушал, потом отложил трубку и повернулся к Уоррингтон-Риву. Он сильно побледнел, но голос не дрогнул.

— Я передумал, если вы не возражаете. Звонил какой-то надутый осел из Скотланд-Ярда. Хочет, чтобы я туда немедленно приехал. Интересно, что теперь они мне попытаются пришить.

Они молча вышли и вчетвером сели в «ягуар». Когда машина исчезла за домом, мисс Траб раскрыла объятия, и Френсис с тихим всхлипыванием прижалась к ней, обретя наконец прибежище любви, которое так давно утратила и которого ей так не доставало.

Глава 18

В гольф-клубе царил хаос. Члены клуба, вместо того чтобы сидеть в креслах, отдыхая после игры или просматривая журналы в ожидании запаздывающего партнера, стояли группками, разговаривая громко и сердито, но вместе с тем не без любопытства, о нашествии полиции и о том, что могло быть его причиной.

Старшие члены вспоминали какие-то старые, давно забытые скандалы, растрату клубных фондов кем-то из секретарей, арест бармена, который накануне вечером побил жену. Младших это не интересовало. Их интриговало присутствие Стивена Кука. Был ли он посвящен в тайну? Ждал, чтобы обвинять или защищать кого-то из присутствующих? Или просто ждал? В то утро он пришел пораньше, и убедившись, что не сможет взять клюшки, ушел. Вернулся в третьем часу и был взбешен, что все еще не сможет играть. Тут еще разнеслись слухи, что обыск как-то связан со смертью его кузена. Многие члены клуба считали, что это несколько неприлично с его стороны, сидеть так в углу, курить и обмениваться время от времени парой слов с подходившими знакомыми. Разве что он знал, что происходит, и принимал в этом участие.

В раздевалках явно искали какие-то улики. В шкафчике Лесли. Правда, Лесли последнее время редко бывал в клубе. Говорили, что он не уплатил взносы, хотя секретарь клуба отказался подтвердить это или опровергнуть.

Когда вошли Уоррингтон-Рив с Холмсами и Ми-доусом, наступила тишина. Все с любопытством уставились на них. Что это за люди с Колином? Для чего он их привел в такой неудачный момент? Ведь всего час назад взбешенный ушел домой.

Адвокат тут же заметил Кука и направился в его сторону. Рэй и Мевис шли за ним.

— Я надеялся вас тут найти,— сказал Рив.

Кук кивнул в знак приветствия и снял плащ и шляпу со стоявшего рядом кресла.

— Вы в курсе, о чем тут речь? — спросил Рэй, садясь.

— Собственно, нет. Надеюсь, что вы будете знать. Там Митчел с несколькими экспертами, и, разумеется, Фрост с Уиллисом. Меня просили остаться.— Он понизил голос.— Вижу, вы привели Колина.

— Да, застали его дома,— небрежно бросил Уоррингтон-Рив.— Я не уверен, не наблюдал ли он перед тем за вашим домом. Мевис показалось, что она узнала плащ какого-то мужчины, спрятавшегося у ворот. Точно как у вас,— добавил он, глядя на плащ, который Кук только что сдвинул с кресла.— И шляпа та же самая.

Кук рассмеялся.

— Вы говорите, узнала. А где она его видела до того?

— Когда мисс Траб похитила ребенка. Не помните такого инцидента?

— Ах я осел... Конечно, помню. Мы наконец что-то нащупали? И потому здесь полиция? Она уверена, что видела его? Серых плащей...

— Не продолжайте,— перебил Рив,— я знаю.

Он кивнул Рэю и Мевис, которые, брошенные Колином, деликатно стояли в сторонке.

— Присоединяйтесь и займите мистера Кука. Я иду в атаку на Скотланд-Ярд.

Он ушел прежде, чем Кук, уже привставший с кресла, смог хоть что-то сказать. Когда подошли Холмсы, вновь опустился в кресло и приветствовал их вымученной улыбкой.

У дверей раздевалки Рива задержал констебль.

— Туда нельзя,— решительно заявил он.

— Прошу доложить обо мне,— не менее решительно заявил адвокат.— Прошу передать инспектору Митчелу, что здесь мистер Колин Мидоус и что это я привел его из дома.

Констебль, колеблясь, взял протянутую ему визитку.

— На ней нет ни таинственного яда,— заверил Уоррингтон-Рив,— ни невидимого излучения. Прошу передать. Я пока буду отстаивать вход.

Констебль, обиженный, но убежденный, чуть приоткрыл дверь и громким шепотом позвал:

— Чарли!

Из щели ответили тем же шепотом:

— Чего тебе?

Визитка исчезла, и через минуту Чарли широко распахнул дверь.

— Прошу, входите.

Небольшое помещение было полно суетившихся мужчин, работавших конвейерным методом с клюшками для гольфа, сумками для клюшек и спортивными костюмами. Измеряли их, помечали, исследовали поверхности, обстоятельно изучали через лупу, посыпали порошком для снятия отпечатков пальцев, раскладывали на кучки, проверяли и наконец оставляли в покое.

Подошел Митчел.

— Скоро закончим,— сказал он.— И, кажется, мы его нашли.

— Кого?

— Человека, который убил Лесли Кука.

— Догадываюсь, что клюшкой для гольфа.

— Так мы и думаем.

— Мне это тоже пришло в голову. Таким образом, удар мог быть нанесен с некоторого расстояния, то есть на расстоянии длины клюшки, которую потом можно было обмыть, наклонившись над рекой и опустив в воду. Можно было безопасно спрятать, попросту положив в сумку.

— Вот именно. Но как всегда бывает, он совершил одну ошибку. На наше счастье.

Один из экспертов в белом халате, работавший с маленькой передвижной лабораторией, разложенной на скамье в углу комнаты, поднял голову и сообщил Митчелу:

— Та же самая группа крови. Это решает дело.

— Ну что же, позовем их сюда,— решил Митчел.

— Они в зале,— сообщил сержанту Уиллису инспектор Фрост.

— Чарли! Пойдешь со мной! — приказал констеблю сержант.

Они вышли и почти тут же вернулись с Колином и Стивеном Куком.

— Мистер Мидоус,— спросил инспектор,— вы играли в гольф в то утро, когда Лесли Кук был убит?

- Да.
- И закончили игру около полудня?
- В начале первого.
- Что вы сделали потом с клюшками?
- Убрал в мой шкаф в этой комнате и закрыл его.
- Вы уверены, что не взяли их с собой и не поехали на мотоцикле к реке?
- Этого я не делал.
- И спрятав мотоцикл, прошли берегом до самого моста и ждали там, спрятавшись в кустах?
- Разумеется, нет. Я поехал на мотоцикле прогуляться. Говорил это вам уже не раз.

Митчел протянул руку. Инспектор Фрост подал ему клюшку для гольфа. Клюшка была старого типа, с металлической головкой и стальной рукоятью.

— Это ваша клюшка, мистер Мидоус? Можете взять ее в руки и рассмотреть вблизи.

— Нет нужды. Да, это моя. Но я почти никогда ей не пользуюсь.

— Почти никогда не пользуетесь... А вы помните, когда воспользовались последний раз?

— Нет. Пожалуй, несколько лет назад. Я уже почти забыл, что она все еще у меня в сумке.

— Вы не использовали ее в воскресенье, чтобы разбить голову Лесли Куку?

Колин отшатнулся, тут же налетев на стоявшего прямо за ним Чарли.

— Вы с ума сошли! — выдавил он сдавленным голосом, еще сильнее побледнев.— Я не делал этого! Клянусь!

— Но на ручке клюшки кровь,— сказал Митчел.— Кровь той же самой группы, что и кровь Лесли Кука.

Колин пошатнулся. Уоррингтон-Рив взял его за плечо и подвел к креслу, на которое Мидоус рухнул, низко опустив голову.

— Мистер Кук,— обратился на этот раз Митчел к поверенному, наблюдавшему за этой сценой с озабоченной и серьезной миной.— Вы порою играете в гольф с мистером Мидоусом?

— Да. И довольно часто.

— Когда вы играли с ним в последний раз?

— Несколько дней назад, правда, Колин?

Мидоус не ответил.

— Вы не заметили случайно эту клюшку в его сумке?

— Не могу сказать. Но я никогда не обращаю внимания на чужие клюшки.

— Значит, вы можете только сказать нам, что часто играете с мистером Мидоусом?

— Вот именно.

— Мистер Кук, вы играли в гольф утром в воскресенье?

— Да, играл.

— В котором часу вы закончили игру?

— Около половины первого. Может быть, чуть позднее.

— Вы тогда видели мистера Мидоуса на поле для гольфа?

— Да. Он был в двух лунках от меня.

— Он утверждает, что закончил в двенадцать. Прошел ли он тогда мимо вас?

— М-да... Я потерял мяч, он мог тогда пройти мимо.

— Так вы не видели, как он проходил?

— Нет. Мой мяч улетел черт знает куда.

— Как долго задержались вы в клубе по окончании игры?

— Несколько минут.

— Играли вы один?

— Да. Я часто играю один.

— Мистер Мидоус входил в раздевалку, когда вы укладывали клюшки?

— Нет, пожалуй, нет. Я его не видел. Наверно, его не было в клубе.

— Вы поехали домой?

— Да. Моя жена должна примерно помнить, в котором часу я вернулся.

— В поисках мяча вы добрались до самой реки? К месту у моста?

Мидоус резко выпрямился. Уоррингтон-Рив положил руку ему на плечо.

Кук странно хохотнул.

— Это что, шутка? — спросил он.

— Нет, это не шутка. Вы пошли туда?

— Разумеется, нет.

— Вы ударили своего кузена, Лесли Кука, клюшкой, которую в свое время вынули из сумки мистера Мидоуса?

— Что это значит? — громко и агрессивно спросил Кук. — Рив, они что, не в своем уме? Колин только что признался. Посмотрите на него. Ведь уже доказали, что он это сделал. Почему его не арестуют? Для чего задают эти дурацкие вопросы?

— Нет, они в своем уме, — ответил адвокат. — Боюсь, что вы не оказались достаточно ловки, ни сейчас, ни тогда, давно.

Кук выпрямился. Он дрожал всем телом, в бешенстве скаля зубы. «Крыса, — подумал Уоррингтон-Рив, — но крыса, сражающаяся за свою жизнь. Еще могут быть проблемы».

— Я не убивал Лесли, — крикнул Стивен. — Вы сами говорили, что на клюшке кровь Колина.

— Да, — ответил Митчел, — на ручке его клюшки есть капли засохшей крови, но нет ни по бокам, ни на стенках его сумки. Это говорит о том, что когда клюшку укладывали в сумку, кровь уже засохла. В то же время на дне вашей сумки, мистер Кук, есть небольшие пятна крови, из чего можно сделать вывод, что клюшка была вложена в вашу сумку, когда кровь еще была свежей. Вы должны были побеспокоиться о том, чтобы вымыть оба конца клюшки. А может, это кровь с ваших рук или туфель, попавшая туда прежде чем вы обтерли их о траву, разыскивая пропавший мяч.

Кук еще не сдавался, не мог поверить, что его великолепный план рухнул. Ужасающее сознание окончательного поражения заставляло его сражаться из последних сил.

— Ну и что с того, — спросил он, силясь придать голосу вызывающий тон. — Почему это он не мог вложить клюшку в мою сумку с такой же легкостью, как... как, по вашему утверждению, это сделал я?

Все заметили его обмолвку. Но он все упирался.

— И вообще, какие у меня могли быть мотивы? Ну-ка, скажите!

— Те же мотивы, которые мы поначалу приписы-

вали мистеру Мидоусу,— сказал Митчел.— Шантаж. Ваши учетные книги и расчеты не лгут, мистер Кук.

Кук отвернулся и внезапно метнулся к выходу. Это было настолько неожиданно для всех, за исключением Уоррингтон-Рива, что прежде чем полицейские опомнились, Кук уже одним рывком распахнул двери и исчез. Но за ним тут же выскочил Рив, крича Рэю:

— Рэй! Не пускайте его к машине! Это он!

Рэй был ошеломлен, но подчинился без размышлений. Подскочил к другим дверям и успел вовремя перегородить выход в коридор. Кук влетел в клубный зал, протолкался через ошеломленную толпу, выбил собственным телом оконное стекло и, спрыгнув на газон, помчался через поле для гольфа.

Его бегство не имело никаких шансов на успех, и он отдавал себе в этом отчет. Знал, что проиграл, что конец близок и неизбежен, чувствовал, как слабеют мышцы и не хватает дыхания. Но не хотел сдаваться. Хотел добраться до деревьев, укрыться там и получить хоть небольшую передышку, чтобы подумать. Должен же быть какой-то выход — даже сейчас...

Полиция, на миг ошеломленная, быстро пришла в себя. Оба констебля были огромного роста и тяжело-ваты, но Фрост и Уиллис помоложе, весьма спортивные и полны решимости любой ценой поймать беглеца. Они проскочили через выбитое окно как олимпийцы-барьеристы, в то время как члены клуба, отворив стеклянные двери, столпились перед зданием, чтобы наблюдать за погоней. Среди них стоял и Уоррингтон-Рив.

— Вернитесь! — крикнул адвокат, когда Рэй с легкостью догнал и перегнал обоих детективов.— У него нож!

В этот момент из клубного зала вышли двое вновь прибывших членов, которые всегда опаздывали — педантичные игроки, державшие мячи и клюшки у себя дома. Минувя возбужденную толпу, они направились на игровое поле, казалось, не замечая ни мчавшейся вдали фигуры, ни трех бегущих за ней мужчин.

Уоррингтон-Рив молниеносно вырвал клюшку из рук одного из вновь прибывших и мяч из руки другого. Широким взмахом освободил пространство перед со-

бой, положил мяч, нанес удар и одновременно громко крикнул:

— Внимание! Бью!

Провинциальные детективы, знакомые с гольфом, тут же сместились к краю поля, не прекращая погони. Рэй предостережение игнорировал. Но Кук автоматически остановился как вкопанный, обернулся — и мяч угодил ему прямо в гортань. Издав сдавленный вопль, он рухнул, слыша при этом смех собравшихся на поле зрителей. Лежал без сил и плакал, когда подбежал Рэй и выбил нож из его руки. Еще пытался бороться, вырывался и кусался, но Рэй крепко держал его, пока не появились Фрост и Уиллис.

Перед клубом, потрясенный небывалым поступком Рива и реакцией окружающих, инспектор Митчел наспех выяснил, что произошло. Шагая через поле, чтобы произвести формальный арест, услышал, как один из членов клуба говорит другому:

— Ну и ну! Но какой тому типу удался удар!

А другой ответил:

— Удался! Нонсенс! Это Уоррингтон-Рив, адвокат Божией милостью. Тридцать лет назад он забирал все призы в стране по гольфу. Не знал, что старик еще держит такой класс!

Мисс Траб пила чай с миссис Форд. На коврике перед камином Джой упорно ползала и падала. Мевис не было дома.

— Вы понятия не имеете, какое для меня облегчение, что Колин оказался невиновен. Правда, Френсис немного с этого толку, но она к нему привязана, ну и опять же дети. Глупо было с моей стороны его подозревать. Он слишком ловок, чтобы поступать так глупо, как Стивен. Но должна сказать, что я не подозревала Кука, пока в один день не убили и Лесли, и Раймонда. Даже тогда я еще думала, что Тома убила Френсис. И подумать только, что мне с самого начала не нужно было молчать...

— Правда всегда окупается, — выдала сентенцию миссис Форд. — И откровенность тоже.

— Разве что так... Колину не повредила бы ни шу-

миха, ни скандал с тех пор, как он уже заполучил в свои руки фирму.

— Рэй с Мевис были того же мнения,— заметила миссис Форд, наливая в чашки свежий чай.— А, собственно, какие мотивы руководили Стивеном?

— Поначалу речь шла о деньгах. Мы не знали, но он был не менее азартным игроком, чем Лесли. Угодил в долги и нечем было их платить. Когда умер наш отец, его положение стало уже отчаянным. Зная, что Френсис в делах не разбирается и что отец завещал все ей, он присвоил достаточно, чтобы расплатиться с долгами. Потом отдал себе отчет, что после смерти отца мне уже не нужно будет скрываться с ребенком, я могла вернуться и начать задавать неприятные вопросы по части финансов, а может быть, и предложить Френсис свою помощь в управлении имуществом. Потом он думал, что сумел от меня избавиться, но, видимо, Лесли обо всем догадался и начал его шантажировать. Когда же Рэй и Мевис заинтересовали моим делом мистера Рива, Кук испугался, что все раскроется, и убил и Лесли, и Раймонда.

— Он действительно убил мистера Торна?

— Его признали виновным в нескольких убийствах. Он мог его убить. Установлено, что в ту ночь он был с Раймондом и имел порошки барбитурата, собственно, не он, а его жена.

— Никчемный мерзавец,— бросила миссис Форд.— Играть роль поверенного в делах всей семьи, имея такое на совести!

— Не удивительно, что моя защита была плохо подготовлена,— с горечью сказала мисс Траб.— Мистер Рив делал все, что мог, но Стивен нейтрализовал любой его шаг.

— На процессе поднимался и вопрос шантажа.

— Да. Это, собственно, и навело их на след Стивена. Лесли получал деньги, но ни Колин, ни Френсис их ему не давали. Долго никого не могли найти, но наконец обнаружили Стивена. Собственно, это была идея мистера Филпота. Тот был удивлен, что адвокатская фирма Стивена распалась, он остался один. Видите ли, в этом деле, если компаньоны отпадают и фирма сворачивается, это означает, что или фирма

пришла в упадок, или уходящие партнеры не испытывают доверия к тому, кто остается. Такое впечатление сложилось у мистера Филпота в отношении Стивена, и он был прав.

— Мевис обратила внимание на то, что их дом в плачевном состоянии. Полагала, потому, что они постоянно помогали жене Лесли.

— Помогали. Точнее, Стивен помогал. Таким образом он платил Лесли при посредничестве его жены. Скотланд-Ярд это выяснил. И они же пришли к мысли насчет гольф-клуба. Умницы.

— Но мистер Кук умом не отличался, — заметила миссис Форд. — И самой большой глупостью с его стороны было то, что он не понимал вас, моя милая.

Вошла Мевис, а за ней и Рэй.

— Я тут слушала подробности всей вашей истории, — с удовлетворением сообщила миссис Форд. — Не знаю я, что все это правда, трудно было бы поверить.

— Есть еще несколько вещей, о которых мы хотели бы вас спросить, мисс Траб, — начала Мевис.

— Элен, — поправила мисс Траб.

— Элен. Тот запах газа в первый раз...

— Ах, это! — рассмеялась она. — Я себя так отвратительно чувствовала после ухода Лесли... Он все намекал на какую-то грозящую мне опасность, но не говорил, с чьей стороны. Я, конечно, подумала о Френсис. Спустилась вниз, чтобы подогреть что-нибудь попить, зазевалась и огонь залило.

— Точно так мы и думали. Разве мы не гении?

— Есть еще вопрос про вашу записку. Тот волнистый край — кто это сделал?

— Тоже я. Написала, что возвращаюсь к миссис Огден, а потом подумала, что будет лучше, если даже вы не будете этого знать, потому отрезала край и вложила письмо к вам в портфель.

— А мы облегчили Куку проникновение внутрь, оставив открытым окно.

— Он и так нашел бы способ. Так, как сделал это в Кониингтоне, забрав ключ от входных дверей. После смерти отца приезжал на несколько дней по вопросу завещания и вообще... Отсутствие ключа никогда никто не заметил. Думаю, он заказал копию.

Мисс Траб встала.

— Мне пора идти,— сказала она.— Я только хотела вас увидеть и поблагодарить. Вы в последний раз видели сегодня Элен Траб.

— О, нет! — воскликнули хором все трое, потрясенные ее словами.

— Нет, разумеется, нет. Я вас буду часто навещать,— улыбаясь, пообещала она, прося прощения, что еще раз их перепугала.

Но она говорила всерьез. Думала об этом в тот самый вечер, сидя в новой комнате, которую сняла далеко от юго-западного пригорода и от Филпотов, в новой части города, где никто ее не знал. И никто не узнает.

Ибо в тот день Уоррингтон-Рив уведомил ее, что приговор за преступление, которого она не совершала, был аннулирован. Наконец она была свободна и в безопасности, уверена в чувствах Френсис, счастлива своей новой работой в сиротском приюте.

Налила себе чаю, придвинула кресло к камину, поправила лампу поудобнее и взялась за письмо с благодарностью Уоррингтон-Риву. А закончив, подписалась именем, которое не позволила запятнать, именем, которое вновь вернула себе,— Элен Виктория Клементс.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛУЧАЙ ДЛЯ ПСИХИАТРА

5

ЛЕГКАЯ ДОБЫЧА

127

ОДЕРЖИМОСТЬ КРОВЬЮ

305

Стенли Эллин
СЛУЧАЙ ДЛЯ ПСИХИАТРА

Джозефина Белл
ЛЕГКАЯ ДОБЫЧА

Рамона Стюарт
ОДЕРЖИМОСТЬ КРОВЬЮ

Редактор *Д. Глазков*
Художественный редактор *И. Лопатина*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректоры *Н. Кузнецова, И. Сахарук, Л. Чуланова*
Компьютерная верстка *Т. Понятых*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 06.03.96.
Уч.-изд. л. 25,11.
Цена 18 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Авторы сборника — признанные мастера детективного жанра. Стенли Эллин («Случай для психиатра») уверенно ведет читателя по лабиринту человеческой души сквозь миры болезненной эротомании преступника, раскрывая подлинные психологические мотивы преступления.

Роман Джозефины Белл («Легкая добыча») — захватывающая реконструкция труднейшего процесса расследования, в результате которого невинный оправдан, а виновный — жестоко наказан.

Рамона Стюарт («Одержимость кровью») рисует перед читателем трагедию превращения «среднего» человека в убийцу-маньяка, трагедию, причина которой остается загадкой до самого конца романа.

